АГАДА

Ф. Тришин

АГАДА

АГАДА

СКАЗАНІЯ, ПРИТЧИ, ИЗРЕЧЕНІЯ ТАЛМУДА И МИДРАШЕЙ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

*

СОСТАВЛЕННАЯ ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМЪ
І. Х. РАВНИЦКИМЪ и Х. Н. БЯЛИКОМЪ
АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ
С. Г. ФРУГА

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. Д. ЗАЛЬЦМАНЪ
БЕРЛИНЪ

Рисунки художника Іосифа Будко

★

★

Печать Библіографическаго Института въ Лейпцигѣ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНІЕ

Въ настоящемъ изданіи собрана большая часть легендъ, притчей и афоризмовъ, разсѣянныхъ на страницахъ обоихъ Талмудовъ (Палестинскаго и Вавилонскаго), Мидрашей и пр.

Время возникновенія такъ называемаго «Устнаго ученія» относятъ къ эпохѣ возвращенія евреевъ изъ Вавилонскаго плѣна. Съ этимъ моментомъ, (начало V в. до хр. лѣтосчисленія) совпадаетъ учрежденіе пророкомъ Ездрою «Великаго Собора», положившаго начало той колоссальной работѣ, которая впослѣдствіи стала извѣстна подъ названіемъ Талмудъ.

Эпоха созиданія Талмуда распадается на три періода: соферовъ (книжниковъ), таннаевъ (учителей) и амораевъ (толкователей).

Дѣятельность соферовъ обнимаетъ періодъ времени отъ возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна до 220-го года до хр. лѣтосчисленія. Соферы были собирателями «Устнаго ученія», которое путемъ преданій переходило отъ одного поколѣнія къ другому.

Таннаи (220 до хр. лѣтосчисленія — 220 хр. лѣтосчисл.) продолжаютъ работу соферовъ, пріумножаютъ и развиваютъ ее при помощи школъ и академій, учреждаемыхъ въ Палестинѣ. Накопившаяся впродолженіи почти пяти столѣтій масса преданій, законоположеній и мнѣній разныхъ талмудическихъ школъ приводится въ систему однимъ изъ послѣднихъ таннаевъ, раби Іегудою Святымъ (конецъ II в.) и кодифицируется подъ названіемъ «Мишна» — второученіе.

Результатомъ дѣятельности амораевъ въ теченіе трехъ столѣтій (200—500) явилась «Гемара» — дополненіе къ Мишнѣ, ея толкованіе и объясненіе.

Мишна и Гемара составляютъ Талмудъ. Послѣдній въ то-же время состоитъ изъ двухъ элементовъ: Галахи и Агады. Галаха — сводъ законодательныхъ нормъ, религіозныхъ и гражданскихъ; Агада — кодексъ обще-этическихъ нормъ. Въ Галахѣ этика обрѣла свою логику, въ Агадѣ — свою философію и поэзію. Трудъ составленія Талмуда завершился, но преемственная работа мысли продолжалась въ тѣхъ-же двухъ основныхъ направленіяхъ. Въ области Галахи, благодаря противорѣчивымъ мнѣніямъ разныхъ школъ, стали возникать новые вопросы, властно требовавшіе отвѣта, въ примѣненіи къ религіозной практикѣ. Разработка этихъ вопросовъ продолжалась потомъ учеными, извѣстными подъ названіемъ сабореевъ и гаоновъ. Въ то-же время изъ Агады сталъ возникать особый родъ письменности подъ названіемъ «Мидрашъ», каковы: Мидрашъ-Раба (на Пятикнижіе и пять мегилотъ), Песикта, Танхума, Тана дебэ Еліагу и друг.

Впродолженіи многихъ вѣковъ совершался этотъ процессъ кристаллизаціи мыслей и грезъ, чувствъ и переживаній многихъ поколѣній еврейскаго народа, то усиливаясь, то ослабѣвая, но не прерываясь и не останавливаясь въ своемъ созидательномъ движеніи.

Передъ нами мозаика удивительной сложности и разнообразія рисунка: рядомъ съ тезисомъ, жесткимъ и непоколебимымъ какъ скала — ласковое, увѣщательное слово добраго, стараго наставника. Элементы (правда, едва намѣченные неопытной рукой) героическаго эпоса пересыпаны трепетными вспышками живого, самороднаго юмора. Тутъ и характеристики личныя и общественныя, и силуэты религіознаго аскетизма, и загадочныя явленія вѣроотступничества, и апоѳеозъ великомученичества. Тутъ-же: картины яркаго реализма, бытового и художественнаго, и рядомъ — едва уловимое мерцаніе далекаго миѳа; подавляющая мощь и блескъ Откровенія, тяжеловѣсные проповѣдническіе шаблоны, отчаянный крикъ измученной ду-

ши: «Лучше-бы человѣку не родиться!» и вѣчная, свѣтлая сказка о свѣтлой и радостной жизни.

И, не смотря ни на сложную мозаичность этой работы, ни на отдаленность другъ отъ друга, по времени ихъ происхожденія, многихъ изъ этихъ притчей и сказаній, всѣ онѣ носятъ одинъ общій характеръ, и сущность ихъ, философская и моральная — одна и та-же повсюду. — Оно и понятно:

Агада представляетъ, въ широкомъ смыслѣ, комментарій къ текстамъ библейскаго повѣствованія. Правда, она расширяетъ рамки послѣдняго, вводитъ новые эпизоды, устанавливаетъ связь между отдаленнѣйшими событіями, лицами, пророчествами, образуетъ — или, по крайней мѣрѣ, усиливается образовать — «обстановку», то бытовую, то мистическую, каждаго момента, каждаго событія. Самый-же трактуемый моментъ, какъ въ его фактическомъ или символическомъ содержаніи, такъ равно и въ моральномъ воздѣйствіи, какое онъ имѣетъ оказать, долженъ оставаться непоколебимымъ въ сознаніи каждаго, какъ непоколебимо само библейское повѣствованіе или слово пророческое.

Нерѣдко «Агадою» видоизмѣняется весь, установленный исторической традиціей, антуражъ событія, лицамъ приписываются чуждыя имъ, казалось-бы, свойства и дѣйствія, общественнымъ группамъ и народнымъ массамъ — размѣры маловѣроятные, иногда прямо сказочные. Но и въ этихъ случаяхъ историческій смыслъ событія сохраняется во всей его ясности и глубинѣ; назидательность-же его, составляющая конечную цѣль всей работы, пріобрѣтаетъ особенную выпуклость, полноту и значительность.

И вмѣстѣ съ тѣмъ — какая мощь и ширь миѳотворческаго размаха и какая трогательная, интимная упрощенность въ обращеніи съ высшими формами мистическаго міропредставленія!

Земной міръ — только преддверіе къ жизни загробной, жизни вѣчной. Да, но міръ этотъ, самъ по себѣ — изумительный шедевръ, дивный филигранъ геніальнѣйшаго мастера. Богъ, Жизнедатель, на херувимахъ Возсѣдающій, Богъ Великій, Сильный и Страшный — не только

«владыка» міра, но также его добрый, безконечно радушный «хозяинъ». Человѣкъ является не только «вѣнцомъ» творенія, но и первоцѣлью его, и объясненіемъ, и оправданіемъ. Смертному завидуютъ духи безсмертные, для его просвѣтлѣнія и совершенствованія они существуютъ, скорбятъ его скорбями, его радостями ликуютъ. Они берегутъ, обслуживаютъ, лелѣютъ душу его, которая вся — одинъ немолчный аккордъ, одна вѣчно и радостно звучащая пѣснь о мудрости и благости Господней, о красотѣ и совершенствѣ созданнаго Имъ міра.

Въ трактатѣ «Сотта» приведенъ такой случай: Въ одномъ городѣ поучали народъ одновременно раби Абагу и равъ Хія. Равъ Хія объяснялъ Галаху, и слушатели вскорѣ отошли отъ него и собрались вокругъ р. Абагу послушать притчи Агады. Въ утѣшеніе огорченному р. Хіи, р. Абагу обратился къ нему со слѣдующей притчей: — «Пришли въ одно мѣсто два торговца: одинъ продаетъ драгоцѣнные камни, другой — простые, но полезные предметы домашняго обихода. Не натурально-ли, что у второго окажется несравненно больше покупателей, чѣмъ у перваго?»

«Простые, но полезные предметы домашняго обихода», — таковою почиталась «Агада» самими творцами и популяризаторами ея. «Агада» была не только популярной, но впродолженіи многихъ вѣковъ и единственною формою духовнаго общенія съ массой. Тамъ, гдѣ вся красота и поэзія быта исчерпывались однимъ, окаменѣвшимъ въ своихъ формахъ, ритуаломъ; въ тѣ времена, когда малѣйшій уклонъ въ сторону чужеземнаго и иноплеменнаго почитался за смертный грѣхъ — «Агада» была для народа всѣмъ: она была его каѳедрой, его сценой и эстрадой, мистеріей, сказкой, сатирой, торжественной одой и пѣснью колыбельной — свѣтомъ и воздухомъ народной души.

Мужи Великаго Собора, созидая Талмудъ, говорили: «Дѣлайте ограду вокругъ закона». И въ тѣ, ставшіе историческими, моменты, когда въ духовную жизнь палестинскаго еврейства стала проникать новая проповѣдь съ новыми формулами морали, «ограда» эта должна была сослужить особую службу, въ смыслѣ сохраненія народной ду-

ши во всей ея традиціонной неприкосновенности. Галаха видѣла единственное средство для этого въ высотѣ и неприступности «ограды» и въ крѣпости засововъ и замковъ, ее запирающихъ. Но врядъ-ли это оказалось-бы вполнѣ достаточнымъ, если-бы не вліяніе Агады, которая и ласково-увѣщательною рѣчью, и самою формой этой рѣчи созидала внутри ограды атмосферу не холодной, застывшей буквы, но живой, чуткой и подвижной мысли. Евреямъ не было надобности искать у другихъ того, что они находили у себя-же, и въ томъ «новомъ», что имъ сулились дать, для нихъ, такимъ образомъ, не оказывалось ничего дѣйствительно новаго.

Агада пользовалась широкой популярностью въ народѣ. Но это не все. Агада въ то же время являлась несомнѣннымъ продуктомъ народной мысли, народнаго творчества. Патріархъ и кузнецъ, іерей и башмачникъ, ученый математикъ и портной, и простой сельчанинъ, и пекарь, и могильщикъ, и сынъ поденнаго работника-дровосѣка — вотъ какихъ различныхъ положеній люди были творцами «Агады» и ея популяризаторами. Тутъ совершался процессъ творческаго взаимообмѣна, какъ между росой и туманомъ, между морской влагой и дождевымъ облакомъ. «Агада» черпалась изъ родниковъ народной грезы, и ею-же орошалась нива народнаго сознанія.

Опытъ изданія въ оригиналѣ отдѣльнымъ сборникомъ легендъ и изреченій «Агады» предпринимался неоднократно и въ прежніе годы, но выполнена эта задача, — и выполнена превосходно, — лишь въ послѣднее время, гг. І. Х. Равницкимъ и Х. Н. Бяликомъ, издавшими «Sefer ḥa-Agada», куда вошло все, что представляется сколько нибудь цѣннымъ въ этомъ культурно-историческомъ наслѣдіи нашего прошлаго. Работа эта окажетъ неоцѣнимую услугу широкимъ кругамъ еврейскихъ читателей, отъ которыхъ невозможно требовать непосредственнаго обращенія къ первоисточникамъ.

Тѣмъ болѣе насущною представлялась потребность въ появленіи такого изданія на русскомъ языкѣ. Огромной части нашего поколѣнія, а главное — болѣе свѣжимъ и чут-

кимъ его элементамъ —современной еврейской молодежи (за малыми исключеніями), древнееврейскій языкъ совершенно не знакомъ, и тутъ никакія антологіи, разъ онѣ изданы на языкѣ подлинника, помощи не окажутъ.

И мы издаемъ эту книгу въ надеждѣ, что она найдетъ читателей въ этой именно средѣ, открывъ передъ нею обширную область народнаго мышленія, тысячелѣтнюю сокровищницу національныхъ цѣнностей.

И какъ знать, быть можетъ, въ наше время, время мучительныхъ «бореній» и «исканій», найдется кое-что назидательное и для объективной мысли въ этомъ памятникѣ народнаго творчества далекаго прошлаго.

Въ распредѣленіи матеріала мы придерживались слѣдующаго порядка: въ I части помѣщены матеріалы историческія, отъ сотворенія міра до эпохи Второго храма; часть II содержитъ жизнеописаніе таннаевъ и амораевъ; часть III — культурно-историческое достояніе народа и этику религіозную и національную; часть IV — отношенія личныя и соціальныя; отношенія человѣка къ природѣ и пр.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда сюжетомъ легенды взято событіе изъ библейской или исторической хроники и планомѣрность повѣствованія нарушена излишними повтореніями, мы брали только тѣ моменты, которые являются болѣе существенными въ данномъ сюжетѣ, опуская остальное, какъ лишній балластъ, только заслоняющій коренную мысль повѣствованія.

Наиболѣе популярныя имена и названія мѣстностей мы передаемъ по русско-греческому произношенію, прочія имена и названія — въ транскрипціи болѣе близкой къ ихъ еврейскому произношенію.

О ПРИТЧѢ

Не относись къ притчѣ пренебрежительно. Подобно тому, какъ при свѣтѣ грошовой свѣчки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, такъ помощью притчи познается истина. *Ш.-Гаш. Р.*

*

«Сверхъ того, что Екклезіастъ былъ мудръ, онъ еще училъ народъ знанію. Онъ все изучалъ, изслѣдовалъ и много притчей составилъ».

Равъ Нахманъ училъ: «До Соломона Тора, источникъ мудрости и истины, представлялась людямъ въ видѣ лабиринта со множествомъ входовъ и выходовъ, въ которыхъ невозможно было не заблудиться. Явился Соломонъ — и притча стала тѣмъ клубкомъ нитокъ, помощью котораго люди стали свободно ходить по лабиринту Торы».

Раби Ханина говорилъ: «Былъ глубокій колодезь съ превосходной, студеной водой, которою долгое время никто не пользовался, пока не нашелся человѣкъ, который, связавъ вмѣстѣ нѣсколько веревокъ, началъ черпать воду изъ колодца, а за нимъ и другіе стали черпать и пить. Такъ и Соломонъ: сказаніе за сказаніемъ, притча за притчей-онъ достигъ до сокровеннѣйшихъ источниковъ знанія». *тамъ-же.*

*

Въ одномъ городѣ поучали народъ одновременно раби Абагу и равъ Хія баръ* Аба. Равъ Хію, который объяснялъ галаху (законъ), вскорѣ всѣ покинули и собрались вокругъ раби Абагу, съ увлеченіемъ слушая сказанія и

* Сынъ.

притчи. Покинутый слушателями, равъ Хія палъ духомъ. Видя это, раби Абагу обратился къ нему со слѣдующей притчей: «Въ одно мѣсто пришли два торговца: одинъ продаетъ драгоцѣнные камни, другой — простые, но полезные предметы домашняго обихода. Не естественно-ли, что у второго окажется несравненно больше покупателей, нежели у перваго? *Сота, 40.*

*

Велико было соперничество между галахистами и агадистами.

Раби Исаака Нафха* пришли послушать равъ Ами и равъ Аси. Первый желалъ поучиться галахѣ, второй послушать агаду, и каждый просилъ о своемъ, не давая учителю приступить ни къ той, ни къ другой лекціи.

По поводу этого раби Исаакъ сказалъ: «Своимъ соперничествомъ вы поставили меня въ положеніе человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго двухъ женъ — молодую и старую: первая выщипываетъ у него сѣдые волосы, чтобъ онъ имѣлъ видъ молодого, а вторая — темные волосы, чтобъ онъ болѣе походилъ на старика. Въ концѣ-концовъ, бѣдный человѣкъ остается лысымъ». *Б.-К., 60.*

*

«До предѣловъ вселенной слова ихъ доходятъ». Это сказано о словахъ притчи. *Т. д. Ел.*

«Ты пьешь вино — кровь виноградныхъ ягодъ». Подобно вину, притча влечетъ къ себѣ сердце человѣческое. *Сифре.*

*

«Освѣжите меня яблоками», — говоритъ Суламита въ «Пѣснѣ пѣсней».

Читайте притчи: вкусомъ и ароматомъ плодамъ яблони подобны онѣ.

*

Галаха — хлѣбъ, агада — вино. *Ваик.-Р., 1.*

---

* Нафха—кузнецъ.

СОТВОРЕНІЕ МІРА И ПЕРВЫЯ ПОКОЛѢНІЯ

СОТВОРЕНІЕ МІРА

Повѣствованіе о сотвореніи міра начинается съ буквы *бетъ* ב, имѣющей начертаніе, открытое только съ одной, передней стороны. Этимъ предуказано, что только то, что послѣдовало *послѣ* начала божественнаго міростроительства, можетъ быть доступно человѣческому разумѣнію. *Бер.-Р., 1.*

*

Былъ у царя кубокъ тончайшаго стекла.

— Чѣмъ, думалъ царь, кубокъ этотъ наполнять? Горячей влаги стекло не выдержитъ, отъ холодной потускнѣетъ.

И царь бралъ кубокъ только для теплыхъ напитковъ.

Сотворилъ Богъ вселенную и подумалъ — какъ руководить Своимъ твореніемъ: однимъ строгимъ правосудіемъ — міру грозитъ разрушеніе; однимъ милосердіемъ — земля въ грѣхахъ потонетъ. «Соединю, — рѣшилъ Господь, — правосудіе съ милосердіемъ. И то, устоитъ-ли?» *тамъ-же, 12.*

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Раби Елеазаръ бенъ* Симеонъ училъ:

— Въ Писаніи упоминается то сначала небо, потомъ земля, то въ обратномъ порядкѣ. Этимъ указано, что земля и небо вполнѣ равноцѣнны передъ Господомъ. *тамъ-же, 2.*

---

* Сынъ.

СВѢТЪ

— Какъ былъ сотворенъ свѣтъ? — спросилъ раби Симеонъ бенъ Егосадокъ?

— Господь, — отвѣтилъ раби Самуилъ баръ Нахманъ, — облачился въ ослѣпительно бѣлыя ризы, отъ которыхъ потоками хлынулъ свѣтъ, засіявшій отъ края до края вселенной. *тамъ-же.*

*

Раби Елеазаръ училъ:

— Свѣтъ, сотворенный Предвѣчнымъ въ первый день творенія, былъ такой чистоты и силы, что человѣкъ могъ видѣть отъ конца до конца вселенной. Съ появленіемъ на землѣ грѣха и порока дивный свѣтъ этотъ началъ тускнѣть и, наконецъ, отнятъ былъ Всевышнимъ у земного міра и пріуготованъ для праведниковъ въ загробной жизни. *Хаг., 12.*

ДЕРЕВЬЯ И ЗЛАКИ

Когда сотворено было желѣзо, трепетъ страха прошелъ по деревьямъ.

Но желѣзо сказало:

— Не давайте рукоятки для топора — и ни одно изъ васъ повреждено не будетъ. *Бер.-Р., 5.*

*

Раби Симонъ училъ:

— Каждая былинка имѣетъ ангела-хранителя, который властно повелѣваетъ ей: «Расти!» *тамъ-же, 10.*

СОЛНЦЕ И ЛУНА

«И создалъ Богъ два свѣтила великія»*.

— Господи, — сказала луна, — невозможно двумъ царямъ одинъ вѣнецъ носить.

— Иди, — отвѣтилъ Всевышній, — и сама умали себя.

---

* Одинаковой величины.

— За то-ли, Господи, что правдивое слово я молвила, Ты умалить себя повелѣваешь мнѣ? — взмолилась луна.

Отвѣчалъ Всемилосердный:

— Звѣзды да будутъ спутниками тебѣ. *Хул., 60.*

«И ВСЯКАЯ ТВАРЬ»

Равъ Іегуда училъ со словъ Равва:

Ничто въ мірѣ Божьемъ не сотворено безъ цѣли.

— Даже тѣ твари, существованіе которыхъ кажется человѣку совершенно нецѣлесообразнымъ, содѣйствуютъ строю и порядку мірозданія, и Создатель творитъ волю Свою черезъ каждое Свое твореніе, не исключая даже змѣи, лягушки, комара.

Шаб., 77; Бер.-Р., 10.

*

Раби Негорай училъ:

— Когда люди грѣшатъ, и кара небесная грозитъ обрушиться на нихъ, милосердный взоръ Всевышняго останавливается на гадахъ и паразитахъ, — и Господь говоритъ:

— Этимъ, въ которыхъ надобности нѣтъ, я даю жизнь. Отниму-ли ее у тѣхъ, кому Мною дано высокое назначеніе на землѣ?

Іеруш., Бер.

ЧЕЛОВѢКЪ

Р. Симонъ училъ:

Когда Всевышній рѣшилъ создать человѣка, между духами небесными произошелъ расколъ. Одни говорили: «сотвори человѣка», другіе: «не твори его».

— Сотвори его, — говорилъ духъ Милосердія, — онъ будетъ творить милость на землѣ.

— Не твори его, — говорилъ духъ Правды, — онъ ложью осквернитъ душу свою.

— Сотвори его, — говорилъ духъ Справедливости, — добрыми дѣлами онъ жизнь украситъ.

— Не твори его, — говорилъ духъ Мира, — землю враждою наполнитъ онъ.

Повергъ Господь Правду на землю. И взмолились Ангелы-Служенія, говоря:

— Владыка міровъ! Зачѣмъ пятнаешь Ты Правду, печать величія Твоего? Подними ее съ земли, Господи!

И пока духи вели споръ между собою, осуществилось дѣло божественнаго творчества.

— Для чего, — сказалъ Господь, — пререканія ваши? Сотвореніе человѣка уже совершилось. *Бер.-Р., 8.*

*

Раби Меиръ училъ:

— Со всѣхъ концовъ земли слетѣлись пылинки, частицы того праха, въ который Господь вдохнулъ животворящее начало, душу живую и безсмертную. *Санг., 38.*

*

Сотворенъ былъ только *одинъ* человѣкъ.

Это должно служить указаніемъ, что:

тотъ, кто губитъ хотя одну человѣческую душу, разрушаетъ цѣлый міръ, и кто спасаетъ одну душу, спасаетъ цѣлый міръ;

не можетъ одинъ человѣкъ возгордиться передъ другимъ человѣкомъ, говоря: мой родъ знатнѣе твоего рода;

каждому человѣку слѣдуетъ помнить, что для него и подъ его отвѣтственность сотворенъ міръ. *тамъ-же, 37.*

*

Создавъ человѣка, Господь повелъ его по садамъ Эдема, говоря:

— Гляди, какъ прекрасенъ этотъ міръ, созданный Мною для тебя. Береги его и помни, что поврежденнаго тобою некому будетъ исправить. *Ког.-Р., 9.*

ВЪ КАНУНЪ СУББОТЫ

Десять вещей предуготовано было въ канунъ Субботы, въ сумерки: пасть земли (поглотившая Корея и его сообщниковъ), устье колодца (по сказанію — слѣдовавшаго за израильтянами въ пустынѣ), человѣческій голосъ Валаамовой ослицы, радуга (появившаяся послѣ прекращенія потопа), манна, посохъ Моисея, шамиръ (червь, помощью котораго, по древнему сказанію, Соломонъ тесалъ гигант-

скіе камни при построеніи храма), письмена, стиль для письма, скрижали Завѣта.

По другому сказанію — также: злые духи, гробница Моисея, овенъ, принесенный Авраамомъ въ жертву вмѣсто Исаака, и *первые* щипцы (безъ которыхъ не могли-бы быть изготовлены другіе щипцы). *П. Аб., 5.*

АПОѲЕОЗЪ ВСЕЛЕННОЙ

Равъ Хама баръ Ханина училъ:

— Подобно царю, который любуется построеннымъ имъ чертогомъ, Господь, взирая на юный міръ, говорилъ:

— «Міръ мой, міръ мой! О, если-бы вѣчно пребывалъ ты такимъже прекраснымъ и чистымъ въ очахъ Моихъ, какъ въ первые дни твоего существованія!» *Бер. Р., 9.*

*

Разукрашенному съ царской пышностью вѣнчальному балдахину подобенъ былъ міръ въ вечеръ шестого дня. И снизошелъ къ міру, подобно невѣстѣ, святой покой Субботы. *тамъ-же, 10.*

*

«Все сдѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время»*.

Раби Танхума училъ:

— Міръ былъ сотворенъ въ урочное время, ранѣе котораго ему не подобало быть созданнымъ.

Раби Абагу училъ:

— Міровъ многое множество созидалъ и разрушалъ Всевышній, — созидалъ и уничтожалъ, пока не была сотворена вселенная. И сказалъ Господь: «Тѣ міры не годились, а въ этомъ все прекрасно». *тамъ-же, 9.*

*

Съ гордостью взиралъ Создатель на вселенную, говоря (духамъ небеснымъ):

— Видите существа, созданныя Мною, и образы, Мною начер-

---

* Екклезіастъ.

танные? «Вотъ какъ возникли небо и земля при сотвореніи ихъ». Творецъ ихъ воздаетъ имъ хвалу, — кто-же ихъ унизитъ? Творецъ славитъ ихъ, — кто-же порицать ихъ станетъ? Прекрасны и совершенны творенія Мои. *тамъ-же 12.*

ЕВА

«И Господь образовалъ Еву изъ ребра Адама».

Разсудилъ Господь такъ:

— Не сотворю ее изъ головы его, дабы она не была высокомѣрной; не изъ глаза его — чтобы она не была любопытной; не изъ уха — чтобы не подслушивала; не изъ устъ — чтобы не была болтливой; не изъ сердца — чтобы завистливой не была; не изъ рукъ — чтобы не была любостяжательной; не изъ ногъ, чтобы не была праздношатающейся.

Изъ ребра — скромной и скрытой части тѣла — сотворилъ Господь женщину и, по мѣрѣ образованія каждаго изъ членовъ тѣла ея, приговаривалъ: «Будь кроткою, женщина! Будь добродѣтельной, женщина!»

Однако-же, ни отъ одного изъ пересчитанныхъ недостатковъ не свободна женщина. *тамъ-же, 18; Танх.*

*

— Вашъ Богъ — воръ, сказалъ кесарь рабанъ Гамліелю: усыпилъ Адама — и у соннаго ребро укралъ.

— Позволь мнѣ, отецъ, — сказала дочь р. Гамліеля — отвѣтить вмѣсто тебя.

И, обращаясь къ кесарю, продолжала:

— Я требую правосудія: прошлой ночью къ намъ забрались воры и, похитивъ серебряный кубокъ, оставили намъ кубокъ изъ чистаго золота.

— О, если-бы каждый день посылали намъ боги подобныхъ воровъ! — воскликнулъ кесарь.

— Такъ дурно-ли было для Адама, что взамѣнъ ребра ему дана была женщина? *Санг., 39.*

*

Изъ сказанія раби Симеона бенъ Манасіи:

— Съ материнской заботливостью Господь собственноручно заплелъ въ косы волосы Евѣ передъ тѣмъ, какъ впервые показать ее Адаму. *Бер.-Р., 61.*

ОГОНЬ

Раби Іосэ говорилъ:

Огонь имѣлъ быть созданъ въ канунъ Субботы, но сотвореніе его было отложено до исхода субботняго дня. Предвѣчный зародилъ въ умѣ Адама божественный начатокъ творчества. Взялъ Адамъ два камня и, высѣкая изъ нихъ огонь, произнесъ:

«Благословенъ творящій свѣтильники огненные!»

Пес. 54; Бер.-Р., 11.

ГРѢХОПАДЕНІЕ

«Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ».

Онъ разсуждалъ: «Если я обращусь прямо къ Адаму, онъ меня не послушается. Обольщу сначала Еву, — женщины легковѣрны.

*

И началъ змѣй хулить Господа, говоря:

— Онъ самъ вкусилъ отъ этого дерева — и создалъ міръ. А вамъ, людямъ, сказалъ: «Не ѣшьте отъ него», ибо опасался, чтобы вы не стали тоже творить міры.

И еще говорилъ змѣй:

— Будущее принадлежитъ позжеродившемуся. Вы созданы послѣ всѣхъ твореній, дабы властвовать надъ міромъ. Поспѣшите-же поѣсть плодовъ этихъ, пока Богъ еще не создалъ другихъ людей, которые начнутъ властвовать надъ вами.

Подошелъ змѣй къ дереву, взялся за стволъ и началъ трясти его. Затрепетало дерево, зашумѣла листва его: «Не смѣй дотрагиваться до меня, нечестивецъ!» А змѣй говоритъ Евѣ:

— Вотъ, я дотронулся до дерева — и не умеръ. Дотронься и ты; увидишь — жива останешься.

Дотронулась Ева до дерева и видитъ — призракъ смерти стоитъ передъ нею.

— Горе мнѣ! — воскликнула она, — теперь я умру, а Богъ сдѣлаетъ другую женщину и дастъ ее Адаму!

Тотчасъ-же она взяла плодовъ и ѣла, и дала также Адаму, и онъ ѣлъ.

И не только Адаму дала Ева поѣсть плодовъ отъ запретнаго дерева, но покормила ими и животныхъ, и птицъ, и звѣрей. Не поддалась искушенію одна только птица фениксъ.

Эта птица и живетъ вѣчно, черезъ каждыя тысячу лѣтъ сгорая въ пламени, выходящемъ изъ ея гнѣзда, и снова возрождаясь изъ пепла. *Бер. Р., 19; П. д. Ел.*

*

Равъ Симеонъ бенъ Манасіи училъ:

— Не осуществись грѣхопаденіе, искуситель сталъ-бы вѣчнымъ слугою роду человѣческому. Каждому добродѣтельному человѣку дано было-бы въ услуженіе по два змѣя, которые добывали-бы для него изъ сокровищницъ Сѣвера и Юга жемчугъ и всевозможные драгоцѣнные камни. *Санг., 59.*

ПОСЛѢ ГРѢХОПАДЕНІЯ

Наступилъ первый солнечный закатъ послѣ изгнанія изъ рая. Похолодѣло отъ страха сердце Адама.

— Горе мнѣ! — возопилъ онъ, — за грѣхъ мой погасъ свѣтильникъ дня, и міръ снова обращается въ хаосъ. Это смерть, посылаемая въ наказаніе мнѣ небомъ!

Всю ночь просидѣли Адамъ и Ева, каясь и плача. Когда-же снова взошло солнце, они поняли, что таковъ порядокъ въ природѣ, и жертвоприношеніемъ возблагодарили Господа. *Ав.-З., 8.*

КАИНЪ И АВЕЛЬ

И сказалъ Каинъ Авелю, брату своему:

— Подѣлимъ міръ между собою.

— Подѣлимъ, — согласился Авель.

Взялъ Каинъ землю, а Авель стада. И условились не затрагивать одинъ владѣнія другого.

Погналъ Авель свои стада въ поле, а Каинъ кричитъ ему: «Зем-

ля, по которой ты ходишь, *моя!*» — «А одежда, которая на тебѣ, не изъ шерсти-ли *моихъ* овецъ сдѣлана?» — отвѣчаетъ Авель.

— Прочь съ *моей* земли!

— Долой одежду изъ *моей* шерсти!

Погнался Каинъ за Авелемъ по холмамъ и долинамъ, пока не настигъ его. Завязалась борьба. Не выдержалъ Каинъ, упалъ и, прижатый къ землѣ, сталъ молить о пощадѣ: «Авель, братъ мой! Насъ двое на землѣ. Умертвивъ меня, что ты отвѣтишь отцу нашему?» Сжалился Авель надъ Каиномъ, освободилъ его. Всталъ Каинъ и убилъ Авеля.

Медленно, долго убивалъ его Каинъ: схвативъ камень, но не зная, какъ нанести смертельный ударъ, онъ наносилъ ему побои по всему тѣлу, пока не перешибъ ему горло, — и Авель умеръ.

*

Убивъ брата, Каинъ подумалъ:

— Спрячусь отъ отца и матери; вѣдь отъ меня они и станутъ взыскивать за убитаго брата, потому что кромѣ меня и его нѣтъ никого на свѣтѣ.

Въ это время предсталъ Каину Господь, говоря:

— Отъ родителей своихъ ты можешь бѣжать, но отъ Меня скрыться-ли тебѣ? Отвѣчай: гдѣ Авель, братъ твой?

— Не знаю, — отвѣчалъ Каинъ, — почему Ты спрашиваешь меня? Скажи Ты мнѣ, гдѣ онъ?

— Злодѣй! — сказалъ Господь, — голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли.

Подобно вору, который сталъ-бы возлагать вину свою на стражу, не устерегшую его, Каинъ говорилъ:

— Да, я убилъ брата моего, но не Тобою-ли внушено мнѣ это злое дѣло? Вѣдь Ты — стражъ всего сущаго на землѣ. Кромѣ того, если-бы Ты не отвергъ моей жертвы, я не сталъ-бы завидовать и мстить ему.

И еще говорилъ Каинъ:

— Владыка вселенной! Я никогда не видалъ убитаго и не зналъ, что, нанося Авелю удары камнемъ, я этимъ убью его. И откуда Ты узналъ объ убійствѣ? Отецъ и мать находятся на землѣ и не знаютъ; какъ-же объ этомъ узналъ Ты, находясь на небѣ?

— Глупецъ! Всю тяжесть міра я въ долготерпѣніи ношу на Себѣ, — сказалъ Господь, — и отъ Меня ничего сокровеннаго нѣтъ.

— Такъ Тебѣ-ли, Господи, — взмолился Каинъ, — трудно снести единый грѣхъ мой? «Наказаніе-же мое больше, нежели снести можно».

— Раскаяніе спасаетъ тебя, — сказалъ Господь.

«И пошелъ Каинъ отъ лица Господня и поселился въ землѣ Нодъ».

*

Каинъ шелъ, и земля дрожала подъ его ногами, и лютые звѣри метались кругомъ, и звучалъ ихъ ревъ и вой: «Вотъ онъ, вотъ онъ, братоубійца, изгнанникъ и скиталецъ на землѣ. Растерзаемъ его, сожремъ его!»

Ручьями полились слезы изъ глазъ Каина; и взмолился онъ:

«Куда уйду отъ духа Твоего?
Куда отъ лика Твоего я скроюсь?
На небо вознесусь-ли я, — Ты тамъ;
Сойду-ли въ преисподнюю, — Ты тамъ-же.
Возьму-ли крылья утренней зари,
Переселюсь на край-ли океана, —
И тамъ меня рука Господня поведетъ,
И тамъ десница Божья остановитъ!»...

Танх.; Бер.-Р., 22.

*

Истерзанное тѣло Авеля лежало въ полѣ; кровью его обрызганы были кусты и камни. Вѣрная собака его, овчарка, стерегла убитаго, отгоняя хищныхъ птицъ и звѣрей.

Полными ужаса глазами глядѣли Адамъ и Ева на убитаго сына, не зная, что слѣдуетъ сдѣлать съ этимъ похолодѣвшимъ, неподвижнымъ тѣломъ. Недалеко отъ того мѣста лежалъ павшій воронъ. И вотъ, бывшій тутъ другой воронъ подумалъ: «покажу этимъ людямъ, что слѣдуетъ сдѣлать съ трупомъ», разгребъ землю и закопалъ въ ней мертваго товарища. Видя это, Адамъ и Ева вырыли могилу и похоронили Авеля. *П. д. Ел.*

ЕНОХЪ

«И ходилъ Енохъ путями Господними».

Отвратилъ Енохъ душу свою отъ порочныхъ дѣлъ людскихъ и скрывалъ отъ людей чистые тайники души своей. Долгое время жилъ такъ Енохъ, проводя въ молитвѣ дни свои въ уединенной кельѣ въ жилищѣ своемъ.

И однажды, во время молитвы, возвалъ къ Еноху Ангелъ Божій.

И отвѣчалъ Енохъ:

— Вотъ я!

И сказалъ Ангелъ Божій:

— Встань, Енохъ, выйди изъ кельи своей, ступай къ людямъ и поучай ихъ, какими путями ходить и дѣлать дѣла угодныя Господу.

Всталъ Енохъ, вышелъ изъ кельи своей и изъ жилища своего. И начали собираться къ Еноху люди со всей земли, чтобы послушать поученія его. И люди поставили его царемъ надъ собою, приходили и кланялись ему до земли, и слушали всѣ и слѣдовали наставленіямъ его.

Двѣсти сорокъ три года царствовалъ Енохъ, творя судъ и милость въ народѣ.

Однажды, когда Енохъ поучалъ народъ, воззвалъ къ Еноху Ангелъ Божій и возвѣстилъ ему, что рѣшено призвать его на небо, дабы онъ поучать сталъ Сыновъ Господнихъ такъ, какъ онъ поучалъ дотолѣ сыновъ человѣческихъ.

И вотъ, въ то время, когда Енохъ поучалъ народъ, подняли люди глаза и увидѣли: несется съ неба нѣчто въ образѣ исполинскаго коня и летитъ направляясь къ землѣ. Сказали люди объ этомъ Еноху. И отвѣчалъ Енохъ:

— Для меня посланъ этотъ конь, ибо наступило мнѣ время уйти отъ васъ навсегда.

Въ эту минуту конь достигъ земли и сталъ передъ Енохомъ. И всѣ бывшіе тутъ видѣли это. Тогда повелѣлъ Енохъ оповѣстить по всей землѣ, чтобы всѣ желающіе послушать слово Божіе, пришли еще сегодня, передъ тѣмъ, какъ Енохъ будетъ взятъ съ земли. Собрались къ Еноху всѣ люди съ ихъ вождями и правителями и весь день тотъ слушали наставленія въ мудрости, знаніи и страхѣ Божіемъ; и заключилъ Енохъ миръ между всѣми людьми, послѣ чего

сѣлъ на коня и поѣхалъ шагомъ неторопливымъ. И пошли вслѣдъ за нимъ люди, около восьмисотъ тысячъ человѣкъ. Весь день тотъ они шли за Енохомъ.

— Возвращайтесь къ жилищамъ своимъ, дабы не умереть вамъ въ пути, — говорилъ имъ Енохъ. Часть провожавшихъ возвратились; другіе шли еще шесть дней за нимъ. Тѣ—же, которые и на седьмой день продолжали идти за нимъ, говорили:

— Съ тобою пойдемъ мы, куда бы ни шелъ ты. Клянемся, что только смерть разъединитъ насъ съ тобою!

Упрашивалъ ихъ Енохъ уйти пока не поздно, но они не послушались его. Отвернулся отъ нихъ Енохъ и болѣе не говорилъ съ ними.

И вотъ, налетѣла буря... Огненная колесница съ конями огненными появилась въ вихрѣ — и вознесся Енохъ на небо.

Ходившіе потомъ на поиски за послѣдними, провожавшими Еноха, людьми, пришли на то мѣсто и видятъ: все пространство покрыто сплошнымъ снѣгомъ и ледяными глыбами, и ни единаго признака жизни незамѣтно кругомъ. *Сеф. Гаіаш.*

ПОТОПЪ

Вначалѣ, до сотворенія человѣка, однѣ только воды славили Всевышняго.

«Пуще гула многихъ водъ могучихъ, въ небесахъ могучъ Господь!» — пѣли моря, пѣли озера.

И сказалъ Господь:

— Такъ славитъ Имя Мое стихія, лишенная живой рѣчи. Какимъ-же сладостнымъ гимномъ огласитъ вселенную человѣкъ, котораго Я сотворю!

У царя былъ великолѣпный дворецъ, всѣ обитатели котораго были глухонѣмые. Не умѣя говорить, они привѣтствія свои царю выражали знаками и поклонами. Вмѣсто нихъ поселилъ царь во дворцѣ людей, обладающихъ даромъ рѣчи. Что-же отъ этихъ людей услышалъ царь?

— Мы — хозяева этого дворца; онъ нашъ!

И повелѣлъ царь возвратить дворецъ прежнимъ жильцамъ, глухонѣмымъ.

Такъ и Господь — направилъ снова водяную стихію на ту землю, на которой люди перестали признавать Господа творцомъ и хозяиномъ всего сущаго. *Бер.-Р., 28.*

*

Когда въ эпоху, предшествовавшую потопу, люди, вмѣсто Бога Живого, стали служить идоламъ, предъ лицомъ Предвѣчнаго предстали два ангела, Шемхазай и Азаилъ. Видя скорбь Господа, они говорили:

— Властитель вселенной! Когда Ты созидалъ этотъ міръ, не предостерегали-ли мы Тебя, говоря: достоинъ-ли человѣкъ, чтобы Ты помнилъ его, и сынъ праха, чтобы Ты милостью посѣщалъ его?

— Что-же теперь съ міромъ дѣлать? — сказалъ Господь.

— Мы найдемъ для него другое назначеніе.

— А мнѣ, — отвѣчалъ на это Господь, — вѣдомо и несомнѣнно, что, если-бы вмѣсто людей жили на землѣ вы, ангелы, искушеніе овладѣло-бы вами еще легче и скорѣе, чѣмъ это случилось съ родомъ человѣческимъ.

— Испытай, Господи, — сказали они, — позволь намъ поселиться на землѣ, и Ты увидишь, какъ мы возвеличимъ святое имя Твое.

Сошли сыны Божіи на землю и — стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, ихъ земной красотой обольщенные.

Встрѣтилъ Шемхазай одну дѣвицу по имени Истеарь и плѣнился ею. Но Истеарь сказала:

— Я соглашусь отвѣтить на твою любовь, если ты откроешь мнѣ «Шемъ-Гамфорошъ»*, произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь. Ангелъ исполнилъ ея требованіе. Тогда Истеарь произнесла Святое Имя и вознеслась на небо, сохранивъ безпорочность свою. Въ воздаяніе за ея добродѣтель Всевышній обратилъ Истеарь въ звѣзду и помѣстилъ ее въ плеядѣ.

Послѣ этого Шемхазай и Азаилъ взяли себѣ женъ, и у Шемхазая родились два сына: исполины Гива и Гійа.

Архангелъ Метатронъ послалъ сказать Шемхазаю, что готовится потопъ, и міру грозитъ полное разрушеніе. Поднялъ голосъ свой Шемхазай и горько зарыдалъ:

— Горе мнѣ, — вопилъ онъ, — что станется съ моими дѣтьми послѣ разрушенія міра? Чѣмъ они питаться будутъ?

А съѣдалъ каждый изъ нихъ по тысячѣ верблюдовъ, тысячѣ лошадей и тысячѣ быковъ ежедневно.

---

* Имя Божіе, произнесенное въ полной его транскрипціи.

Въ ту-же ночь обоимъ было сонное видѣніе. Одному приснилось: лежитъ на землѣ гигантскій камень въ видѣ стола, поверхность котораго вся покрыта рядами письменъ. А съ неба сходитъ ангелъ и, держа въ рукахъ нѣчто похожее на ножъ, соскабливаетъ и уничтожаетъ строку за строкой, до тѣхъ поръ, пока не осталось всего четыре слова.

Другому привидѣлось: роскошный садъ, засаженный всевозможными деревьями, и ангелы съ топорами въ рукахъ вырубаютъ деревья одно за другимъ и оставляютъ единственное дерево о трехъ вѣтвяхъ.

Сны эти Шемхазай истолковалъ какъ предвѣщаніе близкаго потопа, послѣ котораго на землѣ останутся въ живыхъ только Ной и три сына его.

Впослѣдствіи Шемхазай раскаялся въ земномъ грѣхѣ своемъ и добровольно покаралъ себя, повиснувъ въ пространствѣ между небомъ и землей, гдѣ виситъ и понынѣ, внизъ головою, въ скорби покаянной.

Азаилъ-же не раскаялся и продолжаетъ свое грѣшное бытіе и понынѣ. *Мидр. Абк.*

НОЙ

Равъ Гуно со словъ раби Іосэ училъ:

— Впродолженіи ста двадцати лѣтъ до потопа Господь предостерегалъ родъ человѣческій и, не видя ни въ комъ раскаянія, повелѣлъ Ною приступить къ сооруженію ковчега.

Сталъ Ной сажать кедровыя деревья.

— Для чего тебѣ эти деревья? — спрашивали его люди.

Ной отвѣчалъ:

— Господь рѣшилъ послать потопъ на землю и повелѣлъ мнѣ построить ковчегъ, чтобы спастись отъ потопа мнѣ и семьѣ моей.

Смѣялись надъ Ноемъ люди, издѣвались надъ нимъ. Смѣялись и шутили люди, видя, какъ усердно онъ поливаетъ свои кедры, заботясь объ успѣшномъ ростѣ ихъ; не переставали смѣяться и тогда, когда онъ, срубивъ деревья, принялся распиливать ихъ на доски. Всѣ предупрежденія были напрасны — и насталъ потопъ.

Видя неизбѣжную гибель свою, озлобленные, обезумѣвшіе люди пытались опрокинуть ковчегъ, но ковчегъ, по мановенію перста Господня, оказался окруженнымъ львами. *Танх.*

Изъ всѣхъ исполиновъ отъ потопа спасся одинъ только Огъ, царь Васанскій. Онъ былъ взятъ Ноемъ въ ковчегъ, послѣ того какъ поклялся быть вѣчнымъ слугою Ною и потомкамъ его. Ной и прокармливалъ его, просовывая пищу въ особое отверстіе, продѣланное имъ для этого въ ковчегѣ. *П. д. Ел.*

*

Выпущенный Ноемъ голубь вернулся со свѣжимъ масличнымъ листомъ въ клювѣ. И взмолился голубь къ Господу, говоря:

— Господи! Лучше кормъ, горькій какъ листъ масличный, отъ Твоей руки, нежели сладкій какъ медъ — отъ рукъ человѣческихъ.

Санг., 108.

*

Двѣнадцать мѣсяцевъ пробылъ Ной въ ковчегѣ и за все это время не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Одинъ прокормъ разнороднѣйшихъ обитателей ковчега требовалъ неимовѣрнаго труда и терпѣнія. Одни животныя принимаютъ кормъ въ часъ дня, другія — — въ два часа, третьи — въ три и четыре; эти — въ первую ночную смѣну, тѣ — въ полночь, еще другія — на разсвѣтѣ. Верблюду давалась солома, слону — древесная листва, оленю трава и мохъ, а прожорливому страусу — всякая всячина.

Были и такія животныя, которыхъ Ной и вовсе не зналъ чѣмъ кормить. Съ хамелеономъ былъ такой случай. Однажды, Ной разрѣзывалъ гранатовое яблоко; оно оказалось червивымъ. Находившійся близко хамелеонъ сталъ жадно подбирать выпавшихъ изъ яблока червячковъ. Съ тѣхъ поръ ему начали давать овощи съ червоточиной.

Изъ всѣхъ обитателей ковчега только фениксъ лежалъ, скромно прикурнувъ въ уголкѣ, и на вопросъ Ноя: «Отчего ты не требуешь себѣ пищи?» — отвѣчалъ:

— Я видѣлъ, какъ много у тебя хлопотъ съ другими, и не рѣшился безпокоить тебя.

Тронутый этими словами, Ной сказалъ:

— Ты пожалѣлъ моего труда, соболѣзнуя моимъ огорченіямъ. Да пошлетъ тебѣ Всевышній жизнь вѣчную. *тамъ-же.*

*

Причта р. Леви:

— Узнавъ о повелѣніи Ною ввести въ ковчегъ и представителей «всякой плоти», пришла и Ложь, стараясь прокрасться туда-же. Но Ной замѣтилъ ее и сказалъ:

— Въ ковчегъ принимается и всякая нечистая тварь, но только «по парѣ». Иди-же, сперва найди себѣ своего суженаго.

Пошла Ложь искать себѣ суженаго, а на встрѣчу — Проклятіе.

— Откуда, — спрашиваетъ, — идешь ты?

— Ходила я, — отвѣчаетъ Ложь, — къ Ною, а онъ говоритъ: «найди себѣ сперва свою пару». Не согласишься-ли ты сочетаться со мною?

— Чѣмъ-же ты меня вознаградишь за это?

— А вотъ чѣмъ. Составимъ договоръ, чтобы все пріобрѣтаемое мною, принадлежало тебѣ.

На томъ и покончили. И съ той поры все, что пріобрѣтается Ложью, становится достояніемъ Проклятія и гибели. *Шох.-Т., 7.*

*

Когда Ной пошелъ насадить виноградникъ, предсталъ предъ нимъ нѣкій духъ по имени Самдонъ* и предложилъ вступить съ нимъ въ компанію на равныхъ началахъ.

— Но только, — сказалъ Самдонъ, — помни, что если ты станешь затрагивать мою долю, ты горько поплатишься за это.

Бер.-Р., 36.

*

Посадилъ Ной первую виноградную лозу. А Сатана пришелъ и спрашиваетъ:

— Что будетъ изъ этой посадки?

— Виноградникъ, — отвѣтилъ Ной.

— Не желаешь-ли взять меня въ компаньоны?

Ной согласился. Что-же сдѣлалъ Сатана? Привелъ къ винограднику овцу, льва, обезьяну и свинью и, заколовъ ихъ, поочередно полилъ виноградникъ ихъ кровью.

Человѣкъ, пьющій вино, обнаруживаетъ поочередно-же природныя свойства всѣхъ названныхъ тварей: вначалѣ онъ кротокъ какъ овечка, потомъ становится отважнымъ какъ левъ, по мѣрѣ опьяненія начинаетъ кривляться какъ обезьяна, и, наконецъ, валяется въ грязи подобно свиньѣ.

Все это произошло и съ праведнымъ Ноемъ. *Танх.*

---

* Повидимому — символъ пьянства.

НИМРОДЪ И СТОЛПОТВОРЕНІЕ.

Кожаныя одежды, которыя сдѣланы были Всевышнимъ для Адама и Евы, перешли черезъ Ноя къ Нимроду. Одежды эти обладали свойствомъ — однимъ видомъ своимъ укрощать самыхъ лютыхъ звѣрей. И когда облаченный въ эти одежды Нимродъ выходилъ на ловлю, птицы, животныя и звѣри покорно склонялись передъ нимъ. Отсюда пошла слава его, какъ замѣчательнаго звѣролова, и этой славѣ онъ обязанъ избраніемъ его на царство.

П. д. Ел.

*

«И сказали они: построимъ себѣ городъ и башню, высотою до небесъ».

Держали совѣтъ приближенные Нимрода — Футъ, Мицраимъ, Хушъ, Ханаанъ и другіе родоначальники того поколѣнія:

— Городъ, — говорили они, — съ грозной крѣпостной башней небывалой донынѣ высоты — это дастъ намъ возможность сосредоточить свои силы въ одномъ мѣстѣ, прославитъ насъ по всей землѣ и дастъ намъ господство и власть надъ всѣми нашими недругами.

Въ народѣ говорили:

— Черезъ каждыя тысячу шестьсотъ пятьдесятъ шесть лѣтъ* устои небесные расшатываются. Сдѣлаемъ небу подпоры со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта.

И еще про Бога говорили:

— По какому праву Онъ избралъ для себя небесныя высоты, а для насъ юдоль земную оставилъ? Пойдемъ, построимъ башню и на вершинѣ ея поставимъ идолъ, грозящій простертымъ къ небу мечемъ и какъ-бы вызывающій Бога на бой.

*

Съ каждымъ днемъ башня росла все выше и выше и, наконецъ, достигла такой высоты, что добраться до-верху для доставки строительнаго матеріала требовалось не менѣе года времени.

---

* Періодъ отъ сотворенія міра до потопа исчисляется въ 1,656 лѣтъ, и столько-же отъ потопа до воцаренія Нимрода. Потопъ считался явленіемъ періодическимъ, и именно черезъ каждыя 1,656 лѣтъ.

Семь подъемовъ было у башни съ восточной стороны и семь сходенъ съ западной. Если падалъ человѣкъ и убивался на смерть, никто на это не обращалъ вниманія, а потеря одного кирпича вызывало вопли отчаянія:

— Горе намъ! сколько придется ждать изготовленія другой плитки, когда каждая минута дорога!

*

Смѣшалъ Господь языкъ ихъ, такъ что одинъ не понималъ рѣчи другого. Одинъ скажетъ другому: «принеси воды», а тотъ несетъ песку; «подай топоръ», — подаетъ лопату. Разсвирѣпѣетъ тотъ и раскроетъ ему черепъ. *Бер.-Р., 38; П. д. Ел.; Сеф. Гаіаш.*

ПРАОТЦЫ

АВРААМЪ

Отъ Ноя до Авраама десять поколѣній, и за всѣ эти долгіе годы Господь не говорилъ ни съ кѣмъ изъ смертныхъ, кромѣ Авраама.

Притча раби Нехеміи:

— У царя во время путешествія выпала изъ короны жемчужина. Велѣлъ царь принести сито и просѣять песокъ на томъ мѣстѣ. Просѣяли разъ — не нашли, другой разъ — не нашли, на третій разъ нашлась жемчужина. И со вздохомъ облегченія пронеслось кругомъ: «Царь отыскалъ свою жемчужину!»

Такъ и Господь говорилъ объ Авраамѣ:

«— Какая надобность была-бы перечислять родословную всѣхъ этихъ Сима, Арпахсада, Селаха, Евера, Фалека, Рэу, Серуга, Нахора, Ѳераха, если не ради тебя, Авраамъ?» *Бер.-Р. 39.*

*

Въ тотъ часъ, когда родился Авраамъ, на восточномъ склонѣ небесъ появилась звѣзда, поглотившая свѣтъ четырехъ звѣздъ на четырехъ сторонахъ небосвода. Видя это, звѣздочеты сказали Нимроду:

— Сейчасъ у Ѳераха родился сынъ, будущій родоначальникъ племени, которому предопредѣлено унаслѣдовать и земной міръ, и загробный. Прикажи весь домъ Ѳераха засыпать серебромъ и золотомъ, только-бы онъ далъ умертвить новорожденнаго.

Послалъ Нимродъ сказать, по совѣту звѣздочетовъ, Ѳераху: дай умертвить родившагося у тебя младенца, и царь наполнитъ твой домъ серебромъ и золотомъ.

На это Ѳерахъ отвѣтилъ притчей:

Одному коню сказали: «Дай отрѣжемъ тебѣ голову, а въ награду за это дадимъ тебѣ полный амбаръ овса».

— Глупцы, — отвѣчалъ конь, — если отрѣжете мнѣ голову, кто-же ѣсть будетъ овесъ?

Отвѣчу и я: «если вы умертвите моего сына, кто-же унаслѣдуетъ серебро и золото?

— Впрочемъ, — прибавилъ Ѳерахъ, — у меня, дѣйствительно, родился сынъ, но онъ умеръ.

Пришлось Ѳераху прятать сына отъ Нимрода, и онъ укрылъ его въ пещерѣ, гдѣ Авраамъ оставался три года. Для питанія его Богъ сдѣлалъ въ стѣнахъ пещеры два отверстія, изъ которыхъ текли медъ и елей.

*

Трехъ лѣтъ отъ рожденія вышелъ Авраамъ изъ пещеры и, увидя міръ Божій, сталъ размышлять о томъ, кѣмъ созданы земля и небо, и онъ самъ. Очарованный величественнымъ видомъ солнца, его свѣтомъ и тепломъ, онъ весь день возносилъ молитвенную хвалу солнцу. Когда солнце зашло, а на небѣ появилась луна, окруженная миріадами звѣздъ, Авраамъ подумалъ: «Вотъ это свѣтило, очевидно, и есть божество, а маленькіе свѣтильники, его окружающіе, это его вельможи, воины и слуги. Всю ночь онъ пѣлъ гимны лунѣ. Но вотъ, наступило утро; луна зашла на западѣ, а на востокѣ снова появилось солнце.

— Нѣтъ, — сказалъ Авраамъ, — есть Нѣкто, который и надъ солнцемъ властенъ, и надъ луною. Къ Нему стану я возносить моленія мои. *М.-Авр., Бетъ-гам.*

*

Ѳерахъ занимался изготовленіемъ идоловъ, которыми торговалъ на базарѣ. Однажды онъ поручилъ продажу своего товара Аврааму. Подходитъ на базарѣ человѣкъ къ Аврааму и спрашиваетъ:

— Не найдется-ли для меня подходящаго бога?

— А тебѣ какого надо? — спрашиваетъ Авраамъ.

— Видишь-ли, — отвѣчаетъ тотъ, — я богатырь, и хотѣлъ-бы пріобрѣсти себѣ бога-богатыря.

Авраамъ снялъ истуканъ, помѣщавшійся выше остальныхъ, и говоритъ:

— Вотъ этотъ самый для тебя подходящій.

— Но развѣ онъ богатырь?

— Глупецъ! — отвѣчаетъ Авраамъ, — ужъ таковъ искони порядокъ среди идоловъ: который поставленъ *выше* остальныхъ, тотъ богатыремъ и слыветъ.

Когда этотъ человѣкъ собирался уходить со своей покупкой, Авраамъ остановилъ его вопросомъ:

— Скажи, сколько тебѣ лѣтъ?

— Семьдесятъ.

— И тебѣ, прожившему на свѣтѣ семьдесять лѣтъ, не стыдно воздавать божескія почести идолу, сдѣланному день назадъ.

Покупатель съ презрѣніемъ бросаетъ идолъ, беретъ обратно деньги и уходитъ.

Подошла женщина и передала Аврааму, въ даръ идоламъ, полную миску тонко-просѣянной муки. Взялъ Авраамъ палку, разбилъ всѣ идолы, кромѣ одного, самого крупнаго, которому и вложилъ въ руки палку. Приходитъ отецъ и спрашиваетъ:

— Какъ это произошло? Кто это сдѣлалъ?

— Разскажу, — отвѣчаетъ Авраамъ, — ничего отъ тебя не скрывая. Дѣло было такъ: принесла женщина миску съ мукою и проситъ принести въ жертву идоламъ. Сталъ я совершать, какъ слѣдуетъ, жертвоприношеніе, а идолы и завели споръ между собою, — одинъ кричитъ: «я хочу поѣсть раньше», а другой: «нѣтъ, я раньше!» Но тутъ всталъ самый крупный идолъ и — видишь — разбилъ всѣ.

— Но ты издѣваешься надо мною, — закричалъ отецъ, — развѣ способны эти...

— Да? Такъ вдумайся-же самъ, отецъ, въ слова свои...

*

Повелъ Ѳерахъ сына на судъ къ Нимроду.

— Это ты и есть Авраамъ, сынъ Ѳераха? — проговорилъ знаменитый звѣроловъ, вперивъ въ юношу грозный взоръ, — отвѣчайже мнѣ: развѣ неизвѣстно тебѣ, что я господинъ надъ всѣмъ твореніемъ, и солнце, и луна, и звѣзды, и планеты, и люди — все дви-

жется волей моей. Какъ-же ты дерзнулъ священныя изображенія уничтожить?

Въ эту минуту озарилъ Господь умъ Авраама мудростью, и такъ отвѣчалъ онъ Нимроду:

— Позволь мнѣ слово сказать не въ укоръ, но въ хвалу тебѣ.

— Говори, — сказалъ Нимродъ.

— Исконный порядокъ въ природѣ таковъ: солнце всходитъ на востокѣ, а заходитъ на западѣ. Такъ вотъ, прикажи, чтобы завтра оно взошло на западѣ, а зашло на востокѣ, и тогда я признаю, что ты подлинно господинъ надъ всѣмъ твореніемъ. И еще вотъ что: для тебя не должно быть ничего сокровеннаго. Скажи мнѣ сейчасъ: что у меня въ мысляхъ и что я сдѣлать намѣренъ?

Нимродъ задумался, важно поглаживая рукою свою бороду.

— Нѣтъ, — продолжалъ Авраамъ, — напрасно ты ищешь отвѣтъ. Не владыка вселенной ты, а сынъ Хуша. И если-бы ты дѣйствительно былъ Богомъ, то отчего ты не спасъ отца своего отъ смерти? И также, какъ ты отца своего не спасъ отъ смерти, ты и самъ не спасешься отъ нея.

Тутъ Нимродъ обратился къ Ѳераху, говоря:

— Не заслуживаетъ-ли жестокой кары сынъ твой, отрицающій божественное всемогущество мое? Онъ долженъ быть сожженъ!

И, обращаясь къ Аврааму, продолжалъ:

— Поклонись огню какъ божеству, и я пощажу тебя.

— Огню? — отвѣтилъ Авраамъ, — не правильнѣе-ли поклоняться водѣ, которая тушитъ огонь?

— Хорошо, поклонись водѣ.

— Не поклониться-ли лучше облаку, насыщенному водою?

— Я и на это согласенъ, — поклонись облаку.

— Но развѣ не сильнѣе вѣтеръ, разгоняющій облако?

— Поклонись-же, наконецъ, вѣтру!

— Но развѣ человѣкъ не преодолѣваетъ и силу вѣтра?

— Довольно! — воскликнулъ Нимродъ, — я поклоняюсь огню и тебя заставлю ему поклоняться.

— Бросить его въ огонь! — приказалъ онъ слугамъ, — и увидимъ, спасетъ-ли его тотъ Богъ, которому онъ поклоняется.

Повели Авраама къ калильной печи, связали его, распростерли на каменномъ помостѣ, обложили дровами съ четырехъ сторонъ, съ каждой стороны на пять локтей въ ширину и на пять локтей въ

вышину, и подожгли. Видя это, сосѣди Ѳераха и прочіе сограждане его стали наступать на него съ угрозами, говоря:

— Стыдъ и позоръ тебѣ! Не самъ-ли ты говорилъ, что сыну твоему суждено унаслѣдовать и земной міръ, и загробную жизнь, и ты-же предалъ его Нимроду на казнь!

Но самъ Всевышній сошелъ съ неба и спасъ Авраама отъ смерти.

Т. д. Ел.; Бер.-Р., 38.

*

Въ ту минуту, когда Авраамъ былъ брошенъ въ печь, воззвалъ архангелъ Гавріилъ къ Господу:

— Владыка міровъ! Позволь мнѣ сойти, остудить печь и спасти праведника.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Господь, — Я Единъ въ вышнихъ, а онъ единъ на землѣ. Единому и подобаетъ спасти единаго. Но и тебя, Гавріилъ, ждетъ подвигъ: ты въ свое время спасешь троихъ изъ потомковъ его*. *Пес., 118.*

*

И зазвучалъ Аврааму голосъ нагорный:

Я былъ съ тобой, когда, во славу Божью,
Безстрашно въ лютый пламень ты сошелъ
И на землѣ къ святынѣ вѣры чистой
Народамъ путь свободный указалъ.
Тебя избралъ и возлюбилъ Я прежде,
Чѣмъ первую денницу Я зажегъ, —
И благодатна жизнь твоя для міра,
Какъ благодатны росы для полей. *Бер.-Р., 39.*

*

Авраамъ, оставаясь въ Харанѣ, подобенъ былъ сосуду, наполненному благовоннымъ елеемъ, но закупоренному и лежащему безъ употребленія, почему аромата его и не слышно. Откройте сосудъ, дайте ему движеніе съ мѣста на мѣсто, — и тогда только обнаружится сила его благоуханія. И Господь сказалъ:

— Авраамъ, много добрыхъ дѣлъ, много подвиговъ вѣры и бла-

---

* Хананію, Мисаила и Азарію.

гочестія ты можешь совершить. Встань-же, пойди изъ земли твоей, отъ родни твоей, изъ дома отца твоего, — и имя твое возвеличится въ мірѣ Моемъ. *Бер.-Р., 39; Ш.-Гаш. Р., 1.*

*

«И я произведу отъ тебя великій народъ».

И отчеканена была монета съ изображеніемъ: на одной сторонѣ — старика и старухи, а на другой — юноши и дѣвушки, (символъ непрерывнаго возрожденія и обновленія жизни). *Бер.-Р., 39.*

*

«И взялъ Авраамъ съ собою Сарру, жену свою» — «и всѣхъ людей, которые были пріобрѣтены ими въ Харранѣ».

Домъ Авраама служилъ гостепріимнымъ пріютомъ для всякаго, и люди находили тамъ не только радушный пріемъ, но также и наставленіе въ истинной вѣрѣ. А приведеніе хотя одной души «подъ сѣнь крыльевъ Шехины» (духа Божія) равносильно созданію ея и утвержденію въ жизни вѣчной. *Ш.-Гаш., Р.*

*

Приближаясь вмѣстѣ съ Саррою къ границамъ Египта и зная дурные нравы потомковъ Мицраима, Авраамъ спряталъ Сарру въ сундукѣ. У заставы стали его допрашивать, что онъ везетъ въ этомъ сундукѣ.

— Ячмень, — сказалъ Авраамъ.

— Не пшеницу-ли? — спросили надсмотрщики.

— Возьмите пошлины какъ за пшеницу.

— Можетъ быть — перецъ?

— Возьмите какъ за перецъ.

— А не находится-ли въ этомъ сундукѣ золото?

— Я готовъ заплатить какъ за золото.

— А вдругъ тамъ окажутся шелковыя ткани?

— Считайте какъ за шелковыя ткани.

— Но въ сундукѣ можетъ быть и жемчугъ?

— Пусть по вашему — заплачу какъ за жемчугъ.

— Нѣтъ, — заявили они, — тутъ что-то неладное. Въ этомъ сундукѣ, должно быть, находится нѣчто необыкновенно цѣнное, и ты шагу не сдѣлаешь прежде, чѣмъ сундукъ не будетъ открытъ.

Пришлось подчиниться. И когда Сарра вышла изъ сундука, отъ красоты ея разлилось сіяніе по всему Египту. *Б.-Р., 40; Танх.*

*

Желая, со свойственнымъ ему радушіемъ, достойно принять трехъ странниковъ (ангеловъ), посѣтившихъ его у дуба Мамврійскаго, Авраамъ поспѣшилъ въ шатеръ къ Саррѣ заказать лепешки, масла и молока, а затѣмъ побѣжалъ къ стаду «выбрать теленка нѣжнаго и хорошаго». Но теленокъ побѣжалъ въ сторону отъ шатра и скрылся въ пещерѣ Махпела. Проникнувъ въ эту пещеру, Авраамъ невольно остановился, пораженный чуднымъ видѣніемъ: озаренные пламенемъ свѣтильниковъ, въ гробницѣ покоились Адамъ и Ева, и благоуханіе исходило отъ останковъ первородной четы. Эту пещеру Авраамъ и избралъ мѣстомъ вѣчнаго успокоенія для себя и для Сарры. *П. д. Ел.*

ГРѢХИ СОДОМА

Молясь о прощеніи грѣховъ Содому и Гоморрѣ, Авраамъ взывалъ къ Всевышнему, говоря:

— «Судья всей земли поступитъ-ли неправосудно»? Господи! Если Ты желаешь, чтобъ міръ устоялъ, отмѣни судъ Свой, а исполнится судъ Твой — міру не быть. Ты затягиваешь петлю съ обоихъ концовъ; ослабь сколько нибудь одинъ ея конецъ — прости людямъ хотя часть ихъ грѣховъ, ибо иначе — міру не устоять.

Бер.-Р., 49.

*

Содомъ находился въ цвѣтущемъ состояніи, и это сдѣлалось причиною гордыни и порочности жителей его.

— Мы, — говорили они, — живемъ въ покоѣ и изобиліи, — хлѣбъ идетъ изъ Содома, отсюда-же вывозится серебро, золото, драгоцѣнные камни и жемчугъ. Для чего намъ пускать сюда странниковъ, отъ которыхъ одинъ только убытокъ? Воспретимъ-же постороннимъ вступать въ предѣлы нашего города.

*

Четверо судей было въ Содомѣ: Шакрой, Шакрурай, Зайфой и Мацли-динъ*. Этими судьями были установлены такія правила:

Кто имѣетъ вола, обязанъ пасти общественное стадо одинъ день, а кто никакого скота не имѣетъ — два дня.

Былъ тамъ нѣкій бѣднякъ, сынъ вдовы; заставили его пасти стадо. Всталъ этотъ пастухъ и убилъ весь скотъ, а жителямъ заявилъ такъ: «Тотъ, у кого была скотина, получаетъ кожу одного животнаго, а тотъ, кто скотины не имѣлъ, получаетъ двѣ кожи. Это будетъ вполнѣ послѣдовательно по вашимъ законамъ».

Далѣе:

Если кто отрѣжетъ ухо у чужого осла, животное поступаетъ въ полное его распоряженіе до тѣхъ поръ, пока не отростетъ отрѣзанное ухо.

Если кто нанесетъ другому увѣчье, пострадавшій вноситъ ему плату какъ за кровопусканіе.

Кто пройдетъ черезъ мостъ, уплачиваетъ четыре зуза**, а кто переберется вбродъ — восемь зузъ.

Попалъ туда однажды человѣкъ, по ремеслу шерстобитъ. Потребовали съ него четыре зуза мостовой платы.

Но вѣдь я мостъ не переходилъ, — возражалъ онъ, — а перешелъ вбродъ.

— Тогда уплати восемь зузъ.

Тотъ не согласился. Избили его. Пошелъ онъ съ жалобой въ судъ; а тамъ его присудили къ уплатѣ восьми зузъ за переправу черезъ бродъ, и отдѣльно за то, что ему кровь отворили.

✶

Былъ случай съ Елеазаромъ, слугою Авраама. Его избили, а когда онъ пришелъ жаловаться, судья постановилъ взыскать съ него за кровопусканіе. Поднялъ Елеазаръ камень и, изувѣчивъ судью, заявилъ:

— Слѣдуемое мнѣ отъ тебя заплати моему истцу, а мои деньги при мнѣ останутся.

✶

---

* Шакрой и Шакрурай — отъ слова «шекеръ», т. е. ложь; Зайфой — отъ «зайфонъ» — поддѣлыватель; Мацли-динъ — извращающій правосудіе.

** Серебряная монета.

Завернулъ въ Содомъ на ночлегъ нѣкій странникъ. На ослѣ его навьюченъ былъ, перевязанный шнуромъ, дорогой, разноцвѣтнаго узора коверъ. Странника встрѣтилъ одинъ содомлянинъ и любезно пригласилъ его на ночлегъ. Впродолженіи двухъ дней не отпускалъ его гостепріимный хозяинъ. Когда-же странникъ собрался, наконецъ, въ дорогу и спросилъ у хозяина коверъ со шнуромъ, тотъ прикинулся непонимающимъ, о чемъ ему говорятъ:

— Коверъ? Какой коверъ?.. Ага, понимаю: тебѣ приснился коверъ... Разноцвѣтный, говоришь ты? И еще шнуръ приснился тебѣ? Это, милый человѣкъ, сонъ хорошій, къ добру тебѣ: шнуръ, который ты видѣлъ во снѣ, предвѣщаетъ тебѣ долгую жизнь, а коверъ разноцвѣтный означаетъ, что ты пріобрѣтешь прекрасный садъ со всевозможными плодовыми деревьями. Вотъ, другъ мой, что означаетъ сонъ твой.

— Какой тамъ сонъ! — запротестовалъ странникъ, — не во снѣ, а на яву я сдалъ тебѣ на храненіе коверъ со шнуромъ и требую, чтобъ ты мнѣ ихъ возвратилъ.

Отправились къ судьѣ. А судья, выслушавъ обоихъ, заявилъ страннику:

— Сей почтенный гражданинъ, оказавшій тебѣ столь радушный пріемъ, издавна извѣстенъ у насъ какъ превосходный толкователь сновъ, и за то, что онъ такъ хорошо истолковалъ твой сонъ о коврѣ и шнурѣ ты долженъ уплатить ему четыре серебреника, — это по таксѣ, и сверхъ того за все, что съѣдено и выпито тобою въ эти два дня.

*

Стояла у нихъ кровать, на которой укладывали спать странниковъ. Если человѣкъ оказывался ростомъ длиннѣе кровати, ему обрубали ноги; если короче — у него вытягивали члены*.

*

Если попадалъ туда нищій, хлѣба ему не подавали, а каждый давалъ по монетѣ, на которой надписывалъ свое имя, и бѣднякъ, въ концѣ концовъ, умиралъ голодной смертью. Тогда каждый бралъ свою монету обратно.

---

* Варіантъ преданія о древнемъ легендарномъ разбойникѣ въ Аттикѣ, Прокрустѣ, которому приписывается изобрѣтеніе т. н. «прокрустова ложа».

Была тамъ одна дѣвушка, которая принесла тайкомъ, спрятаннымъ въ кувшинѣ, кусокъ хлѣба для нищаго. Прошло три дня, а нищій былъ еще живъ. Узнавъ о поступкѣ дѣвушки, содомляне вымазали тѣло ея медомъ и, поставивъ дѣвушку на верху городской стѣны, выпустили на нее рой пчелъ. Дѣвушка въ страшныхъ мученіяхъ скончалась.

*

Былъ еще такой случай.

Встрѣтились у колодца двѣ дѣвушки. Одна изъ нихъ имѣла видъ крайне изможденный и съ трудомъ держалась на ногахъ. На вопросъ подруги — что съ нею, она разсказала, что въ домѣ у нихъ всѣ припасы истощились, и семью ждетъ голодная смерть. Другая, желая помочь несчастнымъ, сходила домой и, наполнивъ свой кувшинъ мукою, тайкомъ помѣнялась съ подругою кувшинами. Но это открылось — и «преступницу» предали сожженію.

И Господь сказалъ:

— «Теперь, если-бы Я и хотѣлъ промолчать, голосъ этой мученицы властно требуетъ отъ Меня отвѣта».

Санг., 108—109; Сеф. Гаіаш.; Бер.-Р., 49.

*

Жена Лота стала солянымъ столбомъ.

Кара эта постигла ее за то, что въ ту ночь, когда къ нимъ въ домъ пришли три странника-ангелы, она пошла по сосѣдямъ, говоря: «Одолжите соли, — у насъ гости». А цѣлью ея было накликать на странниковъ содомлянъ. Господь и обратилъ ее въ соляной столбъ. Ежедневно къ тому мѣсту приходили козы и слизывали столбъ до основанія; на завтра-же столбъ появлялся снова.

Бер.-Р., 49; Сеф. Гаіаш.

ПОТОМСТВО АВРААМА

Раби Леви, со словъ р. Іоханана, разсказывалъ притчу:

Одному страннику лежалъ путь черезъ пустынную мѣстность. На всемъ пути впродолженіи десяти дней не встрѣтилъ онъ ни поселенія, ни корчмы, ни даже воды и какой ни на есть растительности. Наконецъ, показалось вдали дерево. А подъ деревомъ ока-

зался и источникъ Поѣлъ странникъ плодовъ отъ дерева, утолилъ свою жажду, отдохнулъ въ тѣни и, собравшись въ дальнѣйшій путь, обратился къ дереву съ такими словами:

— Милое дерево! Какъ тебя благодарить и чего пожелать тебѣ? Чтобъ ростъ твой былъ хорошъ? Но ты и такъ стройно и прекрасно; чтобъ вѣтви твои были густолиственны? Но листва твоя и теперь уже густа и обильна. Чтобъ плоды твои были сочны и сладки? Но они и теперь сочны и сладки. Чтобы ты не терпѣло недостатка во влагѣ? Но источникъ прекрасной воды бьетъ у корней твоихъ, и мѣсто, гдѣ ты растешь, прекрасно. Остается пожелать тебѣ одного: чтобы всѣ побѣги, которые пойдутъ отъ тебя, были во всемъ тебѣ подобны.

Такъ, послѣ двадцати поколѣній, представлявшихъ собою пустыню, появляется Авраамъ, самоотверженный служитель Господа, гостепріимный хозяинъ, наставникъ истинной вѣры, возвеличивающій въ мірѣ имя Бога живого и вѣчнаго. И вотъ, остановивъ на немъ взоръ Свой, Господь говоритъ:

— Авраамъ! Что Мнѣ сказать тебѣ и чѣмъ тебя благословить? Ты и теперь уже образецъ праведности и совершенства, и жена твоя, Сарра, исполнена благочестія и добродѣтели, и всѣ домочадцы твои — люди праведные. Одного пожелаю тебѣ: чтобы всѣ потомки твои были тебѣ подобны. *Бам.-Р. 11.*

✶

«На смѣхъ поступилъ со мною Богъ. Кто услышитъ обо мнѣ, разсмѣется», — говорила девяностолѣтняя Сарра, — «кто сказалъ бы Аврааму: Сарра будетъ кормить *дѣтей* грудью?

Сколько-же дѣтей кормила грудью Сарра?

Рожденіе Исаака вызывало у всѣхъ естественное недоумѣніе, и клевета стала переходить изъ устъ въ уста: «Полюбуйтесь, — говорили кругомъ, — старикъ и старуха подобрали гдѣ-то подкидыша и выдаютъ его за собственнаго ребенка! И мало того, еще пиршество устраиваютъ по этому случаю. Однако, кого-же они этимъ убѣдятъ?»

Слыша эти пересуды, Авраамъ пригласилъ на пиръ почтеннѣйшихъ сосѣдей съ ихъ женами, а послѣднихъ Сарра попросила принести съ собою грудныхъ дѣтей своихъ, но безъ ихъ кормилицъ. Когда приглашенные явились, Богъ сотворилъ чудо: превратилъ

сосцы Сарры въ неистощимый источникъ молока, и она поочередно накормила грудью всѣхъ принесенныхъ дѣтей.

Не видя возможности послѣ этого отрицать подлинность материнства Сарры, — клеветники попытались, было, опорочить супружескую вѣрность ея, указывая на слишкомъ преклонный возрастъ Авраама. Но сходство лица Исаака съ лицомъ Авраама сдѣлалось настолько полнымъ и очевиднымъ, что всѣ поневолѣ стали говорить: «Да, Исаакъ — сынъ Авраама». *Б. М., 87.*

*

Авраамъ всталъ рано утромъ, взялъ хлѣба и мѣхъ воды и далъ Агари и отпустилъ ее съ отрокомъ ея, Измаиломъ, въ пустыню Вирсавіи.

Чадру Агари Авраамъ прикрѣпилъ у нея къ поясу, дабы конецъ ткани, влачась за нею по песку, оставлялъ слѣдъ, по которому онъ могъ бы опредѣлить, въ которую сторону она направилась.

Измаилъ поселился въ пустынѣ Фаранъ; и мать его взяла ему жену изъ степей Моавитскихъ, по имени Исса.

По прошествіи трехъ лѣтъ пошелъ Авраамъ въ пустыню Фаранъ повидать Измаила; а Саррѣ поклялся онъ, что не сойдетъ съ верблюда въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ Измаилъ.

Прибылъ Авраамъ къ шатру Измаила въ полдень и, заставъ только жену его, спросилъ:

— Гдѣ находится Измаилъ?

— Онъ ушелъ вмѣстѣ съ матерью, — отвѣтила Исса, — за финиками и другими плодами въ оазисъ.

— Я очень усталъ отъ пути въ пустынѣ, — сказалъ Авраамъ, — дай мнѣ немного воды и хлѣба.

— Нѣтъ у насъ, — отвѣтила она, — ни воды, ни хлѣба.

Отъѣзжая отъ шатра, Авраамъ сказалъ:

— Когда возвратится мужъ твой, Измаилъ, скажи ему: пріѣзжалъ нѣкій старецъ изъ Ханаана, чтобы повидать тебя, и велѣлъ тебѣ сказать: не хорошъ порогъ въ жилищѣ твоемъ.

Когда возвратился Измаилъ, жена разсказала о пріѣздѣ Авраама, повторивъ послѣднія слова его.

Измаилъ отослалъ Иссу обратно въ домъ ея родителей, а мать взяла ему другую жену, изъ рода отца своего, и звали ее Фетума.

Прошло еще три года, и снова отправился Авраамъ повидать

сына своего Измаила и, какъ и въ первый разъ, поклялся Саррѣ не сходить въ томъ мѣстѣ со своего верблюда. Прибылъ онъ и на сей разъ въ полдень и, заставъ у шатра жену Измаила, спросилъ:

— Гдѣ находится Измаилъ?

— Погналъ, — отвѣтила она, — вмѣстѣ съ матерью верблюдовъ на пастбище.

— Я очень усталъ, — сказалъ Авраамъ, — отъ пути въ пустынѣ. Дай мнѣ немного воды и хлѣба.

Вынесла Фетума воды и хлѣба и дала ему.

Всталъ Авраамъ и вознесъ молитву къ Господу, — и домъ Измаиловъ наполнился всякаго добра въ изобиліи.

Когда возвратился Измаилъ, жена его разсказала ему о происшедшемъ. И понялъ тогда Измаилъ, что отнынѣ милость отца его почила на немъ. *П. д. Ел., 30.*

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ ИСААКА

Когда Исаакъ былъ отнятъ отъ груди, Авраамъ устроилъ большой пиръ. Сатана-же говорилъ передъ Господомъ:

— Владыка! Вотъ каковъ этотъ праведникъ Твой: пируетъ съ гостями, а принесъ-ли въ жертву Тебѣ хотя одного вола, хотя одну горлицу, одного птенчика?

— Авраамъ, — отвѣтилъ Господь, — находитъ высшую радость въ сынѣ, но вотъ, увидишь, я велю ему принести сына въ жертву, и онъ тотчасъ исполнитъ Мою волю.

*

Въ послѣдній разъ передъ вѣчной разлукой съ сыномъ Авраамъ отпраздновалъ рожденіе его семейнымъ пиромъ, а Саррѣ сказалъ такъ:

— Я позналъ Истиннаго Бога, когда мнѣ было три года, сынъ-же нашъ подросъ и до сихъ поръ не получилъ еще наставленія въ истинной вѣрѣ. Я знаю одно мѣсто, гдѣ дѣтямъ дается хорошее воспитаніе, и желаю отвести туда нашего сына.

— Отправляйся съ миромъ, — отвѣтила Сарра.

*

Снаряжая сына въ дорогу, Сарра надѣла на него лучшую одежду его, а голову повязала дорогой шалью съ застежкой изъ драгоцѣнныхъ камней, и провизіи дала вдоволь для него и для Авраама. На прощаніе обнимая Исаака и не въ силахъ удержать душившія ее слезы, Сарра говорила Аврааму:

— Умоляю тебя, господинъ мой, не спускай глазъ съ сына нашего въ пути, береги его, давай ему поѣсть и попить во время, не утомляй его ходьбой по жарѣ, — ты знаешь, нѣтъ у меня ни сына, ни дочери кромѣ него, единственный онъ у меня.

Долго и горько плакала Сарра, провожая сына съ мужемъ. Плакали и всѣ бывшіе при этомъ люди, слуги и служанки Авраама и Сарры.

Не мало слугъ было у Авраама, но онъ самъ осѣдлалъ себѣ осла: такъ сильна была и въ этотъ часъ величайшаго испытанія любовь его къ Богу.

*

Предсталъ сатана Аврааму въ образѣ старца и спрашиваетъ:

— Куда это идешь ты, Авраамъ?

— На богомолье, — отвѣчаетъ Авраамъ.

— А для чего ты огонь, ножъ и дрова взялъ съ собою?

— Чтобъ можно было, на случай, если задержимся въ пути день-другой, горячую пищу приготовлять себѣ.

— Старикъ, — сказалъ сатана, — не самъ-ли слышалъ я, какъ Богъ сказалъ тебѣ: «Возьми сына своего»? И у тебя, старика, хватаетъ жестокости повести сына на закланіе?

— Такова воля Божія, — отвѣчалъ Авраамъ.

Предсталъ сатана Исааку въ образѣ юноши и спрашиваетъ:

— Куда идешь ты, отрокъ?

— Поучиться слову Божію, — отвѣчаетъ Исаакъ.

— Когда именно, — продолжаетъ сатана, — при жизни, или-же послѣ смерти?... О, несчастное дитя несчастной матери! Сколько дней провела въ постѣ и скорби мать твоя, вымаливая себѣ сына, а этотъ безумный старикъ отнялъ тебя у нея и ведетъ на закланіе!

— Если-бы это и было такъ, какъ ты говоришь, то и тогда я не пойду противъ велѣнія моего Творца и воли отца моего.

Видя невозможность совратить ихъ, пошелъ сатана и обратился въ многоводную рѣку, заградивъ имъ дальнѣйшій путь. Вступилъ Авраамъ въ рѣку, а когда вода стала достигать ему до шеи, поднялъ онъ взоръ свой къ небесамъ, взывая:

— Владыка міра! Ты избралъ меня и открылся мнѣ, говоря: «Единъ Я, и ты единственный, чрезъ кого міръ познаетъ имя Мое». Повелѣлъ мнѣ закласть сына, и я немедля пошелъ исполнить Твое велѣніе. А теперь, — Боже, спаси меня! Ибо воды дошли до души моей. Если утонемъ, я или сынъ мой, кто-же исполнитъ слово Твое и кѣмъ провозглашено будетъ Единство Твое?

— Клянусь, — сказалъ Господь, — что черезъ тебя міръ узнаетъ о Единомъ.

Прикрикнулъ Господь на сатану, и въ тотъ-же мигъ высохла рѣка.

Что придумалъ сатана? «Слышалъ я изъ-за Горней Завѣсы — говоритъ онъ Аврааму — такія слова: «Не Исаакъ, но овенъ предназначенъ для жертвы всесожженія».

На это Авраамъ отвѣтилъ:

— Такова судьба лжеца: когда онъ и правду скажетъ, ему никто не вѣритъ.

*

Три дня продолжался путь, дабы люди не стали говорить объ Аврамѣ: ему не дали опомниться; обезумѣлъ человѣкъ и закололъ сына.

Дальнѣйшій путь шелъ по долинѣ. Но такъ какъ мѣсто жертвоприношенія Исаака должно было стать обителью Духа Святого, совершилось чудо: по мановенію перста Божьяго окружающіе долину горы сомкнулись и образовали одну горнюю возвышенность, достойную служить подножіемъ для Духа Вѣчнаго.

— Видишь-ли ты, сынъ мой? — спросилъ Авраамъ.

— Вижу, отецъ, дивныхъ очертаній гора поднялась, и облакомъ повита вершина ея.

— А вы, — обратился Авраамъ къ сопровождавшимъ его отрокамъ, — видите вы что-нибудь?

— Нѣтъ, — сказали отроки, — ничего особеннаго не видимъ; все тѣ-же пустыри кругомъ.

— Останьтесь-же тутъ, при ослѣ, — сказалъ имъ Авраамъ.

*

Взялъ Авраамъ дрова для всесожженія и возложилъ на Исаака — подобно тому, какъ возлагаютъ крестъ на плечи человѣка, ведомаго на распятіе, взялъ въ руки огонь и ножъ, и пошли дальше.

Тутъ великій страхъ напалъ на Исаака. «Отецъ, — сказалъ онъ, — я вижу огонь и дрова; гдѣ-же агнецъ для всесожженія?»

— Тебя, сынъ мой, избралъ Господь на жертву Себѣ, — отвѣтилъ Авраамъ.

И сказалъ Исаакъ:

— Если такъ угодно Богу, да исполнится воля Его. Объ одномъ только скорбитъ моя душа: что станется съ матерью моей?

*

И оба они, этотъ отецъ, готовый казнить собственнаго сына, и этотъ отрокъ, безропотно идущій на закланіе, принялись за работу: дѣлали помостъ изъ камня, складывали костеръ, высѣкали огонь. Авраамъ подобенъ былъ отцу, ведущему сына къ вѣнцу, Исаакъ — жениху, приготовляющему себѣ вѣнчальный балдахинъ.

— Скорѣе, отецъ! — торопилъ Исаакъ Авраама, — спѣши исполнить волю Господа и, смотри, хорошенько сожги меня, а пепелъ мой собери и отнеси къ матери, — она сохранитъ его какъ память обо мнѣ, казненномъ тобою. Ахъ отецъ, отецъ! Что вы станете дѣлать на старости, осиротѣлые и одинокіе?

— Сынъ мой, — отвѣчалъ Авраамъ, — намъ жить осталось не долго, и Тотъ, Кто донынѣ былъ утѣшеніемъ нашимъ, насъ и впредь не оставитъ.

— Отецъ, — говорилъ Исаакъ, — ты знаешь, душа строптива; трудно ей разстаться съ тѣломъ. Боюсь, какъ-бы, увидѣвъ ножъ, занесенный надо мною, я какъ-нибудь не пошевельнулся-бы, и жертва сдѣлается несовершенной и непріемлемой. Такъ смотри, отецъ, хорошенько, по рукамъ и ногамъ свяжи меня.

— И матери, — продолжалъ онъ, — не говори, если застанешь ее стоящей возлѣ колодца или на кровлѣ, — она, упаси Богъ, упадетъ и разобьется на смерть.

*

Лежалъ Исаакъ на жертвенникѣ, устремивъ взоръ въ глубину небесъ. И не въ силахъ былъ Авраамъ оторвать глазъ отъ сына; и плакали эти старые глаза слезами безпредѣльнаго горя и отчаянія. Вотъ онъ взялъ въ руку ножъ... Не дрогнетъ его рука, пока четвертая часть крови не выйдетъ изъ тѣла сына. Но сатана оттолкнулъ руку Авраама, и ножъ, падая, со звономъ ударился о камни жерт-

венника. Нагнулся Авраамъ за ножомъ, но въ это мгновеніе потрясающій вопль вырвался изъ груди его, глаза, полные невыразимой скорби, поднялись къ небесамъ, и голосъ его зазвучалъ:

«Подъемлю къ горамъ очи мои —
Откуда придетъ помощь моя?»

Въ это мгновеніе небеса разступились надъ Исаакомъ, и видѣлъ онъ: въ ослѣпительномъ блескѣ катится Колесница Небесная; тѣсными рядами сонмы ангеловъ сомкнулись, и звучатъ ихъ голоса: «Глядите, единственный единственнаго на закланіе привелъ!»

Въ это мгновеніе раздался небесный голосъ: «Не поднимай руки твоей на отрока».

— Кто ты, говорящій ко мнѣ? — спросилъ Авраамъ.

— Я — ангелъ Господенъ, — былъ отвѣтъ.

— Нѣтъ, — сказалъ Авраамъ, — я не могу послушаться словъ твоихъ. Господь *Самъ* повелѣлъ мнѣ принести въ жертву сына моего, и отъ Него я желаю услышать объ отмѣнѣ Его велѣнія.

Разорвались облака, распахнулась лазурь.

— «Клянусь!» — раздался голосъ Господенъ.

— Ты поклялся, Господи, — вновь заговорилъ Авраамъ, — но и я поклялся, что не сойду съ этого жертвенника прежде, нежели не выскажу всего, чего желаю я.

— Говори, — сказалъ Господь.

И говорилъ Авраамъ:

— Не обѣщалъ-ли Ты, Господи, говоря: «Сосчитай звѣзды, — также неисчислимо будетъ потомство твое?»

— Да, обѣщалъ, — отвѣтилъ Господь.

— Отъ кого-же пойдетъ потомство мое?

— Отъ Исаака.

— Не говорилъ-ли Ты далѣе: «И сдѣлаю потомство твое, какъ песокъ земной?»

— Да, Я говорилъ это.

— Отъ кого?

— Отъ Исаака.

— И вотъ, Господи, я могъ-бы сказать Тебѣ: «вчера Ты обѣщалъ мнѣ потомство отъ Исаака, а нынѣ велишь повести его на закланіе», но я преодолѣлъ ропотъ сердца моего и не сталъ заклинать Тебя, такъ поступи и Ты, Господи: когда согрѣшатъ потомки Исаака и навлекутъ на себя несчастіе, вспомни тогда жертвоприношеніе

Исаака, и да зачтется это передъ Тобою, какъ если-бы отъ него одинъ ворохъ пепла остался на жертвенникѣ; вспомни объ этомъ и прости потомкамъ его и избавь ихъ отъ бѣдствія.

Отвѣчалъ Господь:

— Я выслушалъ слова твои; теперь, слушай, что Я скажу: предопредѣлено потомкамъ Исаака грѣшить предо Мною; и разъ въ году, въ день Новолѣтія, совершаться будетъ судъ Мой надъ ними. А дабы Я смягчалъ вину ихъ, вспомнивъ о жертвѣ Исаака, пусть они трубятъ въ рогъ этотъ — — — —

— О какомъ рогѣ говоришь Ты, Господи?

— Оборотись назадъ.

И взглянулъ Авраамъ, и видитъ: овенъ запутался въ чащѣ рогами своими.

*

Весь день послѣ этого передъ Авраамомъ мелькалъ овенъ: зацѣпитъ рогами за вѣтви дерева и едва успѣетъ высвободиться, какъ тутъ-же запутается въ кустарникѣ.

— Авраамъ! — сказалъ Господь, — такъ и потомкамъ твоимъ суждено: запутавшись въ грѣхахъ, они будутъ скитаться изъ страны въ страну, изъ царства въ царство.

— Господи! — вырвался крикъ изъ груди Авраама, — когда-же наступитъ конецъ ихъ скитальчеству?

И былъ отвѣтъ:

«Придетъ Господь. Какъ молнія изъ тучи,
Сверкнетъ стрѣла Его; Онъ возгремитъ трубой,
И въ буряхъ юга шествовать онъ будетъ.
Сыновъ твоихъ Богъ-Воинствъ защититъ;
И будутъ ликовать они, какъ отъ сикеры,
И камни пращные ногами попирать:
И радостью и мощью ихъ сердца
Наполнятся, какъ жертвенная чаша
И какъ алтарь по всѣмъ его угламъ.
Подобно пастырю, Господь спасетъ народъ Свой,
И онъ въ странѣ Господней возсіяетъ,
Какъ адаманты въ царственномъ вѣнцѣ»...

Танх.; Санг., 9; Сеф. Гаіаш.; Еруш., Таан.

ЦѢЛЕБНЫЙ КАМЕНЬ

По преданію отъ р. Симеона бенъ Іохай, Авраамъ носилъ на шеѣ нѣкій драгоцѣнный камень, при взглядѣ на который люди излѣчивались отъ всякой немощи. Послѣ кончины Авраама Всевышній вправилъ этотъ чудесный камень въ солнечный дискъ.

Абайя, по поводу этого преданія, вспоминалъ древнюю поговорку: «встанетъ солнце — встанетъ и больной»*.

И недаромъ, — какъ говорилъ равъ Хананъ баръ Аба со словъ Рава, — люди, узнавъ о смерти Авраама, восклицали:

— Горе міру, лишившемуся своего руководителя! Горе кораблю, потерявшему кормчаго своего!» *Б.-Б., 17 и 91.*

ІАКОВЪ И ИСАВЪ

Два побѣга вышли рядомъ изъ земли, одинъ — мирта, другой — терновникъ. Вначалѣ они мало чѣмъ отличались одинъ отъ другого, а когда выросли и расцвѣли, одинъ покрылся душистой листвой, а другой колючками.

Такъ росли рядомъ Іаковъ съ Исавомъ, въ ранней юности ничемъ не отличаясь другъ отъ друга. Но они подросли и разошлись въ разныя стороны: Іаковъ посвятилъ себя служенію Истинному Богу, а Исавъ — идоламъ. *Бер.-Р., 36.*

СЛѢПОТА ИСААКА

Раби Елазаръ бенъ Азарія говорилъ:

— Видя Исаака, лежащимъ на жертвенникѣ, плакали ангелы, и слезы ангельскія падали на глаза Исаака, оставляя слѣды на зеницахъ его. Отъ этого къ старости и потускнѣли глаза Исаака.

Мид. Абк.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ ИСААКА

Домашніе скрывали отъ Исаака идолопоклонство Исава, а самъ онъ, вслѣдствіе слѣпоты, не могъ видѣть этого.

---

* Примѣнительно къ свойствамъ солнечной теплоты, цѣлебная сила которой, повидимому, признавалась и въ древнія времена.

Былъ канунъ пасхальной ночи*. И сказалъ Исаакъ Исаву:

— Знаешь, сынъ мой, эту ночь весь міръ встрѣчаетъ хвалебнымъ гимномъ. Въ эту ночь родники росы открываются. Приготовь мнѣ мое любимое кушанье, и, пока я живъ, я благословлю тебя.

И не разслышалъ онъ голоса Духа Святого: «Не вкушай пищи у человѣка завистливаго и не прельщайся лакомыми яствами его».

Отправился Исавъ на ловлю и замѣшкался тамъ. Ибо послалъ Господь сатану задержать его тамъ подольше. А сдѣлалъ это сатана такъ: поймаетъ Исавъ оленя, свяжетъ ему ноги и оставитъ лежать, погонится за другимъ оленемъ и также свяжетъ его, и побѣжитъ дальше; а сатана идетъ по слѣдамъ его, развязываетъ оленей и пускаетъ на волю. Возвращаясь и не находя своей дичи, Исавъ сызнова принимался за ловлю. А въ это время Ревекка говорила Іакову:

— Въ эту ночь, сынъ мой, источники росъ открываются. Въ эту ночь небесные духи поютъ славу, и это время самое благопріятное, чтобъ получить благословеніе отъ отца.

Вошелъ Іаковъ къ отцу, и показалось слѣпому Исааку, что воздухъ вокругъ него наполнился благоуханіемъ рая.

Вотъ, — сказалъ Исаакъ, — благоуханіе отъ сына моего, какъ запахъ отъ поля, благословеннаго Господомъ.

А когда, по уходѣ Іакова, вошелъ Исавъ, «вострепеталъ Исаакъ великимъ трепетомъ», потому что въ это мгновеніе ему привидѣлись отверзтыя бездны ада и Исавъ подкладывающимъ дрова въ печи адскія.

Пир. д. Ел.; Танх.

ІАКОВЪ

«Іаковъ вышелъ изъ Вирсавіи и пошелъ въ Харанъ. — — И остановился ночевать, потому что зашло солнце».

Къ одному царю приходилъ изрѣдка его преданный другъ. И царь говорилъ слугамъ: «Потушите свѣтильники, потушите лампады; наединѣ я желаю бесѣдовать съ моимъ другомъ».

И Господь повелѣлъ заблаговременно погасить** солнечный дискъ, дабы втайнѣ и задушевно говорить съ Іаковомъ.

---

* Т. е. той ночи, въ которую впослѣдствіи израильтяне стали праздновать исходъ изъ Египта. Болѣе вѣроятный смыслъ: канунъ первой весенней ночи, начало возрожденія природы, которое, въ той или иной формѣ, праздновалось повсюду а особенно пастушескими племенами библейской древности.

** Въ подлинникѣ игра словъ: «ki-wo haschemesch» — ибо зашло солнце, «kiwo haschemesch» — погасилъ солнце.

«И взялъ Іаковъ изъ камней того мѣста» — и сдѣлалъ ограду для защиты отъ звѣрей.

Заспорили камни между собою, которому изъ нихъ послужить изголовьемъ. Этотъ говоритъ: «я хочу, чтобъ на мнѣ покоилась голова праведника», другой говоритъ: «на мнѣ!» Чудеснымъ образомъ всѣ эти камни слились въ одну сплошную плиту.

«Увидѣлъ Іаковъ во снѣ: лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба, и ангелы восходятъ и сходятъ по ней».

Это были духи-покровители четырехъ царствъ «плѣненія и изгнанія» Израиля.

«И вотъ, Господь стоитъ надъ нимъ».

При появленіи Всевышняго, упорхнули духи, навѣвавшіе на Іакова мрачныя видѣнія грядущихъ вѣковъ. И стоялъ Господь и, какъ добрая няня, опахивалъ лицо спящаго.

*

Равъ Исаакъ говорилъ:

— Всю землю Ханаанскую Господь свернулъ, какъ сворачиваютъ свитокъ папируса, и, положивъ ее подъ изголовье Іакова, сказалъ:

— Землю, на которой ты лежишь, я отдамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ. *Бер.-Р., 69; Хул., 91.*

ГРОБНИЦА РАХИЛИ

Гробница эта находится по дорогѣ въ Виѳлеемъ. Провидѣлъ Іаковъ, что по этому пути будутъ проходить, отправляясь въ изгнаніе, потомки его, и похоронилъ онъ тамъ Рахиль, дабы она молила Господа о милосердіи къ изгнанникамъ. Объ этомъ и гласитъ стихъ пророка: «Вотъ, голосъ слышенъ въ Рамѣ, вопль и горькое рыданіе, — Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ». *Танх.*

ІОСИФЪ ВЪ ЕГИПТѢ

«И увидѣлъ господинъ его, что Господь съ нимъ, и что всему, что онъ дѣлаетъ, Господь въ рукахъ его даетъ успѣхъ».

Какъ виночерпій, Іосифъ обладалъ чудеснымъ свойствомъ. Бы-

вало, онъ нальетъ вина Потифару. «Это какое вино?» — спроситъ Потифаръ.

— Пряное, — отвѣчаетъ Іосифъ.

— А я хочу полыннаго.

И сладкое вино мгновенно превращается въ полынное.

Потребуетъ Потифаръ согрѣтаго вина, — и вино тотчасъ-же становится теплымъ.

Тоже самое съ водою и проч.

Потифаръ и поставилъ его главнымъ правителемъ въ домѣ и все, что имѣлъ, отдалъ на руки его. *Танх.; Бер.-Р., 87.*

*

Іосифу въ то время было семнадцать лѣтъ, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ красоты. Дня не проходило, чтобы Зелика жена Потифара, не говорила ему о своей страсти. По три раза на день она мѣняла свои одежды, стараясь обольстить его.

— О, какъ прекрасенъ ты! — говорила Зелика, — какъ дивно прекрасны глаза твои! Какъ упоительно сладокъ голосъ твой! Возьми арфу мою и спой мнѣ пѣсню подъ звуки струнъ ея... А кудри, кудри твои! Возьми себѣ этотъ золотой гребень, Іосифъ, возьми и расчеши имъ кудри свои!... О, какъ прекрасенъ ты, возлюбленный мой!...

— Іосифъ! — говорила она, переходя отъ мольбы къ угрозамъ, горе тебѣ, если ты не отвѣтишь на любовь мою: кандалами желѣзными отягощу тебя, жизни твоей не пожалѣю!...

— Что съ тобою, Зелика? — спрашивали египтянки, подруги ея, — чего еще не достаетъ тебѣ, женѣ вельможи знатнаго, любимца фараонова?

— Чего мнѣ недостаетъ? — Отвѣчала Зелика, — сейчасъ вы узнаете это.

Въ то время, когда эти египтянки занялись предложенными имъ плодами, очищая ихъ острыми ножиками, въ комнату, по зову Зелики, вошелъ Іосифъ. Впились онѣ глазами въ лицо его и порѣзали себѣ до крови пальцы. Застывшія въ очарованіи, глядѣли онѣ на лицо его, не видя и не чувствуя, какъ капала кровь изъ порѣзанныхъ пальцевъ на плоды, на столъ, на туники ихъ...

— Вотъ, — сказала Зелика, — при одномъ взглядѣ на него вы такъ очарованы, поражены красотою его. Что-же должна испы-

тывать я, постоянно видя его, подъ одной кровлей находясь съ нимъ?...

Съ каждымъ днемъ росла и крѣпла страсть ея. Но не уступалъ Іосифъ ни мольбамъ, ни угрозамъ ея.

Наступилъ день разлитія Нила. Съ великою радостью, съ музыкой и плясками, сопровождаемый несмѣтными толпами, пошелъ фараонъ съ волхвами и вельможами своими къ берегамъ священной рѣки ихъ. Пошелъ туда и Потифаръ со всѣми своими людьми, и остались въ домѣ его только Зелика и Іосифъ.

Тончайшими благовоніями умащенная, облаченная въ роскошнѣйшія одежды свои, вся осыпанная драгоцѣнными каменьями — притаилась Зелика въ одномъ изъ покоевъ, мимо которыхъ долженъ былъ пройти сейчасъ Іосифъ. Опьяняющимъ ароматомъ корицы и ладана, мирры и алоэ былъ насыщенъ воздухъ кругомъ... Послышались шаги. Вдали показался Іосифъ... Вотъ онъ остановился... По тишинѣ, стоявшей кругомъ, по необычному обилію и изысканности ароматовъ отъ курильницъ онъ понялъ, кто стережетъ приближеніе его... Быстрымъ движеніемъ повернулся онъ назадъ... Но Зелика однимъ прыжкомъ очутилась возлѣ него, судорожно ухватилась за одежды его... Молніей сверкнула лезвіе кинжала въ рукѣ ея... «Ты пойдешь ко мнѣ»! — подобно шипѣнію раздался грозный шопотъ надъ ухомъ его... Одно мгновеніе — одинъ порывъ — фигура Іосифа исчезла вдали, а въ рукѣ у Зелики остался разорванный плащъ его... *Танх.; Сеф. Гаіаш.*

*

Призвалъ фараонъ всѣхъ волхвовъ и мудрецовъ Египта и разсказалъ имъ сонъ свой; но не было никого, кто-бы истолковалъ его фараону.

— «Семь тучныхъ коровъ», — говорили эти мудрые снотолкователи, — означаетъ, что у тебя родится семь дочерей. «Семь тощихъ коровъ» — семь дочерей ты похоронишь. «Семь тучныхъ колосьевъ» — семь царствъ завоюешь. «Семь тощихъ колосьевъ» — семь областей отложатся отъ короны египетской.

И вотъ, послѣ того, какъ волхвы Египта и мудрецы его истощили все свое искусство, нисколько не облегчивъ угнетенной души фараона, тогда былъ призванъ Іосифъ; и повелитель Египта сразу увидѣлъ все ничтожество прежнихъ снотолкователей. *Бер.-Р., 89.*

*

Въ одеждахъ виссонныхъ, съ царскимъ перстнемъ на рукѣ, съ золотою цѣпью на шеѣ, верхомъ на могучемъ конѣ, изъ коней фараоновыхъ — повезли Іосифа по улицамъ столицы египетской. Пять тысячъ воиновъ, сверкая обнаженными мечами, шли хороводомъ впереди него; звуки тысячи цитръ и тысячи бубенъ предшествовавшихъ имъ, сливались со звуками тысячи арфъ, заключавшихъ это великолѣпное шествіе. Отряды почетнаго конвоя фараона, всѣ въ присвоенныхъ званію ихъ кожанныхъ, покрытыхъ золотомъ, поясахъ, шли по правую и лѣвую руку его. Кровли домовъ покрыты были толпами женщинъ и дѣвушекъ, высыпавшихъ изъ домовъ, чтобы полюбоваться красотою Іосифа. По всему пути стояли курильницы съ душистыми кореньями и травами, и громко раздавались голоса двадцати глашатаевъ: «Преклоняйтесь передъ Цафнаѳ-Панеахомъ! Фараономъ поставленъ онъ надъ всею землею египетской».

Полный глубокаго благоговѣнія — поднялъ Іосифъ взоры свои къ небу и возвалъ къ Предвѣчному:

«Изъ праха Ты подъялъ меня,
Изъ бренья нищаго возвысилъ.
Господь! Блаженъ, кто на Тебя
Свои возложитъ упованья». *Сеф. Гаіаш.*

*

Раби Хійя баръ Аба говорилъ со словъ р. Іоханана:

— Слыша сказанное фараономъ Іосифу: «Властью фараона говорю тебѣ: Безъ тебя никто не посмѣетъ шагу ступить во всей землѣ Египетской», — волхвы и звѣздочеты говорили фараону:

— Государь! Рабу, купленному за двадцать серебрениковъ, ты даешь власть надъ нами!

— Въ этомъ рабѣ, — отвѣчалъ фараонъ, — я вижу признаки царскаго величія.

— Но если такъ, — продолжали тѣ, — потребуй отъ него, по крайней мѣрѣ, знанія, подобно тебѣ, всѣхъ семидесяти языковъ.

— Хорошо, — сказалъ фараонъ, — я спрошу его объ этомъ.

Въ ту ночь Іосифу явился архангелъ Гавріилъ и научилъ его всѣмъ семидесяти языкамъ и нарѣчіямъ. На утро фараонъ сталъ испытывать Іосифа, — Іосифъ свободно отвѣчалъ на любомъ изъ

семидесяти языковъ, а въ заключенiи самъ обратился къ фараону на языкѣ, повелителю Египта совершенно незнакомомъ.

— На какомъ это языкѣ ты говоришь? — спросилъ фараонъ.

— На еврейскомъ, — отвѣтилъ Iосифъ.

— Научи меня этому языку, — сталъ просить фараонъ.

Iосифъ исполнилъ его желанiе. Но не съумѣлъ научиться фараонъ священному языку и взялъ онъ съ Iосифа клятву, чтобъ это осталось тайной между ними. *Бер.-Р., 89; Сота, 36.*

БРАТЬЯ IОСИФА ВЪ ЕГИПТѢ

Когда сыновья Iакова собрались въ Египетъ для закупки хлѣба, отецъ имъ сказалъ:

— Дѣти мои, всѣ вы одарены отъ Господа и силой, и красотой. Дабы не возбуждать лишняго любопытства, не входите вмѣстѣ въ одни ворота и, вообще, не держитесь близко одинъ къ другому.

Преданiе отъ равъ Iегуды баръ Симона:

— Iосифу извѣстно было, что братья его идутъ въ Египетъ для закупки хлѣба, и, дабы узнать немедленно о ихъ прибытiи, онъ у всѣхъ воротъ поставилъ особыхъ людей, которымъ поручено было вести ежедневныя записи, по имени и отчеству, всѣмъ прiѣзжимъ, а вечеромъ списки представлять Iосифу. Убѣдившись такимъ образомъ, что братья его всѣ на лицо, хотя они и входили черезъ разныя ворота и находились въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ, Iосифъ повелѣлъ закрыть всѣ зерновые склады и оставить открытымъ единственное зернохранилище. Давъ завѣдующему списокъ именъ десяти братьевъ, Iосифъ приказалъ, когда явятся эти люди, немедленно задержать ихъ и доставить къ нему.

Прошло три дня, а братья къ зернохранилищу не являлись. Пошли ихъ розыскивать и нашли по одиночкѣ, бродящими по городу изъ одной улицы въ другую, съ одного базара на другой; задержали ихъ всѣхъ и доставили къ Iосифу.

«Узналъ ихъ Iосифъ, но сдѣлалъ видъ, будто не знаетъ ихъ» — какъ человѣкъ имъ чужой, иноплеменный. Взялъ онъ въ руки кубокъ, постучалъ по немъ пальцами и, прислушиваясь къ звону металла, сказалъ:

— Кубокъ этотъ говоритъ, что вы соглядатаи.

— Мы люди честные, — отвѣтили они.

— Если вы честные люди, почему вы входили, какъ-бы крадучись, по одиночкѣ въ разныя ворота, и зачѣмъ впродолженіи трехъ дней слонялись по базарамъ?

— Мы отыскивали пропажу.

— Какую-такую пропажу? Мой кубокъ говоритъ мнѣ, что двое изъ васъ разрушили большой городъ.

— Назови, кто именно изъ насъ?

Постучавъ по кубку, Іосифъ сказалъ:

— Имена ихъ: Симеонъ и Леви.

— Господинъ, — начали они, пораженные чудесной силой кубка, — насъ, рабовъ твоихъ, двѣнадцать братьевъ...

— Но васъ здѣсь только десять; гдѣ-же двое остальныхъ?

— Меньшій — при отцѣ, а одного не стало.

— Это самое я и говорилъ вамъ и, утверждаю: вы соглядатаи. И вы не выйдете отсюда, пока не приведете меньшаго брата вашего.

И, взявъ Симеона, приказалъ связать его. Но, зная необыкновенную силу Симеона, Іосифъ ввелъ семьдесятъ испытанныхъ воиновъ, которымъ повелѣлъ наложить кандалы на Симеона и отвести его въ темницу. Едва воины приблизились къ Симеону, послѣдній крикнулъ съ такой силой, что всѣ они повалились какъ подкошенные, и зубы выскочили у нихъ изъ челюстей и разсыпались по полу.

При Іосифѣ въ это время былъ сынъ его, Манасія.

— Возьми ты его, — сказалъ Іосифъ.

Всталъ Манасія, однимъ ударомъ оглушилъ Симеона и, наложивъ на него кандалы, отвелъ въ темницу.

— Этотъ ударъ, — говорилъ Симеонъ братьямъ, — не ударъ египтянина: такіе удары наносить умѣютъ только люди нашего рода.

Великій страхъ палъ на братьевъ, и они отправились къ Іакову повѣдать ему о происшедшемъ.

*

Нелегко было убѣдить отца отпустить съ ними Веніамина.

— Отецъ, — убѣждалъ его Іуда, — если Веніаминъ пойдетъ съ нами, то, неизвѣстно еще, можетъ быть, его и не заключатъ въ темницу; безъ него-же мы не можемъ явиться къ фараону, и всѣмъ

намъ неизбѣжно придется умереть съ голода. Наконецъ, я беру на себя отвѣтственность и ручаюсь за его безопасность.

Бер.-Р., 91; Танх.

*

Поникнувъ головой, сидѣлъ Іаковъ у входа въ шатеръ свой. Безконечной цѣпью испытаній проходила въ памяти старца вся его долгая жизнь: бѣгство изъ родного дома къ Лавану; двадцать лѣтъ полурабскаго служенія тестю; бѣгство отъ Лавана и встрѣча съ Исавомъ, котораго приходилось умилостивить дарами, чтобъ спастись отъ лютаго гнѣва его; несчастіе съ Диною; смерть любимой жены, Рахили. Подросли, наконецъ, дѣти; давно пора было дать отдыхъ старымъ костямъ, — исчезаетъ Іосифъ. Теперь — грозитъ голодъ, а Симеонъ въ темницѣ, и Веніамина ждетъ таже участь...

— «Боже Всемогущій, смилуйся надъ моими дѣтьми, смилуйся надъ старостью моей. Положи предѣлъ испытаніямъ моимъ!»

Бер.-Р., 92.

*

Радостно забилось сердце Іосифа при видѣ Веніамина. Какъ живое встало передъ нимъ милое лицо Рахили, матери ихъ. — Позвалъ Іосифъ братьевъ на пиръ и, желая быть во время пира поближе къ любимому брату, снова обратился къ помощи своего кубка:

— «Іуда, — началъ онъ, поднося къ носу бокалъ и въ запахѣ его содержимаго ища указаній, — Іуда, у котораго царственный видъ, пусть займетъ первое мѣсто. Рувиму сѣсть рядомъ съ нимъ даетъ право его первородство». И т. д. Когда очередь дошла до Веніамина, Іосифъ сказалъ: «Я сирота безъ матери, и его мать умерла, родивъ его. Меня разлучили съ братомъ, и у него не стало брата. Одна судьба у обоихъ насъ, и намъ отрадно будетъ склонить головы другъ къ другу.

Видя особое радушіе Іосифа къ этому отроку, Асенеѳа, жена Іосифа, положила и свое кушанье на блюдо Веніамина; тоже самое сдѣлали Ефреемъ и Манасія. *Танх.*

*

Но вотъ, въ мѣшкѣ Веніамина оказался серебряный кубокъ Іосифа.

— Воръ! — накинулись на него братья, — воръ, сынъ воровки! — кричали они ему, — мать твоя покрыла стыдомъ отца нашего*, и ты опозорилъ насъ, укравъ чашу у гостепріимнаго хозяина! И вотъ, останешься ты вѣчнымъ рабомъ этому человѣку.

Но тутъ выступилъ впередъ Іуда и всталъ передъ Іосифомъ.

Въ это время духи небесные говорили другъ другу:

— Сойдемъ внизъ и поглядимъ, какъ Волъ со Львомъ** въ единоборство вступаетъ. И нѣтъ у Вола страха передъ Львомъ.

*

Преданіе отъ равъ Іоханана:

— Голосъ Іуды въ это время звучалъ на разстояніи четырехсотъ парса***. Услыша знакомый голосъ, Хушамъ, сынъ Дана, поспѣшилъ изъ Ханаана въ Египетъ и всталъ рядомъ съ Іудой. Загремѣли голоса этихъ двухъ человѣкъ — и заколебалась земля во всемъ Египтѣ.

Видя гнѣвъ Іуды, закипѣли гнѣвомъ и другіе братья; затопали ногами — и глубокими бороздами взрывалась земля подъ ними.

Но болѣе всѣхъ другихъ страшенъ былъ Іуда. На груди, противъ сердца, росъ у него одинъ волосокъ, который въ то время, когда Іуда распалялся гнѣвомъ, превращался въ острую иглу и выходилъ наружу, проколовъ ткань пяти одѣяній, которыя носилъ Іуда.

Но Волъ не уступалъ Льву:

Ударилъ Іосифъ ногою о мраморную скамью, на которой передъ тѣмъ сидѣлъ, — и скамья разсыпалась въ мельчайшіе осколки.

— Что это значитъ? — удивился Іуда, — этотъ человѣкъ силенъ не менѣе каждаго изъ насъ!

Схватился Іуда за мечъ, но мечъ, точно удерживаемый невидимой рукой, не выходилъ изъ ноженъ.

— Сомнѣнія нѣтъ, — онъ и человѣкъ богоугодный, — подумалъ Іуда и обратился къ Іосифу съ такими словами:

— Господинъ! Съ самаго начала ты, безъ всякаго повода, на-

---

* Похитивъ идолы у Лавана.

** «Крѣпость Іосифа какъ перворoднаго вола». (Предсмертное благословеніе Моисея. Второзак., 33,17). «Молодой левъ Іуда». (Благословеніе Іакова. Бытіе, 49, 9).

*** Парса — четыре версты.

чалъ взводить на насъ обвиненія. Множество народу изъ разныхъ странъ приходитъ въ Египетъ для закупки зерна, и ни одного человѣка ты не подвергалъ такому допросу. А мы, — пришли мы, что-ли, взять дочь твою себѣ въ жены, или сестру свою выдать за тебя замужъ? Ты спрашивалъ, и мы на всѣ твои вопросы отвѣчали, ничего не скрывая. Чего-же ты требуешь отъ насъ?

— Прежде всего, — сказалъ Іосифъ, — объясни, почему именно ты выступаешь защитникомъ этого отрока, а не кто либо другой изъ братьевъ, старше тебя?

— Потому, — отвѣтилъ Іуда, — что я поручился за его безопасность передъ отцомъ.

— А почему ты не заступился за другого брата, когда вы продавали его измаильтянамъ, и не пожалѣлъ старика отца, спокойно говоря ему: «Хищнымъ звѣремъ растерзанъ Іосифъ»? Тотъ братъ твой ничѣмъ не погрѣшилъ передъ тобою; этотъ-же похитилъ мой кубокъ. Ты и скажи отцу, когда онъ спроситъ о немъ: «въ колодезь ведро — туда и веревка».

Громко и горестно зарыдалъ Іуда, говоря:

— Какъ мнѣ пойти къ отцу моему, когда отрока не будетъ со мною?

— Хорошо, — сказалъ Іосифъ, — разсудимъ спокойно дѣло наше; чего ты требуешь отъ меня?

Но Іуда уже не слушалъ его. — «Неѳтали! — крикнулъ онъ, — иди узнай, сколько въ городѣ кварталовъ?» — Быстрый, какъ серна, Неѳтали вернулся и сказалъ: «двѣнадцать».

— Братья, — крикнулъ Іуда, — три квартала разрушу я, да каждый изъ васъ — по одному кварталу, чтобъ ни души въ живыхъ не осталось.

— Іуда, — заговорили братья, — Египетъ не Сихемъ: разрушить Египетъ — все равно, что разрушить весь міръ.

Почувствовалъ Іосифъ, что не выдержать ему дольше, и крикнулъ: «удалите отъ меня всѣхъ и оставьте меня одного съ этими людьми».

Удалились египтяне, — и снова заговорилъ Іуда:

— Ты поклялся жизнью фараона нечестиваго, а я жизнью праведнаго отца моего клянусь: стоитъ мнѣ только извлечь изъ ноженъ мечъ мой — и Египетъ наполнится трупами.

— Обнажи свой мечъ, — отвѣчалъ Іосифъ, — и я узломъ завяжу его на шеѣ твоей!

— Огонь Сихема пылаетъ во мнѣ!...

— Не огонь-ли Тамары, Іуда? Такъ я потушу его!

Гнѣву Іуды въ это мгновеніе не было предѣловъ. Слитки желѣза изгрызалъ онъ, превращая ихъ въ опилки.

— Всѣ улицы я кровью обагрю! — гремѣлъ голосъ его.

— Красильщиками вы всегда были, — отвѣтилъ Іосифъ, — вы и одежду брата вашего выкрасили кровью.

Но, видя, что они готовы кинуться и опустошить Египетъ, Іосифъ заговорилъ:

— Не вѣрно то, что вы сказали, будто братъ Веніамина умеръ. Нѣтъ, онъ живъ: купилъ его я. Позову — и онъ придетъ. «Іосифъ, сынъ Іакова! — началъ онъ звать, — приди ко мнѣ! Іосифъ, сынъ Іакова, приди къ братьямъ твоимъ, которые продали тебя!»

Начали братья оглядываться во всѣ стороны. А Іосифъ говоритъ:

— Не ищите его кругомъ себя. Онъ передъ вами: я — Іосифъ, братъ вашъ. И очи ваши, и очи Веніамина видятъ, что это мои уста говорятъ съ вами; на родномъ языкѣ я съ вами говорю.

Братья и глазамъ своимъ не вѣрили: помнили они его отрокомъ, а передъ ними стоялъ человѣкъ, обросшій бородою.

*

Въ одинадцати колесницахъ, изъ колесницъ фараоновыхъ, возвращались братья Іосифа въ Ханаанъ, везя съ собою для Іакова особую, роскошной отдѣлки, колесницу, и цѣлый караванъ, нагруженный дорогими одеждами для каждаго изъ внуковъ Іакова, тканями и благовоніями для женъ своихъ, невѣстокъ Іосифа, для Дины — цѣлую сокровищницу золототканныхъ и сереботканныхъ одеждъ. Провожая братьевъ, Іосифъ говорилъ имъ:

— Когда придете къ отцу нашему, не говорите ему обо мнѣ сразу, но постепенно подготовьте его къ этому.

Случилось такъ, что, при приближеніи ихъ къ шатрамъ своимъ имъ встрѣтилась Серахъ, дочь Ассира, дѣвушка прекрасная лицомъ и обладавшая въ рѣдкой степени даромъ игры на цитрѣ. Повѣдали они ей объ Іосифѣ и сказали:

— Ступай къ отцу нашему, къ Іакову, и заиграй передъ нимъ на цитрѣ, и пѣсню запой, а въ пѣснѣ этой упомяни то, о чемъ мы разсказали тебѣ.

Сбѣгала Серахъ въ шатеръ за цитрой, пришла къ Іакову и, сѣвъ у ногъ его, стала перебирать струны цитры и сладкимъ голосомъ своимъ запѣла:

«Онъ живъ и славенъ
Въ странѣ далекой»...

Поднялъ патріархъ поникшую голову свою и началъ прислушиваться къ голосу Серахъ...

«Онъ живъ и славенъ»...

повторила дѣвушка, заставляя тихо и сладостно звенѣть струны на цитрѣ, — и, наконецъ, громкимъ и ликующимъ аккордомъ зазвучала пѣсня:

«Онъ живъ!
Онъ живъ и славенъ,
Въ странѣ далекой,
Твой сынъ Іосифъ,
Твой сынъ и дядя мой!»...

Потокомъ свѣта и радости полилась пѣсня Серахъ въ душу Іакова — и Духъ Господень сошелъ на него, и понялъ онъ, что правда звучитъ въ словахъ пѣсни этой.

Бер.-Р., 92; Танх. Сеф. Гаіаш.

КОНЧИНА ІАКОВА

Призвалъ Іаковъ сыновей своихъ и сказалъ:

— Соберитесь, и я возвѣщу вамъ, что будетъ съ вами въ грядущіе дни.

Желалъ Іаковъ открыть имъ грядущую судьбу міра, но даръ предвидѣнія вдругъ покинулъ его.

— Нѣтъ-ли, упаси Господь, — подумалъ онъ, — въ семьѣ моей изъяна, какъ въ семьѣ отца моего, въ лицѣ Исава?

— Нѣтъ, — сказали въ одинъ голосъ сыновья его: слушай отецъ нашъ, Израиль! Въ нашихъ сердцахъ, какъ и въ твоемъ сердцѣ, живъ только Единый.

И Іаковъ благоговѣйно отвѣчалъ:

«— Благословенно имя Его, царствующаго во вѣки вѣковъ!»

И звучитъ изъ вѣка въ вѣкъ, дважды въ день, утромъ и вечеромъ, кличъ далекихъ потомковъ его:

«— Слушай, Израиль!

«Слушай въ гробницѣ Махпела, отецъ нашъ Израиль! Крѣпко и свято хранимъ мы завѣтъ твой: Господь нашъ — Господь Единый!»

Пес., 56; Бер.-Р., 98.

*

И дошли они (сыновья Іакова съ тѣломъ его) до гумна-Атада*.

По преданію отъ раби Абагу, туда пришли также сыновья Исава и сыновья Измаила, и потомки Хеттуры. Пришли со злыми чувствами и враждебными цѣлями, колючимъ кустарникомъ окруживъ останки праведника. Но вотъ, видятъ они: вѣнецъ Іосифа виситъ у гроба. И всѣ сняли вѣнцы свои, счетомъ тридцать шесть, и, точно золотой гирляндой, окружили ими гробъ патріарха.

Сотта, 13.

---

* «Атадъ» означаетъ собственно: изгородь изъ колючаго кустарника.

РАБСТВО И ИСХОДЪ

РАБСТВО ЕГИПЕТСКОЕ

«Какъ виноградъ въ пустынѣ, Я нашелъ
Израиля; какъ ягоду, впервые
Созрѣвшую средь листьевъ молодыхъ
Смоковницы, узрѣлъ отцовъ Я вашихъ».

Осія, IX, 10.

*

Равъ Іуданъ говорилъ:

— Подобно тому, какъ со смоковницы снимается сначала по одной созрѣвшей ягодѣ, потомъ по-двѣ, по-три, и, наконецъ, приступаютъ къ сбору плодовъ цѣлыми корзинами, такъ и на народномъ древѣ нашемъ, сначала созрѣло одно славное имя — Авраамъ, затѣмъ — Исаакъ, Іаковъ, и, наконецъ: «расплодились сыны Израиля и размножились, и возросли, и окрѣпли чрезвычайно; и наполнилась ими та земля». *Бер.-Р., 46.*

*

Прошло сто тридцать лѣтъ отъ водворенія израильтянъ въ Гошенѣ Египетскомъ. И былъ сонъ фараону. Снилось ему, что сидитъ онъ на тронѣ своемъ, и стоитъ передъ нимъ нѣкій старецъ, и у старца вѣсы въ рукахъ. Вотъ опустилъ старецъ чаши вѣсовъ, на одной помѣстилъ всѣхъ старѣйшинъ, вельможъ и правителей египетскихъ, на другую чашу поставилъ одного ягненка-сосуна. Поднялъ старецъ вѣсы, — и вотъ, видитъ фараонъ: чаша съ ягненкомъ перевѣсила чашу со всѣми старѣйшинами, вельможами и правителями египетскими.

Призвалъ фараонъ волхвовъ своихъ и сказалъ:

— Истолкуйте мнѣ сонъ мой.

Въ то время при дворѣ фараона находился и Валаамъ, сынъ Веоровъ, бѣжавшій въ Египетъ съ островов Хиттимскихъ.

— Государь! — сказалъ Валаамъ, — сонъ твой предвѣщаетъ, что произойдетъ великое зло для Египта отъ народа израильскаго. Въ народѣ этомъ родится человѣкъ, который разоритъ Египетъ и освободитъ израильтянъ отъ власти твоей.

— Что-же я долженъ сдѣлать, — спросилъ фараонъ, — чтобы предупредить это?

— Спроси сначала другихъ волхвовъ, а меня соблаговоли выслушать потомъ.

Отвѣчалъ одинъ изъ волхвовъ, Регуилъ (Іоѳоръ) Мадіамскій:

— Да живетъ государь! Да живетъ во вѣки государь нашъ! Мой совѣтъ: отступись отъ израильтянъ и не пытайся вступить въ борьбу съ ними. Богъ издревле избралъ народъ сей изъ всѣхъ народовъ земли. Когда предокъ твой фараонъ пожелалъ приблизиться къ женѣ патріарха ихъ Авраама, Богъ Израилевъ поразилъ его и весь домъ его жестокими карами. Тоже постигло и Авимелеха, царя Герарскаго. Праотца ихъ Іакова Богъ спасъ отъ Исава и отъ Лавана, покушавшихся убить его, и отъ всѣхъ царей Ханаанскихъ, которое выходили противъ Іакова и сыновей его. Предокъ-же твой фараонъ возвеличилъ израильтянина Іосифа, мудростью своей спасшаго Египетъ во время семилѣтняго голода, и отца Іосифа съ братьями его радушно принялъ и поселилъ ихъ въ странѣ своей. Поэтому, совѣтъ мой: перестать угнетать израильтянъ, и если не желаешь оставить ихъ жить мирно въ Египтѣ, дай имъ спокойно уйти въ землю Ханаанскую.

Разгнѣвался фараонъ на Регуила за слова его и обратился къ другому волхву, Іову Егуильскому.

— Великій Государь! — отвѣтилъ Іовъ, — ты одинъ властенъ надъ всѣми жителями страны своей; сдѣлай такъ, какъ угодно въ очахъ твоихъ.

Заговорилъ тогда Валаамъ:

— Государь! — сказалъ онъ, — праотецъ израильтянъ Авраамъ вышелъ невредимымъ изъ печи калильной. Другой родоначальникъ ихъ, Исаакъ, былъ возложенъ на жертвенникъ для всесожженія, но жертвенный ножъ не коснулся его. Патріархъ ихъ

Іаковъ долгіе годы служилъ Лавану, и тяжесть трудовъ не умалила крѣпости силъ его. Ни огнемъ, ни мечемъ, ни работами изнурительными не одолѣть тебѣ народа этого. Есть одно средство, донынѣ еще неиспытанное; средство это: стихія водная. И вотъ мой совѣтъ: всѣхъ дѣтей, которыя родятся отнынѣ у израильтянъ прикажи бросать въ рѣку. *Сеф. Гаіаш.*

*

«Если будетъ сынъ, то умерщвляйте его».

Преданіе отъ раби Ханана:

— Что тогда дѣлали кроткія, непорочныя матери еврейскія? Въ пещерахъ прятали онѣ младенцевъ своихъ. Но египтяне отыскивали ихъ и бросали въ рѣку.

Въ это время Господь говорилъ ангеламъ:

— Сойдите на землю и взгляните — потомковъ возлюбленныхъ моихъ Авраама, Исаака и Іакова въ воду бросаютъ!

Встревоженные, отлетали ангелы отъ Господа и, входя по колѣно въ воду, принимали младенцевъ на руки и укладывали ихъ на утесахъ, а изъ утесовъ образовывались сосцы, питавшіе младенцевъ материнскимъ молокомъ.

*

Поясненіе равъ Авиры:

— Освобожденіемъ изъ рабства народъ обязанъ заслугамъ праведницъ израильскихъ того времени. Когда женщины эти приходили за водой, Господь посылалъ къ тому мѣсту множество мелкой рыбы, и вода въ кувшинахъ оказывалась пополамъ съ рыбою. Отправляясь къ мужьямъ находящимся на работѣ, каждая приносила по два кувшина, одинъ съ варенной рыбой, другой съ согрѣтой водой, помогала мужу умыться, счищать съ себя пыль, утолить голодъ и жажду и нѣжными ласками утѣшала его. Приближалось время родовъ; надо было уходить куда-нибудь подальше отъ зоркихъ враговъ. И онѣ уходили въ поля, въ рощи, рожали — и спѣшили возвратиться къ покинутымъ жилищамъ. И посылалъ Господь ангела-хранителя, который поилъ дѣтей молокомъ, питалъ ихъ елеемъ и медомъ, — какъ родная мать лелѣялъ ихъ.

Узнавали объ этомъ египтяне, ходили искать дѣтей, но никого

не находили: земля разступалась и любовно принимала малютокъ въ свои нѣдра. Приходили египтяне съ плугами, глубоко бороздили землю на тѣхъ мѣстахъ, но дѣтей и слѣда не было. А когда египтяне удалялись, малютки, точно стебли травы, выростали изъ почвы. Впослѣдствіи, уже взрослыми, они толпа за толпою приходили въ свои жилища.

А въ тотъ часъ, когда Господь открылся народу у Чермнаго моря, они-же и были первыми, кто узрѣлъ величіе Его — и зазвучали хоромъ голоса ихъ:

— «Вотъ Богъ мой!» *Ш.-Гаш.-Р., 8; Т. д. Ел.; Сота, 11.*

РОЖДЕНІЕ И ВОСПИТАНІЕ МОИСЕЯ

Миріамъ, еще до появленія на свѣтъ Моисея, предвидѣла пророческимъ даромъ и говорила отцу:

— Моя мать родитъ сына, который явится спасителемъ нашего народа.

Родился Моисей — и весь домъ наполнился сіяніемъ.

— Пророчество твое, — сказалъ Амрамъ, цѣлуя дочь, исполнилось.

Когда-же Моисея пришлось спустить въ корзинѣ въ Нилъ, мать накинулась съ угрозами на дочь, крича:

— Гдѣ-же, дочка, пророчество твое?

И Миріамъ пошла къ рѣкѣ, притаилась и стала наблюдать издали, чѣмъ кончится ея пророчество.

*

Когда Моисей былъ взятъ дочерью фараона, Миріамъ, обратившись къ ней, сказала:

— Не сходить-ли мнѣ и не позвать-ли къ тебѣ кормилицу изъ *евреянокъ?*

Почему именно — изъ евреянокъ? Потому что ни у одной изъ кормилицъ египтянокъ младенецъ не бралъ груди. Ибо, сказалъ Господь:

— Устамъ, которымъ предстоитъ говорить Именемъ Моимъ, не подобаетъ прикасаться къ груди идолопоклонницы.

Полюбила Моисея дочь фараона, какъ мать — родного сына.

Ни на шагъ не отпускала она его изъ дворца, ласкала, лелѣяла, красотою его налюбоваться не могла. И кто, бывало, не взглянетъ на него, не въ силахъ оторвать глазъ отъ лица его.

Привязался къ ребенку и фараонъ, ласкалъ его, забавлялъ; а Моисей нерѣдко снималъ съ головы фараона вѣнецъ и надѣвалъ себѣ на голову.

Не по душѣ была эта забава волхвамъ, приближеннымъ фараона. Въ ночь рожденія Моисея египетскіе звѣздочеты наблюдали появленіе на небѣ новой звѣзды и предсказывали, что родившійся въ ту ночь младенецъ явится избавителемъ израильскаго народа. Теперь, видя Моисея забавляющимся такимъ образомъ фараоновымъ вѣнцомъ, волхвы обратились къ повелителю Египта, говоря:

— Государь! Предостерегаемъ тебя отъ опасности, угрожающей тебѣ въ лицѣ этого ребенка: теперь онъ забавы ради надѣваетъ на себя вѣнецъ твой. Однако, какъ-бы онъ не оказался тѣмъ именно, о которомъ мы пророчествовали, что онъ въ будущемъ отниметъ вмѣстѣ съ короною и царскую власть у тебя.

И начали уговаривать фараона убить Моисея.

Бывшій среди нихъ мадіамскій жрецъ Іоѳоръ сказалъ:

— По моему мнѣнію, ребенокъ этотъ еще не сознаетъ того, что дѣлаетъ. Мы можемъ это испытать: пусть поставятъ передъ нимъ блюдо съ золотомъ и раскаленными угольями. Если ребенокъ потянется къ золоту, то это докажетъ, что онъ способенъ дѣйствовать сознательно, и въ такомъ случаѣ казните его; если-же онъ протянетъ руку къ угольямъ, тогда за что-же убивать его?

Когда блюдо было принесено, Моисей протянулъ руку къ золоту, но архангелъ Гавріилъ оттолкнулъ руку Моисея — и онъ, схвативъ уголекъ, сунулъ его себѣ въ ротъ и обжегъ языкъ. Съ тѣхъ поръ Моисей и сдѣлался косноязычнымъ. *Шем.-Р., 1.*

МОИСЕЙ НА РАБОТѢ ЕГИПЕТСКОЙ

«Спустя много времени, когда Моисей выросъ, онъ вышелъ однажды къ братьямъ своимъ и увидѣлъ тяжкія работы ихъ».

Видѣлъ Моисей эти изнурительныя работы и говорилъ:

— Горе мнѣ видѣть васъ, несчастные! Я готовъ душу мою положить за васъ!

Нѣтъ работы болѣе тяжкой, чѣмъ работа надъ глиной. И Мой-

сей, не разгибая спины, помогалъ каждому. Не дорожа высокимъ придворнымъ положеніемъ своимъ, онъ приходилъ облегчать работу братьямъ своимъ. И сказалъ Господь:

— За то, что ты, пренебрегая личными заботами, ходилъ соболѣзновать народу съ любовью братской, Я оставлю все и на небѣ, и на землѣ и буду говорить съ тобою.

*

По другому толкованію: Моисей, видя, что израильтянъ заставляютъ работать безъ всякаго роздыха, обратился къ фараону и сказалъ:

— Государь! Каждому рабовладѣльцу извѣстно, что, если не дать рабу одинъ день отдыха въ недѣлю, рабъ не выдержитъ и умретъ. И этимъ рабамъ твоимъ не выдержать долго, если ты не установишь для нихъ отдыха по одному дню въ недѣлю.

— Иди, — отвѣтилъ фараонъ, и сдѣлай такъ, какъ ты говоришь.

Пошелъ Моисей и установилъ для израильтянъ празднованіе субботняго дня.

*

«И онъ убилъ Египтянина и скрылъ его въ пескѣ. И вышелъ онъ на другой день, и вотъ, два еврея ссорятся; и сказалъ онъ обидчику: «зачѣмъ ты бьешь ближняго твоего»? А тотъ сказалъ: «кто поставилъ тебя начальникомъ и судьею надъ нами? Не думаешь-ли убить меня, какъ убилъ египтянина»? Моисей испугался и сказалъ: «сомнѣнія нѣтъ, — дѣло это раскрыто!»

Размышляя надъ судьбою родного народа, Моисей спрашивалъ себя: «Чѣмъ такъ согрѣшилъ этотъ народъ, что отданъ въ рабство египтянамъ?» Услыша-же слова того израильтянина, Моисей сказалъ: «сомнѣнія больше нѣтъ, *дѣло это раскрыто* — я теперь знаю, за что постигла израильтянъ тяжелая судьба ихъ: *соглядатайство* развито среди нихъ, — и достойны-ли они быть избавленными отъ рабской доли своей?»...

Шем.-Р., 1.

*

Восемнадцать лѣтъ было Моисею, когда онъ бѣжалъ отъ мести фараона въ землю Еѳіопскую, и сорокъ семь лѣтъ прожилъ онъ въ землѣ этой. Изъ Еѳіопіи Моисей отправился въ Мадіамъ, къ Іоѳору.

Сеф. Гаіаш.

МОИСЕЙ У ІОѲОРА

Іофоръ былъ язычникомъ и служилъ жрецомъ при капищѣ. Незадолго до прихода Моисея, сознавъ ничтожество идоловъ, онъ порѣшилъ сложить съ себя жреческій санъ, удалиться отъ капища и обратиться къ служенію Истинному Богу. Созвалъ онъ жителей того города и, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Я долгіе годы служилъ у васъ жрецомъ. Но я состарился, и вотъ, я прошу васъ, изберите себѣ другого жреца вмѣсто меня.

Съ этими словами онъ вынесъ и передалъ имъ всѣ жреческія принадлежности, бывшія при немъ.

Отказъ отъ жреческаго сана былъ неслыханнымъ дѣломъ въ тѣ времена, и возмущенные поступкомъ Іоѳора сограждане объявили его отступникомъ и предали строжайшему отлученію: никто не долженъ быть исполнять для него никакой работы и вообще приходить съ нимъ въ малѣйшее общеніе. Въ числѣ другихъ ушли отъ него и пастухи, пасшіе его овецъ. Дочерямъ его, которыхъ было семеро, пришлось самимъ ходить за стадами. Но пастухи отгоняли ихъ отъ колодца и не давали наполнять корыта, чтобы напоить овецъ.

При одномъ изъ такихъ случаевъ появился Моисей, заступился за нихъ, начерпалъ воды и напоилъ овецъ ихъ.

На вопросъ Іоѳора (онъ-же Рагуилъ): «Что вы такъ скоро пришли сегодня съ пастбища?» — дочери его отвѣтили:

— Какой-то *египтянинъ* защитилъ насъ отъ пастуховъ и помогъ намъ напоить овецъ нашихъ.

Моисей былъ тогда въ египетской одеждѣ, и дочери Іоѳора приняли его за египтянина.

Иными толкователями слова: «*Какой-то египтянинъ*» пояснялись такой притчей:

— «Одного человѣка ужалила змѣя. Побѣжалъ онъ къ рѣкѣ и бросился въ воду, а въ томъ мѣстѣ увидѣлъ тонущаго ребенка и спасъ его отъ смерти. Ребенокъ началъ благодарить своего спасителя, но тотъ сказалъ: «Дитя, не я тебя спасъ, а спасла тебя змѣя. Ибо, не укуси она меня, я не побѣжалъ бы къ рѣкѣ и не помогъ-бы тебѣ выбраться изъ омута».

Такъ и Моисей — когда дочери Іоөора начали благодарить его — сказалъ:

— Благодарите не меня, а того египтянина, изъ за котораго я долженъ былъ бѣжать сюда. *Шем.-Р., 1; Танх.*

КРОВАВАЯ ВАННА

«И стонали сыны Израилевы отъ работы и вопіяли».

Но ужаснѣе работы было другое:

Фараонъ, и безъ того близкій къ смерти, заболѣлъ проказою, а волхвы посовѣтовали ему, какъ лучшее лѣченіе, ванны изъ теплой дѣтской крови, по двѣ ванны въ день. Для этой цѣли закалывали еврейскихъ дѣтей по два раза ежедневно — утромъ сто пятьдесятъ и сто пятьдесятъ вечеромъ. *Шем.-Р., 1.*

ПАСТЫРЬ БОЖЬЯГО СТАДА

«Моисей пасъ овецъ у Іоөора». Однажды убѣжалъ изъ стада козленокъ. Моисей побѣжалъ за нимъ и догналъ его въ ущельи, у источника, изъ котораго козленокъ съ жадностью пилъ.

— Бѣдняжка, — сказалъ Моисей, — тебя мучила жажда, а я объ этомъ и не подумалъ. А какъ ты усталъ теперь!

Давъ козленку напиться, онъ положилъ его себѣ на плечо и понесъ къ стаду.

Въ это время раздался Голосъ:

— Тотъ, въ комъ столько любви и состраданія къ стаду овечьему, достоинъ стать пастыремъ стада Божьяго. *Шем.-Р., 2.*

НЕСГОРАЕМЫЙ КУСТЪ

Однажды, когда Моисей провелъ стадо далеко въ пустыню и пришелъ къ горѣ Божіей, Хориву, онъ увидѣлъ: горитъ кустъ терновый, горитъ и не сгораетъ. И услышалъ Моисей голосъ Господа, звучащій изъ пламени:

— Если сердце твое этого не говоритъ тебѣ, то пусть скажетъ этотъ кустъ колючаго терновника:

«Я, Господь, скорблю скорбью народа и соболѣзную горькой

участи его. И какъ не въ силахъ пламя испепелить этотъ кустъ, такъ Египту не сокрушить Израиля».

*

На вопросъ одного язычника: для чего Богъ явился Моисею изъ куста терновника, р. Іегошуа бенъ Карха сказалъ:

— Для того, чтобъ люди знали, что нѣтъ того мѣста, на которомъ не почилъ-бы духъ Господень, не исключая и терновника.

*

И ради того еще Господь явился Моисею въ кустѣ горящемъ и несгораемомъ, что Моисей носилъ въ душѣ страхъ за судьбу народа, которому — думалъ онъ — предстоитъ неизбѣжная гибель въ рабствѣ египетскомъ. Господь, показавъ ему огонь пламенѣющій и кустъ несгораемый, сказалъ:

— Подобно тому, какъ пламя это не въ силахъ испепелить кустъ, такъ не въ силахъ египтяне истребить народъ израильскій.

тамъ-же.

ПОСОХЪ МОИСЕЯ

Посохъ этотъ, предуготованный въ сумерки шестого дня творенія, былъ данъ Господомъ Адаму въ раю, отъ Адама перешелъ къ Еноху, отъ Еноха къ Симу, потомъ переходилъ по наслѣдству къ Аврааму, къ Исааку, къ Іакову и, наконецъ, къ Іосифу. Послѣ смерти Іосифа посохъ былъ взятъ фараономъ къ себѣ. Іоѳоръ, бывшій однимъ изъ волхвовъ египетскихъ, смутно чувствуя чудесную силу этого посоха, выпросилъ его у фараона и посадилъ среди деревьевъ въ своемъ саду. Однако, невидимая рука не давала ему подойти близко къ посоху. Когда явился Моисей, увидѣлъ посохъ и прочиталъ начертанныя на немъ письмена, онъ протянулъ руку и безпрепятственно взялъ его себѣ. Видя это, Іоѳоръ понялъ, что Моисею суждено освободить народъ Израильскій, и далъ ему въ жены дочь свою Сепфору. *П. д. Ел.*

СТАРѢЙШИНЫ

Къ фараону пришли Моисей съ Аарономъ.

Куда-же дѣвались старѣйшины Израильскіе, которыхъ Моисею велѣно было Богомъ взять съ собою къ фараону?

Старѣйшины эти вначалѣ отправились вмѣстѣ съ Моисеемъ, но по дорогѣ стали отставать одинъ за другимъ, пока не осталось никого изъ нихъ, а предъ фараономъ предстали только двое — Моисей и Ааронъ. Вспомнилъ объ этомъ Господь въ тотъ часъ, когда Моисей былъ призванъ взойти на Синай. И старѣйшинамъ сказано было:

— Оставайтесь внизу, у подножія горы: тотъ кто въ страхѣ отступилъ передъ фараономъ, не достоинъ всходить на эту святую гору.

Шем.-Р., 5.

МОИСЕЙ И ААРОНЪ У ФАРАОНА

Преданіе отъ р. Хіи баръ Аба:

Въ Тотъ день, когда Моисей и Ааронъ явились къ фараону, у повелителя Египта былъ назначенъ пріемъ властителей разныхъ странъ. Цари восточныхъ и западныхъ странъ покорно возлагали на голову фараона свои короны. Въ это время фараону доложили о приходѣ какихъ-то двухъ старцевъ.

Во дворцѣ было четыреста входовъ; у каждаго входа содержались на стражѣ хищные звѣри — львы, медвѣди и др., которые не давали переступить порога, прежде чѣмъ одинъ изъ волхвовъ не произнесетъ заклинанія. При приближеніи-же Моисея и Аарона, всѣ эти звѣри, увидя въ рукѣ Моисея посохъ съ начертаннымъ на немъ Шемъ-Гамфорашъ, покинули сторожевыя мѣста свои и послѣдовали за обоими старцами, ласкаясь и лижа имъ ноги, пока тѣ не достигли пріемнаго зала. При появленіи Моисея и Аарона всѣ были ослѣплены неземнымъ видомъ ихъ: могучіе какъ кедры ливанскіе, стояли эти два человѣка; яркимъ звѣздамъ подобны были очи ихъ; какъ гроздья финиковой пальмы широко на груди раскинулись бороды; солнечнымъ блескомъ лучились ихъ лица, а посохъ Моисея казался выточеннымъ изъ сапфира.

Гордо и пламенно зазвучали ихъ голоса. Трепетъ благоговѣнія и восторга охватилъ всѣхъ. Цари съ глубокими поклонами положили къ ногамъ ихъ свои короны. Первымъ пришелъ въ себя Фараонъ и началъ пытливо вглядываться въ ихъ лица. Кто эти люди, — спрашивалъ онъ себя: если они цари, то почему не увѣнчиваютъ меня, подобно другимъ, своими коронами? Если они пос-

лы, то почему не подаютъ своихъ вѣрительныхъ посланій? Но эти люди даже не привѣтствуютъ меня въ установленномъ порядкѣ.

— Кто вы? — спросилъ фараонъ.

— Мы послы Господа нашего, благословенно имя Его.

— Зачѣмъ вы явились ко мнѣ?

— Мы пришли возвѣстить тебѣ: «Освободи народъ Мой», — такъ говоритъ Богъ Израилевъ.

— Кто онъ такой, — гнѣвно воскликнулъ фараонъ, — кто онъ этотъ Богъ, который не нашелъ нужнымъ даже корону прислать мнѣ, и почему я обязанъ исполнять повелѣнія Его? Не знаю я этого Бога, и народа вашего я не отпущу на волю. Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — погодите.

— Принести сюда, — приказалъ онъ, — «списокъ боговъ».

И, взявъ этотъ списокъ, началъ читать:

«Богъ Моавитянъ. Богъ Аммонитянъ. Богъ Сидона» и т. д.

— Вотъ видите, а вашего Бога тутъ нѣтъ.

По этому поводу раби Леви говорилъ:

— Припоминаю притчу про священника и его слугу. Отправился священникъ въ далекій путь, а слуга его, человѣкъ невѣжественный и глупый, пришелъ искать его на кладбищѣ. Ходитъ по кладбищу и кричитъ: «Не видали-ли моего господина?» — «А кто господинъ твой?» — спрашиваютъ его. — «Священникъ такой-то». — «Ну, и глупъ-же ты! — смѣются люди, — священника ты ищешь на кладбищѣ?!» Этими-же словами могли-бы отвѣтить фараону и Моисей съ Аарономъ: «Глупецъ! Мѣсто-ли живому среди мертвыхъ? Боги, имена которыхъ ты сейчасъ называлъ — истуканы бездушные, а нашъ Богъ — Богъ живой, и вѣчно царство Его».

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, — продолжалъ фараонъ, — что онъ, вашъ Богъ, юноша или старикъ? Сколько лѣтъ ему отъ роду? Много-ли царствъ онъ завоевалъ, много-ли городовъ покорилъ?

— Силою и могуществомъ Господа нашего полна вселенная, — отвѣчали Моисей и Ааронъ, — Онъ былъ до сотворенія міра, есть и будетъ вѣчно. Онъ-же и тебя сотворилъ и далъ тебѣ жизнь.

— А какіе онъ подвиги совершилъ?

— Подвиги! — Онъ небеса распростеръ и основалъ землю, огонь

пламенѣющій высѣкаетъ голосъ Его, горы разсѣливаетъ, скалы дробитъ. Лукъ его — огонь, пламя — стрѣлы Его. Факеломъ пылаетъ копье Его. Щитъ Его — облака; молнія — мечъ Его. Онъ создаетъ холмы и горы, небо тучами покрываетъ, ниспосылаетъ дожди и росы и злаки раститъ; творитъ жизнь въ чревѣ материнскомъ; низвергаетъ царей и вѣнчаетъ царей...

— Ложь все это, — сказалъ фараонъ: владыка міра — я. Я сотворилъ самъ себя, и Нилъ созданъ мною. Не знаю я Бога вашего и слушаться его не желаю!

Шем.-Р., 5; Танх.; Іалк.; Сеф. Гаіаш.

НА РАБОТѢ ЕГИПЕТСКОЙ

— «Не давать имъ соломы!» приказалъ фараонъ. Приставники-же понуждали ихъ выполнять урочную работу каждый день, какъ и тогда, когда имъ давалась солома, и надзирателей изъ израильтянъ били. Покорно и терпѣливо принимали эти люди отъ египетскихъ приставниковъ побои и притѣсненія за родной народъ.

И вотъ, когда велѣно было избрать семьдесятъ человѣкъ въ старѣйшины и судьи надъ Израилемъ, Господь, на вопросъ Моисея: кого избрать, сказалъ:

— Тѣ надзиратели, которые, жертвуя собою, принимали утѣсненія и муки за народъ свой, вотъ кто достоинъ этого высокаго и славнаго призванія. *Танх.-Гак.*

*

Приходилось собирать соломинку къ соломинкѣ, а набравъ необходимый запасъ соломы, приниматься за глину. Глину вмѣстѣ съ соломой мѣсили ногами. Сквозь исколотую и растрескавшуюся кожу проступала кровь, и капли ее смѣшивались съ глиною. Работала, помогая мужу, одна беременная женщина; отъ непосильнаго труда и натуги произошелъ выкидышъ, и плодъ, въ общей суматохѣ, попалъ въ глиняную массу и былъ затоптанъ ногами. Сошелъ съ небесъ архангелъ Михаилъ и вознесъ погибшаго младенца къ престолу Всевышняго. Въ ту ночь и былъ произнесенъ приговоръ надъ Египтомъ. *П. д. Ел.*

*

Народъ роопталъ на Моисея и Аарона, говоря:

— Да видитъ и судитъ васъ Господь за то, что вы сдѣлали насъ ненавистными въ глазахъ фараона и рабовъ его, и дали имъ мечъ въ руки для гибели нашей!

И сложилась въ народѣ притча:

«Утащилъ волкъ овцу. Догналъ волка пастухъ и сталъ овцу отнимать. Между волкомъ и пастухомъ овца растерзанной и осталась». *Шем.-Р., 5.*

РОПОТЪ МОИСЕЯ

И обратился Моисей къ Господу и сказалъ:

— Господи! Для чего Ты подвергнулъ такому бѣдствію народъ сей, для чего послалъ меня? Съ того времени, какъ я пришелъ къ фараону и сталъ говорить *именемъ Твоимъ,* онъ началъ хуже обращаться съ этимъ народомъ; избавить-же — Ты не избавилъ народа Твоего.

Отвѣчалъ Господь:

— Скорблю о тѣхъ, которыхъ нѣтъ болѣе въ живыхъ. Много разъ Я открывался праотцамъ твоимъ, и ни отъ кого изъ нихъ Я не слышалъ малѣйшаго ропота. Я говорилъ Аврааму: «Встань, пройди по землѣ сей въ долготу и въ широту ея: ибо Я тебѣ далъ ее и потомству твоему навсегда». Когда-же Аврааму понадобилось мѣсто для погребенія Сарры, онъ долженъ былъ *купить* для этого пещеру за четыреста серебряныхъ сиклей. Но Авраамъ не возроопталъ на Меня за это. Я говорилъ Исааку: «Странствуй по сей землѣ, и Я буду съ Тобою и благословлю тебя». А когда люди его копали въ долинѣ Герарской и нашли тамъ родникъ питьевой воды, то пастухи герарскіе не давали пастухамъ Исаака поить овецъ изъ этого родника. Но Исаакъ не возроопталъ на Меня. Іакову говорилъ Я: «Землю на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему». А когда онъ пожелалъ разбить шатеръ для себя, онъ мѣсто для этого долженъ былъ купить. И Іаковъ не возроопталъ на Меня. И ни одинъ изъ нихъ не спрашивалъ объ имени Моемъ. А ты? Вначалѣ ты пожелалъ знать, какъ назвать Меня народу, говоря именемъ Моимъ, а нынѣ ты упрекаешь Меня, говоря: «Ты

не избавилъ народа Твоего». Такъ знай-же: ты увидишь пораженіе фараона, но не увидѣть тебѣ пораженія царей Ханаанскихъ.

Санг., 110.

ЕГИПЕТСКІЯ КАРЫ

Пораженіе Нила, воды котораго превращены были въ кровь, было совершено черезъ Аарона, а не черезъ Моисея. Ибо Господь сказалъ Моисею:

— На лонѣ этихъ водъ ты обрѣлъ спасеніе отъ угрожавшей тебѣ смерти, — и не подобаетъ, чтобы кара, имѣющая постигнуть эту рѣку, была совершена твоей рукою. *Шем.-Р., 9.*

*

Первою карою было превращеніе нильскихъ водъ въ кровь. Ибо сказалъ Господь: «Рѣка эта обожествляется египтянами, и Всевышній, желая покарать народъ, прежде всего поражаетъ кумиры, которымъ этотъ народъ служитъ».

И превратились въ кровь всѣ воды, какія были въ предѣлахъ египетской земли, и даже вода въ чашахъ для питья; и слюнныя железы у египтянъ стали выдѣлять кровь. И была кровь во всей землѣ египетской. *Танх. Гак.*

*

Кары, ниспосланныя на египтянъ слѣдовали одна за другою въ томъ порядкѣ, какъ производятся боевые пріемы на войнѣ.

Военачальникъ, обложивъ городъ, прежде всего старается лишить жителей воды. Если послѣ этого городъ не сдается, войска начинаютъ производить оружіемъ грохотъ и звонъ, сопровождаемые грозными боевыми кликами. Потомъ, въ дѣло вступаютъ лучники, обсыпая городъ градомъ стрѣлъ. За лучниками выступаютъ отряды варварски жестокихъ бойцовъ*. Если и этого оказывается недостаточнымъ, за дѣло принимается отрядъ истребителей; затѣмъ на городъ изливаютъ легко воспламеняющуюся жидкость**, послѣ чего идетъ метаніе изъ пращей, общій штурмъ всѣ-

---

* Въ подлинникѣ: «Barbarim» — варвары.

** Въ подлинникѣ: «Naft» — нефть.

ми боевыми силами. Взятыхъ въ плѣнъ заключаютъ въ темницы и, наконецъ, старшихъ и болѣе вліятельныхъ предаютъ казни.

То-же происходило и въ Египтѣ:

Вода была превращена въ кровь.
Жабы оглушали своимъ кваканьемъ.
Мошки впивались въ тѣло какъ стрѣлы.
Нашествіе хищныхъ звѣрей.
Моровая язва истребила скотъ.
За моровою язвою — воспаленіе съ нарывами.
Разразился градъ.
За градомъ — саранча.
Потомъ — тьма.
И наконецъ — пораженіе первенцевъ. *Танх.*

*

Послѣдняя изъ десяти каръ, пораженіе первенцевъ, постигла не только живыхъ первенцевъ египетскихъ, но отразилась и на давно умершихъ: въ эту ночь собаки разрыли ихъ могилы и кости растаскали по всему Египту. Бывшія-же въ домахъ египтянъ изображенія первенцевъ ихъ арабесками на стѣнахъ оказались разбитыми въ куски и рисунокъ ихъ стертымъ.

*

Изъ всѣхъ египтянъ ни одной изъ каръ не подверглась одна только Биѳія, дочь фараона, извлекшая младенца Моисея изъ Нила.

Сеф. Гаіаш.

ГРОБЪ ІОСИФА

Какъ нашелъ Моисей мѣсто погребенія Іосифа?

Отъ того поколѣнія въ живыхъ осталась Серахъ, дочь Асира. Пришелъ къ ней Моисей и спросилъ:

— Не извѣстно-ли тебѣ что-либо о томъ, гдѣ погребенъ Іосифъ?

Серахъ повѣдала Моисею слѣдующее:

— Египтяне сдѣлали для Іосифа металлическій гробъ и опустили его на дно Нила, дабы призвать благословеніе на воды этой

рѣки. И еще потому, что чародѣи египетскіе говорили Фараону: «Если ты желаешь, чтобъ израильтяне никогда не ушли отсюда, сдѣлай такъ, чтобъ они не могли отыскать гробъ Іосифа; ибо Іосифъ заклялъ сыновъ Израилевыхъ вынести кости его отсюда и взять ихъ съ собою въ Землю Обѣтованную. Такимъ образомъ. безъ его останковъ имъ невозможно будетъ уйти изъ Египта.

Пошелъ Моисей, сталъ на берегу Нила и громкимъ голосомъ воззвалъ:

— Іосифъ! Іосифъ! Настало время, когда Господь избавляетъ народъ свой отъ рабства, и наступилъ часъ для исполненія данной тебѣ народомъ клятвы. Воздай-же должное Господу: Ты задерживаешь Духа Святого, задерживаешь народъ, задерживаешь Покровы Облачные Славы Господней. Если ты самъ покажешься изъ воды — хорошо, если-же нѣтъ — мы свободны будемъ отъ клятвы нашей.

Тотчасъ на водѣ показались пузырьки — и легко, какъ тростникъ, всплылъ со дна гробъ Іосифа.

*

Все время странствованія Израиля въ пустынѣ гробъ Іосифа и Ковчегъ Завѣта находились рядомъ. Прохожіе, видя это, спрашивали о значеніи этихъ двухъ хранилищъ. Имъ отвѣчали: «Въ одномъ — останки человѣка, въ другомъ — Завѣтъ Господень».

— Но развѣ подобаетъ находиться мертвецу рядомъ со святыней Господней.

— Тотъ, кто покоится въ этомъ гробу исполнялъ все, что написано въ Завѣтѣ этомъ. *Сот., 13.*

ЧЕТЫРЕ ЗАСЛУГИ

За четыре заслуги передъ Господомъ евреи были освобождены изъ рабства египетскаго: за то, что не измѣняли своихъ именъ, сохранили родной языкъ, не разоблачали священныхъ тайнъ своихъ и не отмѣняли обрѣзанія. *Шох.-Т., 114.*

*

ТРОЙНОЕ НАКАЗАНІЕ

Своимъ упорствомъ фараонъ напоминаетъ притчу про наказаннаго слугу:

Нѣкто послалъ слугу на базаръ купить рыбу. Купленная рыба оказалась тухлой. За это хозяинъ предложилъ слугѣ на выборъ одно изъ трехъ наказаній: съѣсть рыбу, либо получить сто ударовъ, либо-же заплатить сто минъ*.

— Съѣмъ рыбу, — выбралъ слуга.

Принялся ѣсть, но не успѣлъ окончить, такъ какъ ему сдѣлалось дурно.

— Нѣтъ, — заявилъ онъ, — лучше ужъ получить сто ударовъ.

На шестидесятомъ ударѣ онъ почувствовалъ, что больше ему не выдержать.

— Остановитесь! — закричалъ онъ, — плачу сто минъ.

Оказалось — онъ и тухлой рыбы наѣлся, и битъ былъ, и денегъ лишился.

Такъ и фараонъ: и карамъ подвергся, и освободилъ евреевъ, и Египетъ былъ раззоренъ. *По Танх.-Гак.*

РАБСТВО И СВОБОДА

Притча раби Леви:

Нѣкто имѣлъ участокъ земли, покрытый кучами мусора, и рѣшилъ его продать. Купившій эту землю очистилъ ее отъ мусора и нашелъ на томъ мѣстѣ родникъ превосходной воды. Насадилъ онъ виноградъ и гранатовыя деревья, остальное мѣсто разбилъ на грядки подъ ароматическія растенія; посадки свои подвязалъ на тычинкахъ; построилъ тутъ-же башню и приставилъ къ мѣсту надежнаго сторожа. Прохожіе не могли налюбоваться. Случилось побывать тамъ прежнему владѣльцу. Видя, во что превратилась прежняя пустошь, онъ воскликнулъ: «Горе мнѣ! Такое мѣсто я продалъ! Такой благодати я лишился!»

Народъ израильскій, находясь въ Египтѣ, представлялъ собою пустошь, покрытую мусоромъ. Свобода превратила ихъ въ вертоградъ цвѣтущій — и слава ихъ прошла по всему міру, какъ живой укоръ прежнему ихъ поработителю, фараону. *Шем.-Р., 20.*

---

* Мина — монета въ 60 сиклей.

МЕЖЪ ДВУХЪ ОГНЕЙ

Голубь, спасаясь отъ ястреба, залетѣлъ въ разсѣлину скалы — и наткнулся на змѣю. Что дѣлать голубю? Началъ онъ бить крыльями и стонать изъ всѣхъ силъ, дабы услышалъ хозяинъ голубятника и поспѣшилъ выручить его изъ бѣды.

Голубю этому подобны были Израильтяне при бѣгствѣ ихъ отъ фараона: впереди — бездна морская, позади — египтяне. Что было дѣлать имъ? «И возопили сыны Израилевы къ Господу». И избавилъ ихъ Господь изъ рукъ египтянъ. *Ш.-Гаш. Р.*

СТОЛПЪ ОБЛАЧНЫЙ

«И вошелъ столпъ облачный въ середину между станомъ египетскимъ и станомъ сыновъ Израилевыхъ и былъ облакомъ и мракомъ».

Облакомъ для Израиля и мракомъ для египтянъ.

Метали египтяне въ израильтянъ стрѣлы и камни пращные — и облако, посланное Господомъ, принимало въ себя стрѣлы и камни, подобно тому, какъ дѣлаетъ орелъ, когда птенцамъ его угрожаетъ опасность. Не въ когтяхъ своихъ, какъ это дѣлаютъ прочія птицы, опасаясь хищниковъ, выше ихъ летающихъ, а на крыльяхъ несетъ онъ орлятъ своихъ. Опасность угрожаетъ орлу только со стороны человѣка. Пусть-же, — думаетъ орелъ, — стрѣла вонзится въ меня, но не въ птенцовъ моихъ. *Мех.*

СУДЪ БОЖІЙ

Въ то время, когда вознамѣрился Господь потопить египтянъ въ морѣ, всталъ Уза, духъ-покровитель Египта, и простерся передъ Господомъ, говоря:

— Господи! Милосердіемъ движимый, Ты міръ сотворилъ. Зачѣмъ-же Ты потопить желаешь дѣтей моихъ?

Тотчасъ созвалъ Господь весь сонмъ небесный и сказалъ:

— Будьте судьями между Мною и Узою, покровителемъ Египта.

Начали духи-покровители различныхъ народовъ говорить въ

защиту египтянъ. Видя это, мигнулъ архангелъ Михаилъ архангелу Гавріилу; тотъ однимъ взмахомъ крыльевъ порхнулъ въ Египетъ и, вырвавъ кирпичную плиту вмѣстѣ съ налипшей на ней глиной и известью, въ которыхъ затоптанъ былъ трупъ младенца, предсталъ предъ Господомъ, говоря:

— Праведный Судія! Вотъ какъ поступали съ порабощенными дѣтьми Твоими.

И провозгласилъ Господь судъ Свой надъ Египтомъ.

*

Вознамѣрились въ это время ангелы воспѣть хвалу передъ Господомъ. Но Всевышній остановилъ ихъ, говоря:

— Творенія рукъ Моихъ погибаютъ, а вы хвалу поете предо Мною! *Мид. Авк.; Мег., 10.*

*

Изъ проповѣди раби Іосіи Галилейскаго.

— Послѣ перехода черезъ Чермное море началъ пѣть народъ хвалу Господу. И что это было за дивное пѣснопѣніе! Ребенокъ на колѣняхъ у матери, вытянувъ шею свою, и младенецъ, оторвавъ уста отъ материнской груди, созерцали Славу Господню и пѣли:

— «Вотъ Господь мой, и я превознесу Его!» *Сот., 30.*

*

Колесницы, на которыхъ выѣхалъ фараонъ въ погоню за израильтянами, доспѣхи всадниковъ и сбруя на лошадяхъ были украшены дорогой отдѣлкой и убраны жемчугомъ и алмазами. Во время отлива израильтяне толпами приходили на берегъ и собирали все это, не желая оторваться отъ богатой добычи. И много усилій стоило Моисею заставить народъ двинуться дальше отъ береговъ Чермнаго моря. *Танх.-Гак.*

*

«Обрадовался Египетъ исходу ихъ».

Притча р. Березіи:

— Тучный человѣкъ ѣхалъ верхомъ на ослѣ. — «Охъ, — подумывалъ оселъ, — скоро-ли слѣзетъ онъ съ меня?» А всадникъ

въ свою очередь кряхтѣлъ: «Кончится-ли, наконецъ, эта ѣзда моя?» Когда пріѣхали на мѣсто, оба вздохнули свободно. Неизвѣстно только, кто обрадовался больше — оселъ или всадникъ. Надо полагать, все-таки, что оселъ. Положенію осла и всадника его, подобны были египтяне и израильтяне въ послѣдніе дни передъ Исходомъ: кара за карой сыпались на Египетъ, и кряхтѣлъ онъ и говорилъ: «Когда-же, наконецъ, освобожусь я отъ осѣдлавшаго меня Израиля?» Израильтяне, въ свою очередь, нетерпѣливо ждали исхода своего изъ Египта. Исходъ совершился — и оба они обрадовались ему. А кто обрадовался больше, — на это даетъ прямой отвѣтъ Псалмопѣвецъ: *«Египетъ обрадовался исходу ихъ»*.

Шох.-Т., 25.

ВЪ ПУСТЫНѢ

МАННА

Въ Писаніи манна уподобляется хлѣбу, елею, меду.

Раби Іосія бераби* Ханина пояснялъ:

— Манна была: для отрока — хлѣбомъ, для старца — елеемъ, для младенца — медомъ, и каждымъ усвоивалась сообразно потребностямъ его возраста. *Іома, 75.*

*

Обогрѣтая солнцемъ, манна таяла и уходила потоками въ море. Приходили серны, олени, лани и другія животныя и пили изъ этихъ потоковъ. Ловившіе эту дичь иноплеменники ощущали въ мясѣ ея вкусъ манны и говорили:

— «Блаженъ народъ, которому ниспослано это!»

Мех.; Танх.

*

Раби Іосія училъ:

— Подобно тому, какъ пророкъ открывалъ людямъ все сокровенное отъ человѣческихъ взоровъ, манна разоблачала передъ народомъ всякую попытку скрыть истину. Такъ, напримѣръ: двое приходятъ къ Моисею судиться; одинъ говоритъ: «этотъ человѣкъ присвоилъ себѣ моего раба», а другой возражаетъ: «я раба у него купилъ». — «Завтра утромъ** я разсужу васъ», — отвѣчаетъ Мои-

---

* Сынъ раби.

** Манну собирали рано по утру, «каждый по стольку, сколько ему съѣсть: по омеру (мѣра) на человѣка, по числу душъ, сколько у каждаго въ шатрѣ». Собираемое мѣряли омеромъ, и сколько-бы ни было собрано для даннаго шатра, число омеровъ оказывалось каждый разъ соотвѣтствующимъ числу душъ этого шатра.

сей. На завтра и было видно: если омеръ на долю раба оказывался у перваго изъ тяжущихся, это свидѣтельствовало, что вторымъ изъ нихъ рабъ былъ воровски присвоенъ, а если лишній омеръ находили у второго, то этимъ устанавливалось, что рабъ былъ имъ купленъ. *Іома, 75.*

АМАЛИКЪ

«Есть-ли Господь среди насъ или нѣтъ?» — говорили, искушая Господа, израильтяне въ Массѣ-и-Меривѣ. —«И пришелъ Амаликъ»...

Израильтяне подобны были тому ребенку, о которомъ притча гласитъ:

«Посадилъ отецъ своего сына себѣ на плечи и пошелъ ходить по базару. Замѣтитъ ребенокъ ту или другую вещь и говоритъ: «Купи мнѣ это, отецъ!» Тотъ и покупаетъ. Разъ, другой, третій, — увидѣлъ ребенокъ товарища своего и вдругъ спрашиваетъ: «А не знаешь-ли ты, гдѣ мой отецъ?» — «Глупецъ! — отозвался отецъ, — сидишь у меня на плечахъ, я покупаю для тебя все, чего ты ни пожелаешь, и ты-же у перваго встрѣчнаго спрашиваешь: «не видалъ-ли моего отца?» — Взялъ и сбросилъ сына съ плечъ своихъ; подбѣжала собака и укусила ребенка».

Такъ и народъ Израильскій: по выходѣ изъ Египта, Облака Величія окружили его; сталъ хлѣба просить, — Господь манной дождить началъ; мяса требовать сталъ — Господь перепеловъ послалъ ему; всѣ потребности его удовлетворялись. И этотъ народъ началъ роптать, говоря: «Есть-ли Господь среди насъ, или нѣтъ?» И вотъ сказалъ Господь:

— «Клянусь, вы это узнаете: вотъ, придетъ собака и искусаетъ васъ!»

Этой собакою былъ Амаликъ.

*

Раби Леви, со словъ раби Симеона бенъ Халафты, говорилъ:

—Подобно мухѣ, которая норовитъ усѣсться на гнойникъ, Амаликъ чутко слѣдилъ за Израилемъ.

*

«Помни какъ поступилъ съ тобою Амаликъ на пути когда вы вышли изъ Египта».

Имя Амаликъ служило для Израиля предостереженіемъ, какъ плетка для наказаннаго ребенка.

Притча раби Леви:

Былъ у одного человѣка виноградникъ. Окружилъ онъ его изгородью и посадилъ на цѣпь злѣйшаго пса. Пришелъ сынъ хозяина и сломалъ изгородь: собака его и искусала.

— Помнишь, сынъ мой, какъ ты искусанъ былъ? — говорилъ потомъ хозяинъ виноградника каждый разъ, когда онъ желалъ напомнить сыну о сломанной имъ изгороди.

Именемъ Амаликъ Господь напоминалъ Израилю грѣхи его въ пустынѣ. *Танх.-Гак.*

*

«Когда Моисей поднималъ руки свои, одолѣвалъ Израиль (въ битвѣ съ амаликитянами)».

Но развѣ Моисей собственноручно участвовалъ въ бою и могъ личными дѣйствіями способствовать побѣдѣ израильтянъ? Приведенный стихъ служитъ указаніемъ, что до тѣхъ поръ, пока израильтяне устремляли взоры свои къ небеснымъ высотамъ и сердцами своими покорялись Отцу Небесному, они побѣждали, а когда переставали дѣлать это — терпѣли пораженія. *Р.-Гаш., 29.*

ДАРОВАНІЕ ЗАВѢТА

Притча раби Исаака:

Заболѣлъ у царя сынъ. И едва сталъ оправляться отъ болѣзни, пришелъ его наставникъ и говоритъ:

— Пора царевичу отправиться въ школу.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ царь, — дадимъ ему сперва окончательно оправиться, укрѣпить свои силы, а затѣмъ — приняться за ученіе.

Такъ и Господь сдѣлалъ.

— Народу, — сказалъ онъ, — измученному рабствомъ, надо дать сперва укрѣпить силы свои, окрѣпнуть духомъ и тѣломъ на свободѣ, а затѣмъ дать ему Законъ. *Эха.-Р.*

*

Притча раби Іегуды бераби Симонъ:

Нѣкто, имѣя садъ, насаженный аллеями смоковницъ, яблоней и гранатовыхъ деревьевъ, сдалъ его арендатору. Придя туда черезъ нѣкоторое время, онъ нашелъ садъ совершенно запущеннымъ, заросшимъ терновникомъ. Позвалъ онъ людей, чтобъ вырубить терновникъ; но въ это время среди колючихъ зарослей замѣтилъ пышно-цвѣтущую розу, издававшую упоительное благоуханіе. И онъ сказалъ: «ради одной этой розы я готовъ оставить все въ этомъ саду нетронутымъ».

На двадцать шестомъ поколѣніи послѣ міротворенія, воззрѣлъ Творецъ на міръ и нашелъ его наводненнымъ грѣхомъ и порокомъ; то-же было и въ эпоху Потопа, и въ эпоху «Разсѣянія». Заросшему терновникомъ саду подобенъ былъ міръ. Но въ этомъ мірѣ, какъ роза въ заглохшемъ саду, расцвѣлъ Израиль въ тотъ часъ, когда ему данъ былъ Завѣтъ на Синаѣ. И когда зазвучалъ народный голосъ: «Будемъ исполнять и слушать», Господь сказалъ:

— Розы ради пощажу Я вертоградъ. Ради Торы и Израиля сохраню міру бытіе его. *Ваик.-Р., 23.*

✶

«Господь пришелъ отъ Синая, открылся имъ отъ Сеира, возсіялъ отъ горы Фарана и шелъ со тьмами святыхъ; одесную Его огнь Закона».

Когда у Предвѣчнаго возникла мысль даровать людямъ Завѣтъ Свой, Онъ предложилъ Тору сначала потомкамъ Исава.

— А что написано тамъ? — спросили потомки Исава.

— Не убивай.

— Вся жизнь людей рода нашего основана на убійствѣ, по пророчеству предка нашего: «Ты будешь жить мечемъ твоимъ». Мы не можемъ принять Твою Тору.

Предлагалъ Господь Тору потомкамъ Измаила.

— А о чемъ заповѣдано въ ней, — спросили потомки Измаила.

— Не кради.

— Только кражею и грабежемъ мы и существуемъ, какъ сказано о насъ: «Дикій оселъ — между людьми; руки его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него». Нѣтъ, мы не можемъ принять Завѣтъ Твой.

Обратился Господь къ Израилю.

— «Будемъ исполнять и слушать!» — былъ отвѣтъ.

Песик.-Р., 21.

✶

Равъ Симай училъ:

— Когда народъ Израильскій сказалъ: «Будемъ исполнять и слушать» — прежде всего исполнять, а слушать* потомъ, — явилось шестьсотъ тысячъ Ангеловъ Служенія и каждаго израильтянина двумя вѣнцами увѣнчали: однимъ — за «будемъ слушать» и другимъ — за «будемъ исполнять». А когда народъ Израильскій впалъ въ грѣхъ, сошло дважды шестьсотъ тысячъ ангеловъ-истребителей и сняли вѣнцы съ нихъ. О томъ и гласитъ стихъ Писанія: «Сняли съ себя сыны Израилевы украшенія, воспринятыя ими у горы Хорива». *Шаб., 8.*

*

Раби Іохананъ училъ:

— Въ тотъ часъ, когда раздалось Слово Божіе съ вершинъ Синая, все въ мірѣ притаилось: птенчикъ не чирикнетъ, птица не порхнетъ, волъ не замычитъ, море не шевельнется; остановились колеса Небесной Колесницы; замерло «святъ!» на устахъ серафимовыхъ. Вся вселенная недвижно и безмолвно слушала гласъ нагорный: «Я — Господь, Богъ твой!» *Шем.-Р., 29.*

*

— «Я — Господь Богъ твой».

Богатыремъ-воиномъ являлся Господь на Чермномъ морѣ, начертателемъ Завѣта и учителемъ Истины — на Синаѣ, юношей въ дни Соломона, а въ дни Даніила — старцемъ, исполненнымъ благоволенія и милости. И Господь сказалъ: «Даромъ что вы видѣли Меня въ разныхъ образахъ, — но и на Чермномъ морѣ, и на вершинахъ Синая, и всюду, и всегда, Я былъ и есмь «Господь — Богъ вашъ». *Танх.-Гак.*

*

Слова раби Іегошуи бенъ Леви:

— Отъ каждаго слова, исходившаго изъ устъ Господнихъ, міръ наполнялся благоуханіемъ. Слово слѣдовало за словомъ, и волны благоуханія смѣняли одна другую. *Шаб., 8.*

*

Раби Іосія баръ Ханина говорилъ:

— Подобно тому, какъ манна казалась вкусомъ своимъ отроку — хлѣбомъ, старцу — медомъ, младенцу — молокомъ, больному —

* Т. е. вникать, разсуждать.

легкимъ и сладкимъ печеніемъ, такъ и гласъ Всевышняго воспринимался старцами, отроками, дѣтьми и женщинами — каждымъ по свойствамъ своего возраста и природы своей. *Шем.-Р., 5.*

*

Изумителенъ и дивенъ былъ голосъ Господенъ. Не знали внимавшіе ему, въ которую сторону лицо свое обратить: съ Востока и съ Запада, отъ Полуденной и Полуночной стороны звучалъ голосъ этотъ; то раздастся отъ лазури небесной, то отъ лона земли зазвучитъ.

Слова Господни падали подобно ударамъ кузнеца по наковальнѣ, каменотеса по глыбѣ гранитной: отъ каждаго удара искры во всѣ стороны разлетаются, отъ каждаго удара градомъ осколки сыплются. Такъ и слово Божіе: одновременно на семь разныхъ ладовъ звучало оно и слышно было одновременно-же на всѣхъ семидесяти языкахъ и нарѣчіяхъ, дабы слушали и уразумѣли всѣ народы земли. *Танх.-Гак.*

*

Великій страхъ палъ на царей въ чертогахъ ихъ. И приходили они къ Валааму и спрашивали: «что значитъ этотъ великій шумъ? Не потопъ-ли идетъ на землю?»

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Валаамъ, — давно уже поклялся Господь не приводить болѣе потопа на землю.

— Можетъ быть, — продолжали они спрашивать, — Онъ говорилъ только о водяномъ потопѣ, а ниспошлетъ нынѣ потопъ огненный?

— Никакого потопа, поклялся Господь, болѣе не будетъ.

— Что-же означаетъ этотъ небывалый донынѣ шумъ, который мы слышимъ?

— Даръ безцѣнный, — отвѣчалъ Валаамъ, — заключенъ въ сокровищницахъ Господнихъ. Девятьсотъ семьдесятъ четыре вѣка до сотворенія міра хранилъ Господь даръ этотъ и нынѣ вознамѣрился Онъ передать его сынамъ своимъ.

— «Могучую силу даруетъ Господь народу Своему», — заключилъ рѣчь свою Валаамъ. *Зеб., 116.*

*

Когда Моисей взошелъ на небо, вопросили ангелы:

— Господи! Мѣсто-ли среди насъ женщиной рожденному?

— Тору воспріять явился онъ, — отвѣчалъ Господь.

— И сокровище, столько вѣковъ до сотворенія міра лелѣемое Тобою, Ты отдаешь смертному? Господи! Слава Твоя превыше небесъ; достоинъ-ли сынъ человѣческій, чтобы такою милостью Ты посѣтилъ его?

— Моисей! — сказалъ Господь, — отвѣчай ты имъ.

— Господи! — воззвалъ Моисей, — страшусь, не сожгли-бы они меня дыханіемъ своимъ.

— Прикоснись рукой къ Престолу Моему — и отвѣчай имъ.

И отвѣчалъ Моисей ангеламъ:

— Тора, которую Господь даруетъ мнѣ, гласитъ: «Я — Господь, Богъ твой, выведшій тебя изъ земли Египетской». А вы духи небесные, — нисходили-ли вы въ Египетъ? Находились-ли вы въ рабствѣ у фараона? Далѣе, сказано: «Да не будетъ у тебя иныхъ боговъ, кромѣ Меня». Живете-ли вы среди народовъ языческихъ? «Не произноси имени Господа всуе», — но развѣ вы занимаетесь суетными дѣлами людскими? «Помни день субботній». Но вы и въ будни не дѣлаете никакой работы, и отдыхъ нуженъ-ли вамъ? Отъ отца и матери не рожденные — какъ вы станете исполнять заповѣдь: «Чти отца своего и матерь свою?» — «Не убивай», «не кради», «не прелюбодѣйствуй», — но развѣ вы знаете чувство зависти? Развѣ испытываете соблазны плоти?...

Тотчасъ-же покорились ангелы волѣ Господней и исполнились пріязнью къ Моисею. *Шаб., 9.*

*

Равъ Симеонъ бенъ Лакишъ говорилъ:

— Данный Моисею Завѣтъ былъ начертанъ чернымъ огнемъ по бѣлому пламени, запечатанъ печатью огненной и въ покровъ огненный облаченъ. Стиль, которымъ производились письмена, Моисей вытеръ о свои волосы — и стало исходить сіяніе отъ лица его.

Іеруш. Шек.; Іалк.

*

Раби Іегошуа бенъ Леви училъ:

Когда Моисей сошелъ съ Синая предъ лицо Господа явился Сатана и спросилъ:

— Тора, Владыка, — гдѣ она?

— На землю послана Мною, — отвѣтилъ Господь.

Пошелъ Сатана къ Землѣ и спрашиваетъ:

Гдѣ Тора?

— «Господь установилъ путь ея» — отвѣчала Земля.

Пошелъ Сатана къ Морю.

— «Не у меня она» — отвѣчало Море.

Къ Безднѣ пошелъ сатана.

— «Не во мнѣ она» — отвѣчала Бездна.

Возвратился Сатана къ Господу и говоритъ:

— Владыка міра! Я по всей землѣ искалъ и не нашелъ ее.

— Иди къ бенъ-Амраму, — сказалъ Господь.

Предсталъ Сатана Моисею и спрашиваетъ:

— Тора, данная тебѣ Господомъ, гдѣ она?

Отвѣчалъ Моисей:

— Что значу я, чтобъ мнѣ Господь Тору далъ?

— «Моисей! — раздался голосъ Господа, — тебѣ-ли неправду говорить»?

— Господь! — сказалъ Моисей, — то сокровище, лелѣемое Тобою, которымъ изо дня въ день любовался Ты, смѣю-ли я принять какъ личное достояніе свое?

Отвѣчалъ Господь:

— За то, что ты самъ умалилъ достоинство свое, Тора да будетъ носить имя твое: «Помните *Законъ Моисея,* раба Моего!» *Шаб., 9.*

ЧИСЛО «ТРИ»

Одинъ галилеянинъ говорилъ равъ Хасдѣ:

— Благословенъ Господь, давшій тройственный Завѣтъ Свой тройственному народу, черезъ третьяго въ семьѣ своей, въ третій день третьяго мѣсяца*. *тамъ-же, 88.*

---

* Тройственный завѣтъ: Пятикнижіе, Пророки и Гагіографы.
Тройственный народъ: когены, левиты, израильтяне.
Третій въ семьѣ: Миріамъ, Ааронъ, Моисей.
Третій день Сивана — третьяго мѣсяца въ году.

НАДАВЪ И АВІГУ

«И Моисею сказалъ Онъ: взойди къ Господу ты и Ааронъ, Надавъ и Авігу».

Впереди шли Моисей и Ааронъ, а за ними слѣдовали Надавъ и Авігу. И говорилъ Надавъ Авігу:

— Поскорѣе-бы умерли эти два старика, и тогда мы съ тобою стали-бы управлять народомъ.

— «Не хвались завтрашнимъ днемъ, — раздался Голосъ, — увидимъ, кто кого хоронить будетъ»*.

Это — что на міру говорится: не мало было жеребятъ, кожа которыхъ пошла на чапраки для ихъ матокъ.

Ваик.-Р., 60; Санг., 52.

ПОКЛОНЕНІЕ ТЕЛЬЦУ

«И увидѣлъ народъ, что Моисей долго не сходитъ съ горы».

Прошло сорокъ дней, и урочный часъ, назначенный Моисеемъ, прошелъ, а онъ все не возвращался. Тогда явился Сатана, и желая вызвать смуту и замѣшательство, сталъ спрашивать:

— Учитель вашъ, Моисей — куда дѣвался онъ?

— Взошелъ на небо, — отвѣчалъ народъ.

— Время, когда онъ долженъ былъ возвратиться, уже прошло, — продолжалъ сатана.

Но его больше не слушали.

— Моисей умеръ.

И это не произвело ожидаемаго дѣйствія.

Тогда сатана явилъ передъ ними образъ Моисея въ гробу, повисшемъ въ пространствѣ между небомъ и землею. И въ народѣ стали указывать другъ другу на это видѣніе, говоря: «Вотъ что сдѣлалось съ этимъ человѣкомъ!»

Собралась тутъ и вся примѣсь иноплеменная, сорокъ тысячъ человѣкъ, вышедшая вмѣстѣ съ Израилемъ изъ Египта, и съ нею

---

* Надавъ и Авігу, сыновья Аарона, согрѣшившіе принесеніемъ неуказанной жертвы, были сожжены небеснымъ огнемъ и, по повелѣнію Моисея, были вынесены изъ святилища за станъ и тамъ преданы погребенію.

два волхва египетскихъ, Іонусъ и Іомбрусъ, которые прежде творили колдовство передъ фараономъ. Собрались они вокругъ Аарона и Хура, говоря:

— Нѣтъ, не возвратиться болѣе Моисею!

Возмущенный этимъ Хуръ поднялъ голосъ свой и закричалъ на нихъ:

— Жестоковыйные! Вы уже забыли все, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ для васъ?!

Набросился народъ на Хура и убилъ его.

Стали наступать съ угрозами на Аарона:

— Сдѣлаешь намъ Бога — хорошо; нѣтъ — мы поступимъ съ тобою, какъ поступили съ Хуромъ.

Напуганный этими угрозами, Ааронъ попытался было какъ-нибудь затянуть дѣло:

— Выньте, — сказалъ онъ, — золотыя серьги, которыя въ ушахъ вашихъ женъ.

Разсчитывалъ Ааронъ, что женщины, которымъ трудно разставаться со своими украшеніями, откажутъ мужьямъ въ этомъ. Женщины дѣйствительно отказывались отдать свои золотыя вещи:

— Сохрани насъ Богъ, — говорили онѣ, — забыть о тѣхъ чудесахъ и подвигахъ, которые совершены были для народа нашего, и начать поклоняться идоламъ!

Тогда всѣ мужчины вынули золотыя серьги изъ ушей своихъ и принесли къ Аарону.

Возвелъ Ааронъ очи къ небесамъ и воззвалъ къ Господу:

— Къ Тебѣ возвожу очи мои, Обитающій въ небесахъ! Тебѣ вѣдомо, что противъ воли моей я дѣлаю это.

И бросилъ золото въ огонь. А волхвы начали творить заклинанія.

По другому сказанію, въ дѣлѣ изготовленія тельца главное участіе принималъ израильтянинъ по имени Миха, который былъ спасенъ Моисеемъ отъ смерти, когда его придавило кирпичами на постройкѣ въ Египтѣ. Этотъ Миха взялъ дощечку съ надписью «Появись, телецъ!» и бросилъ ее въ горнило съ золотыми вещами. Съ ревомъ и прыжками появился изъ горнила телецъ, и народъ закричалъ: «Вотъ богъ твой, Израиль!»

Увидѣвъ это, Ааронъ воздвигъ жертвенникъ. Многіе выражали желаніе помочь ему въ этой работѣ, но Ааронъ отказывался отъ ихъ помощи, говоря:

— Дайте мнѣ одному сдѣлать это: для святости жертвенника требуется, чтобъ я единолично его построилъ.

Въ душѣ-же Ааронъ надѣялся, что, пока онъ займется постройкою жертвенника, успѣетъ возвратиться Моисей. Но жертвенникъ былъ готовъ, а Моисей не возвращался. Тогда Ааронъ заявилъ: «Завтра праздникъ Господу». Оттяну, — думалъ онъ, — дѣло хотя до завтра.

— «Забыли Господа! — воскликнули Ангелы-Служенія, — забыли Спасителя своего, великія чудеса совершившаго въ Египтѣ!»

— «Какъ скоро забыли они дѣла Его!» — возопилъ, вторя ангеламъ, Духъ Святой. *Танх.; Танх.-Гак.*

МОЛИТВА МОИСЕЯ

«И сказалъ Господь Моисею: «*Сойди* отсюда».

— Сойди, — говорилъ Господь, — съ той высоты, которой ты болѣе недостоинъ.

— Чѣмъ согрѣшилъ я, Господи? — спросилъ Моисей.

— Согрѣшилъ народъ твой.

— *Мой* народъ? *Твой* народъ они и Твой удѣлъ, который Ты избавилъ отъ рабства силою Твоею великою. Чѣмъ-же согрѣшили они?

— Славу свою на изображеніе тельца промѣняли.

— Владыка вселенной! — сказалъ Моисей, — телецъ этотъ можетъ пригодиться въ помощники Тебѣ.

— Въ чемъ-же онъ помогать Мнѣ станетъ?

— Ты, Господи, будешь вѣтры направлять, а онъ дожди низвергать; Ты — вѣдать солнечный свѣтъ, онъ — лунный; Ты — взращивать деревья, онъ — злаки.

— Моисей! — воскликнулъ Господь, — и ты совращенъ этимъ бездушнымъ идоломъ!?

— А если онъ, — сказалъ Моисей, — только идолъ бездушный, изображеніе тельца, который питается травою и предназначенъ для закланія, то зачѣмъ-же воспламеняется гнѣвъ Твой, Господи, на народъ Твой?

*

— «Сойди отсюда!» — сказалъ Господь.

— Сойди съ высоты славы своей. Я далъ тебѣ эту славу только ради народа Моего. Теперь, когда совратился народъ, для чего надобенъ *ты* Господу?

*

И взывалъ Моисей къ Господу:

— «Вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабовъ Твоихъ, которымъ клялся Ты Собою». Господи! Если-бы небомъ и землею поклялся Ты, я еще могъ-бы сказать: какъ небо и земля могутъ исчезнуть, такъ и клятва Твоя можетъ быть отмѣнена Тобою. Но Ты Именемъ великимъ Своимъ поклялся. Имя Твое живетъ и будетъ жить вѣчно, такъ и клятва Твоя останется неизмѣнной во вѣки вѣковъ.

И сказалъ Господь:

— «Прощаю по слову твоему».

И въ далекихъ вѣкахъ будутъ говорить народы земли:

— Блаженъ ученикъ, по слову котораго поступалъ Учитель его!

Бер.-Р., 32.

СКРИЖАЛИ

Когда Моисей началъ сходить съ горы, данныя ему скрижали сами неслись передъ нимъ въ воздухѣ. Когда же онъ приблизился къ стану и увидѣлъ тельца, исчезли письмена со скрижалей, и онѣ всей тяжестью своей легли на руки Моисея. И воспламенился Моисей гнѣвомъ, бросилъ изъ рукъ своихъ скрижали и разбилъ ихъ подъ горою. *Танх.*

СКИНІЯ ЗАВѢТА

«И сдѣлай брусья для скиніи изъ дерева ситтимъ».

Предъ уходомъ своимъ въ Египетъ провидѣлъ Іаковъ построеніе скиніи и сказалъ сынамъ своимъ:

— Дѣти мои! Потомкамъ вашимъ предопредѣлено выйти изъ земли Египетской, и повелитъ Господь построить святилище Ему. Насадите теперь-же кедровыя деревья, дабы къ тому времени требуемое дерево было готово.

Они такъ и сдѣлали. *Танх.*

СЕМИСВѢЧНИКЪ

«По образу, который показалъ Господь Моисею, онъ сдѣлалъ свѣтильникъ».

Непосильно трудною показалась эта работа Моисею. И Господь сказалъ:

— Я сдѣлаю это передъ тобою.

Вспыхнули огни четырехъ цвѣтовъ — бѣлаго, краснаго, чернаго и зеленаго — и подъ перстомъ Всевышняго образовался свѣтильникъ съ его шестью стеблями, чашечками, гранатовыми яблоками и цвѣтами. *Танх. Гак.*

*

«Когда ты будешь зажигать свѣтильники» — — —

— Владыка вселенной! — говорили израильтяне передъ Господомъ, — Ты свѣточъ міра, Ты источникъ свѣта, — и намъ велишь ты зажигать свѣтъ передъ Тобою?

Отвѣчалъ Господь:

— Мнѣ нѣтъ нужды въ вашемъ свѣтѣ, но Я желаю, чтобъ вы свѣтили мнѣ также, какъ Я свѣтилъ вамъ.

Притча гласитъ:

Шли однимъ путемъ зрячій со слѣпымъ. И сказалъ зрячій слѣпому:

— Когда мы войдемъ въ домъ, ты зажжешь свѣчу и посвѣтишь мнѣ.

— Помилуй, другъ! — возразилъ слѣпой, — когда мы были въ пути, ты былъ единственной поддержкой мнѣ; ты-же указывалъ мнѣ дорогу, пока мы не дошли до дома, а теперь ты мнѣ, слѣпому, говоришь, чтобъ я свѣтилъ тебѣ!

— Я для того говорю тебѣ это, — отвѣтилъ зрячій, — чтобъ дать тебѣ возможность хотя чѣмъ нибудь вознаградить меня за услуги, оказанныя тебѣ мною. *Бам.-Р., 15.*

*

Раби Абина говорилъ:

— Дискъ солнечный — одинъ изъ слугъ Господнихъ. Человѣческій глазъ не въ силахъ вдоволь насладиться свѣтомъ его. Молнія — одно изъ отраженій огня небеснаго, и блескъ ея сіяетъ во

всѣхъ концахъ міра; такъ Всевышнему-ли нуженъ свѣтъ отъ рукъ человѣческихъ?

— Ради умноженія заслугъ человѣческихъ, — отвѣчалъ равъ Аха, — Господь увеличилъ Тору и умножилъ завѣты ея.

Ваик.-Р., 31.

ЖАЛО ЗЛОСЛОВІЯ

«И смотрѣлъ (народъ) вслѣдъ Моисею, доколѣ онъ не входилъ въ Скинію».

Смотрѣли вслѣдъ Моисею люди, склонные къ клеветничеству, и пальцемъ на него показывали:

— Взгляни, — говорилъ одинъ, — что за затылокъ, что за плечи откормилъ онъ себѣ на народномъ хлѣбѣ!

— Бездѣльникъ онъ! — поддерживалъ другой, — человѣкъ, завѣдующій постройкой скиніи и распоряжающійся запасами серебра и золота въ столь несмѣтныхъ количествахъ, — удивительно-ли, что онъ скопилъ себѣ богатство?

Доходили пересуды эти до слуха Моисея, и онъ сказалъ себѣ: «Клянусь, что когда скинія будетъ готова, я тотчасъ-же дамъ имъ отчетъ во всемъ, что проходило черезъ руки мои.

— Что дѣлать, — продолжалъ онъ размышленія свои, — народу свойственна подозрительность. — И Моисей отдалъ отчетъ во всемъ, что было употреблено для скиніи — золота, серебра и мѣди, до послѣдняго сикля. *Танх.*

ВЪ ПУСТЫНѢ

Передвиженія израильтянъ по пустынѣ производились Моисеемъ согласно положенію сопровождавшаго ихъ Облака: когда оно начинало подниматься, Моисей возглашалъ: «Возстань, Господи, и разсыплются враги Твои!» Тогда народъ собирался въ дальнѣйшій путь. У кого имѣлось вьючное животное, тотъ нагружалъ на немъ вещи свои; имущество-же тѣхъ, у кого такихъ животныхъ не было, принималось Облакомъ, которымъ и переносилось до мѣста слѣдующей стоянки. Объ остановкѣ давалось знать трубными сигналами, и каждое колѣно ставило станъ свой въ установленномъ

порядкѣ: на первомъ планѣ, къ востоку, колѣно Іудино со своимъ знаменемъ и родоначальникомъ во главѣ, а за нимъ остальные, каждое колѣно со станомъ своимъ, «при знамени своемъ и при знакахъ семействъ своихъ».

Каждый родоначальникъ, патріархъ, имѣлъ особый, присвоенный ему стягъ, окраска котораго соотвѣтствовала цвѣту того изъ камней на Хошенѣ (наперсникѣ судномъ), на которомъ вырѣзано было его имя*:

Стягъ Рувима: на красномъ фонѣ изображены мандрагоры.

Симеона: по зеленому полю — рисунокъ, изображающій городъ Сихемъ.

Левія: одна треть стяга бѣлаго цвѣта, одна треть — чернаго и одна — краснаго. Изображеніе — Уримъ и Тумимъ.

Іуды: на лазоревомъ фонѣ изображеніе льва.

Иссахара: цвѣтъ темносиній; изображеніе — солнце и мѣсяцъ.

Завулона: по бѣлому полю — корабль.

Дана: окраска цвѣта сапфира; изображеніе — змѣя.

Гадда: окраска цвѣта прозрачнаго агата; рисунокъ представляетъ отрядъ воиновъ.

Нефтали: на дымчато-розовомъ фонѣ изображена газель.

Асира: фонъ цвѣта хризолита; изображеніе — масличное дерево.

Іосифа: фонъ темный, переходящій въ черный, и на немъ соединенное изображеніе двухъ стяговъ Ефрема и Манассіи, носившихъ изображенія: первый — вола, второй — буйвола.

Веніамина: фонъ двѣнадцати оттѣнковъ; изображеніе — волкъ.

Въ такомъ порядкѣ двигались они станъ за станомъ, и столпы облачные клубились надъ ними.

Первымъ останавливалось Облако надъ скиніей, находившейся въ рединѣ между станами. Собрать и установить скинію было почетнымъ правомъ колѣна Левіина. Становились станы каждый на свое мѣсто — и Облака Величія Господняго останавливались надъ каждымъ изъ нихъ. И тутъ сказывалась во всей полнотѣ сво-

---

* Соотвѣтствіе, судя по дальнѣйшему описанію, далеко не полное. Такъ, напримѣръ: камень съ именемъ Симеонъ названъ «питда» — *топазъ*, а стягъ этого патріарха былъ окрашенъ въ *зеленый* цвѣтъ; имя Іуда было вырѣзано на *карбункулѣ*, а стягъ его былъ *небеснаго* цвѣта и т. д.; объясняется это, надо полагать, различіемъ минералогическихъ номенклатуръ, тогдашней и новѣйшей.

ей святая мощь Моисея: Облако Шехины не сходило на скинію прежде чѣмъ Моисей не возгласитъ: «Возвратись, Господи, къ тьмамъ тысячъ Израилевымъ!»

Во всѣхъ передвиженіяхъ ковчегъ носили впереди; изъ среды шестовъ его вылетало по двѣ искры, которыми убивало встрѣчавшихся на пути змѣй, скорпіоновъ и другихъ опасныхъ животныхъ.

*

При каждой стоянкѣ появлялся колодезь со свѣжей и прекрасной водой*.

Появлялся колодецъ у входа во дворъ скиніи, возлѣ шатра Моисея. У колодца собирались родоначальники всѣхъ двѣнадцати колѣнъ и начинали пѣть славу Господу. Тогда вода поднималась изъ колодца и разливалась тутъ и тамъ по всей площади, протекая правильными каналами между однимъ станомъ и другимъ и широкой водяною полосою опоясывая все становище. Побережія покрывались густою и сочною растительностью съ плодами, ягодами, овощами и обильнымъ кормомъ для скота. Небо пустыни отражалось въ водѣ, и живая поверхность ея отливала небесной синевой, мерцаніемъ зари, солнечнымъ блескомъ и луннымъ сіяніемъ.

На огромномъ разстояніи наблюдалось это изумительное явленіе, и люди въ восторгѣ вопрошали:

«Кто это,
Блистающая, какъ заря,
Какъ луна прекрасная,
Какъ солнце свѣтлая,
Грозная, какъ полки со знаменами?»...

Бам.-Р., 20; Танх.; Іалк.

ОБЛИКЪ МОИСЕЯ

Весь міръ былъ потрясенъ и очарованъ чудомъ Исхода. Имя Моисея было у всѣхъ на устахъ. Дошла вѣсть о великомъ чудѣ и до мудраго царя Арабистана. Призвалъ царь лучшаго худож-

* Устье этого колодца — одна изъ десяти вещей, предуготованныхъ въ сумерки шестого дня творенія. См. стр. 5—6.

ника-живописца и повелѣлъ ему отправиться къ Моисею, написать и доставить обликъ его. Когда художникъ возвратился, царь собралъ всѣхъ мудрецовъ своихъ, искуссныхъ въ наукѣ физіогномики, и предложилъ имъ опредѣлить по облику характеръ Моисея, свойства, наклонности, привычки его, и въ чемъ таится чудесная сила его.

— Государь! — отвѣтили мудрецы, — обликъ этотъ принадлежитъ человѣку жестокому, высокомѣрному, жадному къ наживѣ, одержанному властолюбіемъ и всѣми пороками, какіе существуютъ на свѣтѣ.

Возмутили царя слова эти.

— Какъ! — воскликнулъ онъ, — возможно-ли, чтобы такимъ былъ человѣкъ, дивные подвиги котораго гремятъ по всему міру?

Пошелъ споръ между художникомъ и мудрецами. Художникъ утверждалъ, что обликъ Моисея написанъ имъ вполнѣ точно, а мудрецы настаивали, что натура Моисея опредѣлена ими по этому изображенію безошибочно.

Мудрый царь Арабистана рѣшилъ провѣрить, кто изъ спорящихъ правъ, и лично отправился въ станъ Израилевъ.

При первомъ-же взглядѣ царь убѣдился, что обликъ Моисея изображенъ художникомъ безукоризнено. Войдя въ шатеръ человѣка Божьяго, преклонилъ царь колѣна, поклонился до земли и разсказалъ о спорѣ между художникомъ и мудрецами.

— Сначала, прежде чѣмъ я увидѣлъ лицо твое, — сказалъ царь, — я подумалъ: должно быть, художникъ плохо написалъ обликъ твой, ибо мудрецы мои въ наукѣ физіогномики люди весьма опытные: нынѣ-же убѣждаюсь, что это люди совершенно ничтожные, и суетна и ничтожна мудрость ихъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Моисей, — это не такъ: и художникъ, и физіогномисты люди весьма искуссные; и тотъ, и другіе правы. Да будетъ вѣдомо тебѣ, что всѣ пороки, о которыхъ говорили мудрецы, дѣйствительно присвоены были мнѣ отъ природы, и быть можетъ — еще въ большей степени, нежели это опредѣлено ими по облику моему. Но долгими и напряженными усиліями воли боролся я съ пороками моими, пересиливалъ и подавлялъ ихъ въ себѣ, пока все противоположное имъ не стало второй натурой моей. И въ этомъ высшая гордость моя. *Мид. по Тиф. Иср., Кид.*

ПРОИСКИ КОРЕЯ

При освященіи левитовъ, которыхъ окропляли очистительной водою, сбривъ волосы со всего тѣла, посвященіе получилъ и Корей. И стала говорить Корею жена его:

— Полюбуйся, какъ поступилъ Моисей съ тобою: самъ царемъ сталъ, Аарона первосвященникомъ сдѣлалъ, сыновей его іереями. Теруму принесутъ — онъ говоритъ: «Отдайте все священнику», принесутъ десятину для левитовъ, онъ и отъ нея отбираетъ десятую часть для священника-же. Мало этого, онъ еще обрить васъ велитъ. Издѣвается онъ надъ вами. Волосы у людей — и то ему завидно!

— Но Моисей вѣдь и себя далъ обрить, — возражалъ Корей.

— Ну, разумѣется: всю власть и весь почетъ забралъ, надо-же хоть чѣмъ нибудь поступиться.

Ходилъ Корей среди народа, а его, обритаго, никто не узнавалъ.

— Ты-ли это? — удивлялись всѣ, — кто это тебя отдѣлалъ такъ?

— Кто, какъ не Моисей, — отвѣчалъ Корей, — и мало того, что оголили, еще за руки и за ноги брали, вверхъ поднимали и приговаривали: «Вотъ ты и очищенъ!» Брата своего, Аарона, точно невѣсту нарядилъ и въ скиніи собранія посадилъ.

Недоброжелатели Моисея и пошли на всѣ лады повторять, возбуждая народъ противъ него:

— Моисей — царь; братъ его Ааронъ — первосвященникъ, сыновья его — іереи. Терума — священнику, часть десятины — священнику, всякій даръ и всякое приношеніе — ему-же!...

А Корей, по природѣ своей склонный къ злоумышленнымъ шуткамъ и издѣвательству, сталъ такую побасенку разсказывать:

— Сосѣдка у меня, вдова съ двумя дѣвочками сиротками. Клочекъ поля — все имущество ея. Принялась она полоску свою пахать. Приходитъ Моисей: «Помни, говоритъ, женщина, пахать запрягши вола съ осломъ вмѣстѣ, — нельзя». Приступила она къ засѣву, — Моисей снова тутъ: «Поля своего, — говоритъ, — двумя родами сѣмянъ не засѣвай». Пришло время жатвы, — «край поля своего — предупреждаетъ онъ ее, — оставь недожатымъ и забытаго отъ жатвы снопа не подбирай». Приступила къ молотьбѣ, — «Давай, — говоритъ онъ, — теруму, давай первую десятину, давай вторую десятину». Что дѣлать, законъ! Покорилась бѣдняга, дала. Какъ дальше быть? Подумала она и рѣшила продать участокъ и

купить себѣ пару ягнятъ: будетъ, — думала она, — и шерсти на одежду, и отъ приплода польза. Когда овечки оягнились, пришелъ Ааронъ: «Подавай, говоритъ, ягнятокъ сюда, ибо — «каждаго первенца должно посвятить Господу». Воля Божія, ничего не подѣлаешь, — отдала ягнятокъ. Наступило время стрижки, — Ааронъ и тутъ не заставилъ себя ждать; «Шерсть первой стрижки принадлежитъ мнѣ. Такъ самъ Богъ повелѣлъ».

— Силъ моихъ нѣтъ больше, — рѣшила она, — зарѣжу я овецъ и хотя мяса поѣдятъ дѣти мои.

Едва успѣла сдѣлать это, Ааронъ тутъ какъ тутъ: «Плечо, челюсть и желудокъ принадлежатъ мнѣ!»

— Боже праведный! — воскликнула она, — и теперь даже, зарѣзавъ овечекъ своихъ, я не могу спастись отъ жадности этого человѣка. Лучше уже я все цѣликомъ посвящу Тебѣ, Господи!

— «А если такъ, — заявилъ Ааронъ, — то отдай мнѣ все: все, что Божье, то мое». Забралъ всю убоину до-чиста и ушелъ. Такъ безъ ничего и осталась несчастная вдова со своими сиротками.

— И все это, — прибавлялъ Корей, — дѣлается именемъ Божіимъ!...

*

Былъ въ числѣ единомышленниковъ Корея и Онъ, сынъ Пелеѳа, изъ колѣна Рувимова; но его спасла отъ гибели жена его.

— Какой тебѣ разсчетъ, — говорила она мужу, — вмѣшиваться въ пререканія Корея съ Моисеемъ? Тотъ-ли, этотъ-ли возьметъ верхъ, ты все равно останешься въ подчиненіи.

— Но что мнѣ дѣлать теперь? — отвѣчалъ Онъ, — я принималъ участіе въ заговорѣ и присягнулъ на вѣрность Корею.

— Сдѣлаемъ вотъ-что, — посовѣтовала жена, — оставайся дома, и я спасу тебя.

Напоила мужа виномъ и уложила спать, а сама вышла и сѣла у входа въ шатеръ, — повязку съ головы сорвала, волосы распустила и взъерошила. Кто ни приходилъ къ Ону, торопился уйти обратно*. А тѣмъ временемъ земля и поглотила Корея со всѣми его единомышленниками.

Такъ различно поступили въ дѣлѣ этомъ жена Она и жена Ко-

* Глядѣть на женщину простоволосую считается грѣхомъ.

рея. Про первую и сказано: «Мудрая жена устроитъ домъ свой», про вторую: «а глупая разрушитъ его своими руками».

Санг. 109; Шох.-Т.; Танх.

ВОДА ИЗЪ КАМНЯ

Злословіе и издѣвательство продолжали преслѣдовать Моисея. Когда стало извѣстно о томъ, что Моисей готовится источить воду изъ скалы, злонамѣренные люди начали вышучивать его, говоря:

— Что-же, вы развѣ не знаете, что онъ былъ когда-то пастухомъ у Лавана, а пастухи большіе мастера въ поискахъ за водою. Моисей сначала отыщетъ родникъ, — а потомъ приведетъ насъ туда и скажетъ: «Вотъ, глядите, я изъ камня воду вамъ источу». Хорошо, вотъ передъ нами камень; пусть онъ изъ *этого* камня добьетъ намъ воды, изъ другого не желаемъ! — И они толпами начали останавливаться у каждаго камня.

Увидалъ это Моисей и, хотя Господь и повелѣлъ ему: «изъ любого камня, какъ они того пожелаютъ, ты источи имъ воду», онъ однако, будучи внѣ себя отъ гнѣва, крикнулъ:

— За мною ступайте!

И онъ далъ себѣ клятву, что только изъ камня, который онъ самъ выберетъ, источитъ онъ имъ воду.

«И поднялъ Моисей руку свою и ударилъ въ скалу жезломъ своимъ дважды».

Послѣ перваго удара вода изъ скалы стала сочиться медленно, капля за каплей.

— Бенъ-Амрамъ! — зазвучали кругомъ голоса, — этой воды хватитъ развѣ только для грудныхъ младенцевъ или, въ крайнемъ случаѣ, для сейчасъ отлученныхъ отъ груди дѣтей.

Возмущенный ихъ словами, Моисей ударилъ вторично въ скалу, и обильнымъ потокомъ хлынула вода. *Танх.; Танх.-Гак.*

*

И не въ одномъ описанномъ случаѣ дерзость и назойливость черни преслѣдовали Моисея. Сутяжничество было явленіемъ постояннымъ, и не даромъ говорилъ Моисей: «Какъ мнѣ одному но-

сить тягости ваши, бремена и распри ваши?» Не щадило злословіе и его личной жизни. Если Моисей выходилъ пораньше изъ шатра, то говорили:

— Чего это онъ торопится изъ дому уходить? Не сладка, должно быть, семейная жизнь его.

А когда онъ оставался дома дольше обыкновеннаго, тѣ-же самые толковали:

— Чѣмъ, думаете вы, онъ занятъ тамъ? Сидитъ и придумываетъ какіе нибудь новые законы и правила для насъ!

Доходило до того, что приводили малютокъ своихъ и, бросая ихъ на колѣни къ Моисею, кричали:

— Скажи, Бенъ-Амрамъ, гдѣ то довольство, которое ты создалъ для малыхъ сихъ? Гдѣ пропитаніе, которое ты для нихъ наготовилъ?..

Іалк.

ГОРА ОРЪ

На пути слѣдованія Израиля въ пустынѣ сопровождавшій ихъ столпъ облачный возвышенности сглаживалъ, а низины повышалъ до одного уровня, дабы сдѣлать путь менѣе утомительнымъ, и только на мѣстахъ стоянокъ оставлялось одно болѣе возвышенное мѣсто — для скиніи. Изъ горъ-же сохранились лишь три: Синай — для Шехины, Нево — мѣсто погребенія Моисея — и Оръ — мѣсто погребенія Аарона. *Танх.-Гак.*

КОНЧИНА ААРОНА

Когда наступило время Аарону покинуть земной міръ, Господь сказалъ Моисею:

— Иди къ Аарону и скажи ему, что часъ его пришелъ.

Всталъ Моисей рано утромъ, подошелъ къ шатру Аарона и сталъ звать его: «Ааронъ, братъ мой, выйди ко мнѣ!»

Вышелъ Ааронъ и спрашиваетъ:

— Что заставило тебя встать такъ рано и придти ко мнѣ?

— Этой ночью, размышляя о мудрости божественной, я остановился надъ однимъ вопросомъ, котораго никакъ уяснить себѣ не могъ. По этому поводу я и пришелъ къ тебѣ.

— А какой это вопросъ?

— На память я объяснять этого не могу; требуемое мѣсто находится въ книгѣ «Бытія». Принеси книгу эту, и почитаемъ ее.

Принесъ Ааронъ книгу «Бытія», и стали они вмѣстѣ читать главу за главой, и послѣ каждаго повѣствованія Ааронъ приговаривалъ: «Какъ хорошо сдѣлано все Господомъ, какъ прекрасно все сотворено Имъ на свѣтѣ!»

Когда дошли до разсказа о сотвореніи человѣка, Моисей заговорилъ:

— Что сказать объ Адамѣ, который грѣхопаденіемъ далъ смерти доступъ къ міру? И меня, который бралъ верхъ надъ духами небесными, и тебя, который былъ въ силахъ ангела смерти останавливать — даже насъ не тотъ-ли ждетъ конецъ? Долго ли намъ жить осталось?

— Недолго, братъ мой!

Продолжая такимъ образомъ, Моисей постепенно подготовилъ Аарона къ мысли о близости кончины его. Почувствовалъ Ааронъ, что приблизился часъ его, и говоритъ:

— Не въ виду-ли этого ты и разговоръ весь завелъ?

— Да, братъ мой!

Видѣвшіе Аарона въ эту минуту замѣтили — точно умалился сразу ростъ его.

И взмолился Ааронъ:

— «Сердце мое трепещетъ во мнѣ и ужасы смертные напали на меня».

— Готовъ-ли ты къ смерти? — продолжалъ Моисей.

— Я готовъ, — былъ отвѣтъ.

— Взойдемъ на гору Оръ.

Поднялись на гору втроемъ: Моисей, Ааронъ и Елеазаръ, сынъ Аарона.

Видѣлъ это народъ, но не зналъ, что идетъ Ааронъ въ послѣдній путь свой. «Господь призвалъ его на гору», — подумали израильтяне.

На вершинѣ горы открылась передъ ними пещера. Они вошли туда и нашли тамъ зажженный свѣтильникъ и готовый, чуднаго вида, гробъ.

Началъ Ааронъ снимать одежды свои; снималъ одну за другою, и Елеазаръ надѣвалъ ихъ на себя, а вокругъ Аарона туманъ клубился и точно пеленою обвивалъ его.

— Братъ мой! — воскликнулъ Моисей, — когда умерла сестра

наша, я съ тобою позаботились о ея погребенiи; при твоей кончинѣ находимся я и Елеазаръ. Кто-же въ мой смертный часъ будетъ находиться при мнѣ?

Въ это мгновенiе раздался голосъ Предвѣчнаго:

— «Клянусь, Я самъ приму душу твою!»

И сказалъ Моисей:

— Войди, братъ мой, и ложись въ этотъ гробъ.

Ааронъ легъ.

— Протяни руки свои, — продолжалъ Моисей. — «Закрой глаза». — «Смежи уста».

Одно за другимъ исполнилъ Ааронъ. Тогда сошла Шехина, облобызала его — и отлетѣла отъ Аарона душа его.

Моисей и Елеазаръ склонились къ усопшему и стали цѣловать ланиты его. Но сошло Облако Славы и заволокло гробъ Аарона, а гласъ небесный прозвучалъ: «Удалитесь отсюда». И едва Моисей и Елеазаръ вышли изъ пещеры, входъ закрылся за ними.

Израильтяне стояли у подножiя горы, ожидая ихъ возвращенiя. Замѣтивъ сходящими съ вершины Моисея и Елеазара и не видя между ними Аарона, стали недоумѣвать, предчувствуя недоброе. А народъ любилъ Аарона за миролюбiе и миротворчество его. Этой минутою воспользовался сатана и началъ подстрекать народъ противъ Моисея и Елеазара. Пошелъ ропотъ кругомъ. Одни говорили: «Это Моисей убилъ Аарона изъ зависти». Другiе: «Убилъ его Елеазаръ, дабы поскорѣе унаслѣдовать санъ первосвященника». Третьи допускали возможность и естественной кончины его. Когда-же приблизились Моисей и Елеазаръ, всѣ окружили ихъ и стали допрашивать:

— Куда дѣвался Ааронъ?

— Господь принялъ его для жизни вѣчной, — отвѣчалъ Моисей.

— Мы не вѣримъ тебѣ! — закричалъ народъ, — онъ, быть можетъ, обидное слово сказалъ тебѣ, и ты приговорилъ его къ смерти.

Съ камнями въ поднятыхъ рукахъ сталъ наступать народъ на Моисея и Елеазара, угрожая тутъ-же покончить съ ними. И вдругъ — открылась пещера; ангелы подняли гробъ съ тѣломъ Аарона и вознесли его высоко надъ землею. Медленно плылъ гробъ въ лазурной вышинѣ, и пѣнiе ангельское раздавалось вокругъ него:

«Онъ отходитъ къ миру, — пѣли ангелы, — да будетъ покоиться на ложѣ своемъ».

*

«И оплакивалъ смерть Аарона тридцать дней весь народъ Израилевъ».

Плакали мущины, плакали женщины. Въ то время какъ Моисей былъ неумолимъ въ отношеніи малѣйшаго закононарушенія, Ааронъ кротостью своей очаровывалъ каждаго. Никто отъ него не слыхалъ: «Ты — грѣшникъ», или «ты — грѣшница!» Встрѣтится онъ съ человѣкомъ злымъ, преступнымъ, онъ первый обратится къ нему съ привѣтствіемъ и слово ласковое скажетъ. Придетъ тому на умъ дурное дѣло совершить, вспомнитъ онъ объ Ааронѣ и подумаетъ: «Горе мнѣ! Какъ-же я послѣ этого въ лицо ему взгляну?» Или — узнаетъ Ааронъ о распрѣ между двумя людьми. Придетъ онъ къ одному и говоритъ: «Вотъ, ты въ злобѣ на товарища своего, а послушалъ-бы, что онъ втайнѣ говоритъ про тебя: «Сердце мое, — говоритъ, — сжимается отъ боли. Я глубоко раскаиваюсь и готовъ волосы на себѣ рвать отъ отчаянія, что не смѣю въ глаза взглянуть товарищу моему, передъ которымъ я одинъ во всемъ виноватъ». И не уйдетъ, покуда не увидитъ, что не осталось болѣе ни капли злобы въ душѣ этого человѣка. Отъ него пойдетъ Ааронъ къ другому съ тѣми-же увѣщательными и ласковыми словами. Встрѣтятся эти люди и кинутся въ объятія другъ къ другу. Вотъ почему смерть Аарона вызвала глубокую скорбь во всемъ народѣ.

Іалк.; Сифр.-З.; Аб. д. Нат., 12.

ПОТОКЪ АРНОНЪ

«Наполняйся, водоемъ! Пойте ему!»

У потока Арнонъ произошло столкновеніе израильтянъ съ Сигономъ, царемъ Есевонскимъ*.

Потокъ этотъ протекалъ между двумя косогорами, настолько близкими другъ къ другу, что, стоя на вершинѣ одной горы человѣкъ могъ легко переговариваться съ другимъ человѣкомъ, стоящимъ на противоположной возвышенности. Дорога шла спуска-

* Къ этому царю Моисей отправилъ пословъ изъ пустыни Кедемоѳъ, чтобы сказать ему: «Позволь пройти мнѣ землею твоею. Я пройду дорогою, не сойду ни на-право, ни на-лѣво. Пищу продавай мнѣ за серебро и воду для питья давай мнѣ за серебро, — доколѣ не перейду за Іорданъ». Но Сигонъ не позволилъ израильтянамъ пройти черезъ свою землю.

ясь къ потоку и снова поднимаясь въ гору. Израильтяне обыкновенно выбирали путь поближе къ мѣстамъ, орошеннымъ водою.

Косогоръ съ одного берега былъ изрытъ множествомъ пещеръ, противоположный-же представлялъ рядъ скалистыхъ выступовъ, по формѣ своей напоминавшихъ женскія груди.

Въ этомъ-то мѣстѣ Сигонъ сосредоточилъ несмѣтныя боевыя силы свои. Часть ихъ расположилась у потока, чтобы преградить путь израильтянамъ, остальные засѣли въ пещерахъ, дабы сверху ударить на нихъ-же. Но израильтянамъ не пришлось спускаться внизъ, къ потоку: по мановенію перста Господняго, оба косогора надъ потокомъ сдвинулись тѣсно одинъ къ другому, уступы одного вошли въ пещерныя отверстія другого — и всѣхъ находившихся тамъ аморреянъ раздавило на смерть. Вершины-же косогоровъ слились такъ плотно, что невозможно было различить прежней разобщавшей ихъ линіи.

Въ тоже время чудесный колодезь Израиля спустился къ потоку и, ополоводившись еще болѣе прежняго, затопилъ послѣдніе остатки аморрейскихъ богатырей, подобно тому, какъ воды Чермнаго моря затопили египтянъ.

Израильтяне проходили вершиною соединившихся косогоровъ, не видя и не зная всего совершившагося. Но, по волѣ Всевышняго, воды колодца проникли и въ пещеры и начали вымывать оттуда несмѣтное множество головъ, рукъ, ногъ растерзанныхъ аморреянъ. Израильтяне стали оглядываться, не находя колодца на обычномъ его мѣстѣ и, наконецъ, увидѣли его вдали, гдѣ кончались косогорья и открывалось теченіе Арнона. Колодезь свѣтился мягкимъ луннымъ блескомъ, а воды его продолжали выносить изъ пещеръ тѣла погибшихъ воиновъ. Стоя у потоковъ, израильтяне воспѣли гимнъ колодцу:

«Наполняйся, водоемъ!
Славы пѣснь колодцу пойте!
Водоемъ князья копали,
И народные вожди
Съ начертателемъ Закона
Вырыли его жезлами...
Наполняйся, водоемъ!»

Танх.-Гак.

ОГЪ, ЦАРЬ ВАССАНСКІЙ

При приближеніи къ границамъ Едреи, Моисей объявилъ народу:

— «Здѣсь остановимся на ночлегъ, а завтра поутру пойдемъ на приступъ и возьмемъ Едрею».

На разсвѣтѣ, когда глазъ едва еще различалъ окружающее, Моисей, вглядываясь въ даль, увидѣлъ какую-то гитантскую массу, возвышавшуюся надъ вершиною городской стѣны. — Что это? — подумалъ Моисей, — не сдѣлали-ли за ночь новую надстройку? Но эта гигантская масса — былъ самъ царь Вассанскій, Огъ. Великанъ сидѣлъ на стѣнѣ, и ноги его достигали до земли.

— «Не бойся его», — сказалъ Господь Моисею.

Огъ, сидя на стѣнѣ, размышлялъ такъ:

— «Весь станъ Израилевъ сколько занимаетъ? Всего три парса. Пойду, выломаю скалу протяженіемъ въ три парса, обрушу ее на израильтянъ и убью всѣхъ до единаго».

Выломалъ Огъ скалу длиною въ три парса и понесъ, положивъ ее себѣ на голову. Явился ангелъ Господень и просверлилъ въ скалѣ отверстіе какъ разъ надъ головою Ога. Опустилась скала Огу на плечи. Сталъ онъ дѣлать усилія, чтобы освободиться отъ скалы, но тутъ передніе зубы его начали вытягиваться, удлиняться на подобіе слоновыхъ клыковъ, вонзились въ скалу, и Огу такъ и не удалось освободиться отъ скалы.

Моисей былъ ростомъ десять локтей. Взялъ онъ топоръ длиною въ десять локтей и, подпрыгнувъ настолько-же локтей, подрубилъ Огу лодыжки и умертвилъ его. *Бер., 54; Нида, 24.*

ВАЛААМЪ

Въ виду приближенія израильтянъ, моавитяне пошли держать совѣтъ со старѣйшинами мидіанскими.

— «Вождь израильскій, — разсуждали они, — пробылъ долго въ Мидіанѣ; отъ туземныхъ старожиловъ мы и узнаемъ, каковы особенности этого человѣка.

— Неотразимая сила слова, — отвѣчали мидіанскіе старѣйшины, — вотъ что составляетъ главную особенность этого человѣка.

— Тогда и мы, — рѣшили моавитяне, — выставимъ противъ него человѣка, обладающаго такимъ-же даромъ.

*

Мидіане вели постоянныя распри съ моавитянами, и вражда между ними была исконная. Но теперь, въ виду общей опасности, они заключили союзъ между собою.

Такъ грызутся двѣ собаки, пока волка по близости не замѣтятъ.

Мидіанъ и Моавъ, — это что говорится: хорекъ да кошка надъ однимъ саломъ пиръ устроили.

*

«И сказалъ Господь Валааму: «Не ходи съ ними».

— Такъ я отсюда прокляну израильтянъ, — сказалъ Валаамъ.

— «Не проклинай народа».

— Такъ я благословлю его.

— «Онъ въ твоемъ благословеніи не нуждается, ибо онъ уже благословенъ».

Какъ пчелѣ говорятъ: «Ни твоего меда, ни жала твоего».

*

— «Съ вершины скалъ я вижу его».

Этотъ стихъ указываетъ на всю глубину ненависти Валаама къ Израилю; даже изъ его благословенія узнаешь затаенныя мысли его. Чтобы уничтожить дерево, человѣкъ опытный не станетъ обрубать вѣтви его, вѣтку за вѣткой, а разгребетъ землю, обнажитъ корни и срубитъ дерево вмѣстѣ съ корнями. Такъ и Валаамъ: стоя на вершинѣ скалы, онъ говорилъ:

— Не дѣло это будетъ — проклинать каждое колѣно въ отдѣльности: до корня ихъ, до самаго основанія доберусь и срублю дерево ненавистнаго мнѣ народа.

Попытался — и не по силамъ это оказалось для него. И наитяжелую каменную глыбу сдвинуть можно, если она поверхъ земли лежитъ. Народъ-же этотъ подобенъ скалѣ, основаніемъ своимъ укрѣпившейся въ бездонныхъ нѣдрахъ земли.

Бам.-Р., 20; Танх. Гак.; Танх.

ДОЧЕРИ СЕЛАФААДА

Пять дочерей Селафаада, изъ колѣна Манасіина, отецъ которыхъ умеръ, предстали предъ Моисеемъ, Елеазаромъ, князьями и всѣмъ обществомъ и сказали:

— Дай намъ удѣлъ среди братьевъ отца нашего.

Моисей представилъ дѣло ихъ Господу. Господь-же сказалъ Моисею:

— Дочери Селафаадовы правы; дай имъ наслѣдственный удѣлъ среди братьевъ отца ихъ и отдай имъ также удѣлъ ихъ умершаго отца.

— Да, — говорили дочери Селафаада, — Божіе милосердіе не то, что милосердіе человѣческое: Богъ не дѣлаетъ разницы между мужчиной и женщиной.

*

Въ этомъ случаѣ, — говорилъ раби Натанъ, — сказалось превосходство женщинъ надъ мужчинами, въ смыслѣ цѣльности и силы характера: мущины, при первомъ испытаніи, готовы были возвратиться къ неволѣ египетской; женщины-же стремились закрѣпить за собою удѣлъ въ собственной, свободной странѣ.

Сифра; Іалк.

ВОЙНА СЪ МИДІАНОМЪ

Господь сказалъ Моисею:

— Отмсти мидіанитянамъ за сыновъ израилевыхъ, и послѣ отойдешь къ народу своему*.

Моисей повелѣлъ воинамъ вооружиться и выступить противъ мидіанитянъ подъ предводительствомъ Финеаса, внука Аарона, самъ-же въ этой войнѣ не участвовалъ. «Мидіанъ — сказалъ Моисей, — былъ моимъ убѣжищемъ, и недостойно меня принимать личное участіе въ его пораженіи».

Поговорка гласитъ: «не бросай камня въ колодезь, изъ котораго ты пилъ воду».

*

---

* «Отойти къ народу своему» — умереть.

Произнесши благословеніе свое надъ Израилемъ, Валаамъ не преминулъ, однако, дать Валаку такой совѣтъ:

— Богъ израильтянъ ненавидитъ блудъ. Блудомъ ты и постарайся обольстить ихъ.

Сдѣлалъ это Валакъ такимъ образомъ:

Зная, что израильтяне любятъ всякія сласти, онъ велѣлъ понастроить навѣсы для торговли сластями, а продавщицами посадить блудницъ. Когда израильтяне разбрелись по улицамъ и базарамъ, блудницы стали предлагать имъ сласти и вина аммонитскаго. Вино-же аммонитское производитъ возбуждающее дѣйствіе. Выпивъ вина, израильтянинъ начиналъ приставать къ блудницѣ, прося ласкъ ея. Тогда женщина, вынувъ спрятанный у нея на груди идолъ, говорила:

— Поклонись богу моему — и я подарю тебѣ ласки мои.

— Но вѣдь я — израильтянинъ — возражалъ онъ ей.

— Что за важность! — отвѣчала она, — ты только обнажись передъ изображеніемъ этимъ.

Не знали израильтяне, что въ этомъ именно и заключается обрядъ поклоненія идолу Ваалъ-Пэору. И не отставала блудница, пока не доводила израильтянина до нарушенія Завѣта Моисеева, о чемъ и гласитъ Писаніе:

«Пошли израильтяне къ Ваалъ-Пэору и предались постыдному, и сами стали мерзкими какъ тѣ, которыхъ возлюбили».

*

Въ войнѣ съ мидіанитянами былъ убитъ израильтянами и Валаамъ, въ то время, когда онъ пошелъ къ Валаку потребовать вознагражденія за двадцать четыре тысячи израильтянъ, павшихъ благодаря его совѣту Валаку.

Оправдалась поговорка: «пошелъ верблюдъ роговъ просить, ему и уши отрѣзали». *Сифра; Бам.-Р., 22; Санг., 106.*

ОДЕЖДА И ПРОДОВОЛЬСТВІЕ

— Уходя изъ Египта, взялъ-ли народъ съ собою ткани для одежды? — спросилъ раби Елеазаръ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ раби Симеонъ.

— Во что-же они одѣвались впродолженіи сорока лѣтъ въ пустынѣ?

Одежда доставлялась для нихъ духами небесными.

— И хорошо носилась одежда эта?

— А ты не читалъ развѣ, что написано? — «Одежда твоя не ветшала на тебѣ вотъ уже сорокъ лѣтъ».

— Но вѣдь люди растутъ, и дѣти становились взрослыми?

— Съ дѣтьми происходило то, что съ улиткою происходитъ: вмѣстѣ съ нею растетъ и ея раковина.

— И одежда эта не требовала частаго мытья и чистки?

— Отъ соприкосновенія съ чудеснымъ Облакомъ одежда очищалась, получала первоначальный видъ свой и становилась свѣжей и блестящей.

— И огненное Облако не сжигало ее?

— Ткань этой одежды обладала свойствами азбеста.

— И паразиты не заводились въ ней?

— Людей того поколѣнія и въ могилѣ червь не трогалъ, а тѣмъ болѣе — при жизни.

— Но все-таки — испаренія кожи...

— Водою чудеснаго колодца вымывало различныя пряные травы и коренья, которыя израильтяне разстилали и катались по нимъ, какъ по луговой травѣ. Благоуханіе отъ этихъ злаковъ было удивительное по пріятности и силѣ своей.

Ведомый такъ благодатной десницей Всемилосерднаго, живя въ довольствѣ и побѣждая на полѣ брани, народъ воспѣвалъ хвалу Господу:

«Господь — мой Пастырь, и ни въ чемъ
Нужды не знаю я.
Среди душистыхъ луговинъ
Покоитъ Онъ меня;
Приводитъ къ лону тихихъ водъ
И крѣпость Онъ даетъ
Душѣ моей, ведя меня
По праведнымъ стезямъ.
Долиной смертной тѣни я
Пройду — не устрашусь.
Твой жезлъ и посохъ Твой даютъ
Покой душѣ моей». *Шох.-Т., 23; Пес. д. К., 10.*

ВЪ КОНЦѢ СОРОКАЛѢТНЯГО СТРАНСТВОВАНІЯ

Ежегодно въ канунъ девятаго Аба, во все время пребыванія народа въ пустынѣ, Моисей объявлялъ по всему стану Израилеву:

— «Выходите копать могилы! Выходите копать могилы!»

Каждый израильтянинъ, выкопавъ себѣ могилу, ложился въ нее на-ночь. По утрамъ выходилъ глашатай, провозглашавшій:

— «Живые, отдѣлитесь отъ мертвыхъ!»

Въ живыхъ оказывалось каждый разъ меньше на пятнадцать тысячъ человѣкъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока умершихъ не насчитывалось шестьсотъ тысячъ душъ*. Въ послѣдній, сороковой годъ, изъ могилъ встали всѣ до единаго. — Не произошла-ли ошибка въ счетѣ дней?» — подумали они и легли въ могилы также и на слѣдующую ночь, но и на этотъ разъ ни одного мертваго не оказалось, тѣмъ не менѣе, они повторили тоже самое и въ ночь на одинадцатое, и такъ еженощно, до пятнадцатаго Аба. Когдаже и на утро послѣдняго дня встали всѣ живыми, народъ понялъ, что эта тяжелая кара Господня прекратилась навсегда, и этотъ день сдѣлали праздникомъ.

Этимъ объясняется сказанное мудрецами нашими: Не было у израильтянъ высшихъ праздниковъ, чѣмъ пятнадцатое Аба и Іомъ-Кипуръ. *Іеруш. Таан. Шох.-Т.*

*

Сорокъ лѣтъ водилъ Господь израильтянъ по пустынѣ прежде чѣмъ ввести ихъ въ землю Ханаанскую; ибо сказалъ Господь:

Если Я прямымъ путемъ приведу ихъ въ Ханаанъ, займется каждый изъ нихъ полемъ и виноградникомъ своимъ и совершенно забросятъ Ученіе Мое. Надо, чтобы сначала духъ Истины Господней глубоко внѣдрился въ душѣ ихъ».

Сорокалѣтнее кочеваніе являлось необходимымъ еще по другой причинѣ. Провѣдавъ о томъ, куда именно направляются израильтяне, и полагая, что они пойдутъ кратчайшимъ путемъ, хананеяне поторопились собственными руками опустошить страну:

---

* По преданію, эти 600 тысячъ составляли комплектъ израильтянъ, выведенныхъ Моисеемъ изъ Египта. Для заселенія Ханаана и образованія самостоятельнаго израильскаго государства эти египетскіе выходцы были наименѣе подходящимъ элементомъ.

сожгли посѣвъ, выкорчили деревья, вырубили насажденія, разрушили постройки и засорили источники. За сорокъ лѣтъ страна успѣла снова обстроиться и принять прежній цвѣтущій видъ свой, ставъ той Землей Обѣтованной, которую Господь обѣщалъ Аврааму отдать народу Израильскому. *Танх.*

*

«Когда придете въ землю, которую Господь Богъ даетъ вамъ, и *посадите* какое-либо плодовое дерево». — — —

Подобно курицѣ, которая, пока птенцы ея малы и слабы, подбираетъ ихъ подъ крыло свое, тѣломъ своимъ грѣетъ ихъ, роется въ землѣ, ища корма для нихъ, — Моисей несъ всѣ заботы о народѣ впродолженіи сорока лѣтъ пребыванія его въ пустынѣ: небесная манна, чудесный колодезь, прилетъ перепеловъ — все было готово для нихъ. Облака Славы Господней окружали ихъ; Столпъ Облачный путеводно шелъ впереди нихъ. Когда-же имъ пришло время поселиться въ землѣ своей, Моисей, въ предупрежденіе имъ, и сказалъ:

— Отнынѣ пусть каждый изъ васъ возьметъ полольникъ и *самъ* приготовитъ мѣсто для посѣвовъ и посадокъ. *Ваик.-Р., 25.*

ДАРЪ ЯСНОВИДѢНІЯ

«И не было болѣе у Израиля пророка такого, какъ Моисей». Всѣмъ прочимъ пророкамъ видѣнія являлись въ тѣневыхъ очертаніяхъ; передъ Моисеемъ-же видѣнія возникали въ свѣтящихся, отчетливыхъ образахъ. О первыхъ сказано: «Черезъ пророковъ проявляю Я *подобіе* Мое»; о Моисеѣ: «Явно, а не въ гаданіяхъ *образъ* Господа онъ видитъ».

*

Пятьдесятъ воротъ ведутъ въ сокровишницу Разума, и всѣ, за исключеніемъ однихъ, стали доступными для Моисея на Синаѣ, — какъ сказано: «Немногимъ Ты умалилъ его передъ Всевѣдущимъ».

*

«И возьму отъ Духа, который на тебѣ, и возложу на нихъ» (на старѣйшинъ).

Ошибочно было-бы думать, что отъ этого пророческій даръ Моисея сколько нибудь умалился. Моисей въ то время былъ подобенъ свѣтильнику, отъ котораго зажигаютъ другіе свѣтильники и свѣтъ котораго отъ этого нисколько не уменьшается.

Іеб., 49; Нед., 38; Танх.-Гак.

ЕЛДАДЪ И МЕДАДЪ

«Двое изъ мужей оставались въ станѣ».

Существуетъ такое объясненіе:

Когда Господь сказалъ Моисею: «Собери Мнѣ семьдесятъ мужей изъ старѣйшинъ Израилевыхъ», сталъ Моисей размышлять: «Какъ сдѣлать это? Выберу отъ каждаго колѣна по шести человѣкъ, окажется двое лишнихъ; выберу по пяти отъ колѣна, не будетъ доставать десяти; выбрать отъ однихъ колѣнъ по шести и отъ другихъ по пяти, я поселю зависть между тѣми и другими колѣнами». Что-же Моисей сдѣлалъ? Выбралъ отъ каждаго колѣна по шести человѣкъ, взялъ семьдесятъ двѣ записки, на семидесяти написалъ слово «старѣйшина», а двѣ оставилъ пустыми. Смѣшавъ вмѣстѣ всѣ семьдесятъ двѣ записки, положилъ ихъ въ урну и сказалъ: «Подходите и вынимайте жребіи». Тому, кто вынулъ записку съ надписью «старѣйшина», Моисей говорилъ: «Небо давно освятило тебя»; тому-же, кѣмъ вынута была пустая записка, говорилъ: «Господь не пожелалъ тебя, что-же я могу сдѣлать для тебя?»

Раби Симеонъ говорилъ:

«Оставались въ станѣ» означаетъ: не выходили изъ шатровъ своихъ. Когда Господь повелѣлъ Моисею выбрать семьдесятъ человѣкъ въ старѣйшины, Елдадъ и Медадъ сказали: «Недостойны мы такого почета». Тогда сказалъ Господь: «За то, что вы сами умалили достоинство свое, я прибавлю славы славѣ вашей». Сказалось-же это въ томъ, что прочіе пророки временно только проявили даръ свой, а Елдадъ и Медадъ не переставали пророчествовать. Они-же и прорицали: «Моисей умретъ, а израильтянъ въ Обѣтованную Землю введетъ Іегошуа». *Санг., 17.*

МОИСЕЙ И ІЕГОШУА

«Да поставитъ Господь, Богъ духовъ для всякой плоти, человѣка надъ обществомъ этимъ».

Сознавая, что сыновья его не достойны стать послѣ него вождями народными, облачился Учитель нашъ Моисей и сталъ съ молитвой на устахъ передъ Господомъ:

— Владыка міра! — взывалъ Моисей, — повѣдай мнѣ, кому народомъ предводительствовать? Да поставитъ Господь, Богъ духовъ, такого вождя, который могъ-бы управлять «всякой плотью», ибо, Владыка, Тебѣ вѣдомо, какъ различно направленіе мыслей каждаго изъ нихъ, и я, передъ вѣчной разлукой съ ними, молю Тебя, если угодно Тебѣ поставить надъ ними вождя, поставь такого человѣка, который терпѣливо руководилъ-бы ими, сообразуясь съ особенностями каждаго изъ нихъ.

И Господь сказалъ Моисею: «Возьми себѣ Іегошую, сына Навина».

Посвящая Іегошую въ вожди надъ народомъ, Моисей говорилъ ему:

— Поручая тебѣ народъ этотъ, я ввѣряю тебѣ не козлищъ, но козлятъ, не овецъ, но агнцевъ. «Иди по слѣдамъ стадъ и паси козлятъ твоихъ подлѣ шатровъ пастушескихъ».

Танх.-Гак.; Аб. д. Нат., 17.

*

«И дай ему отъ славы твоей», — *отъ* славы, но не всю славу. Старики того поколѣнія говаривали: «Ликъ Моисея подобенъ солнцу; ликъ Іегошуи — что ликъ луны. Горе и стыдъ намъ, что мы дожили до этого!»... *Б.-Б., 75.*

КОНЧИНА МОИСЕЯ

«И сказалъ Господь Моисею: вотъ, приблизились дни твои къ смерти».

Про это и гласитъ сказанное: «Хотя-бы и возросло до небесъ величіе его, и голова его касалась облаковъ — погибнетъ и онъ, и видѣвшіе его будутъ говорить: гдѣ онъ?»

О чемъ говорится въ этомъ стихѣ, если не о смертномъ часѣ? Даже имѣй человѣкъ крылья и летай подобно птицѣ въ небѣ, придетъ смертный часъ, сломаются крылья, и онъ упадетъ на землю.

«Хотя-бы возросло до небесъ величіе его». Моисеемъ это достигнуто было: онъ всходилъ на небо, облака попиралъ ногами, Ан-

геламъ Служенія уподоблялся, съ Господомъ говорилъ лицомъ къ лицу и Тору изъ рукъ Господнихъ воспріялъ, а пробилъ часъ его, Господь сказалъ ему: «Приблизились дни твои къ смерти!»...

*

Видя, что приговоръ надъ нимъ скрѣпленъ печатью Всевышняго, очертилъ вокругъ себя Моисей тѣсный кругъ и, стоя въ серединѣ его, воззвалъ къ Господу, говоря:

— Владыка міра! Я не тронусь отсюда, пока ты не отмѣнишь приговора Твоего!

Возложилъ на себя Моисей вретище и облекся во вретище, въ пеплѣ вывалянное, и дотолѣ возносилъ моленія и мольбы свои къ Господу, пока небо и земля, и весь строй мірозданія не пошатнулись при мысли: «не пришло-ли Господу желаніе міръ заново перестроить?

— Нѣтъ, — прозвучалъ Гласъ Небесный, — еще не явилось желаніе у Всевышняго міръ перестроить, но — «въ Его рукѣ душа всего живущаго»*.

Что въ этотъ часъ сдѣлалъ Господь? Провозгласилъ у каждыхъ воротъ каждаго изъ семи небесъ, чтобы не воспріяли молитвы Моисея и не возносили ее предъ Нимъ, потому что приговоръ надъ Моисеемъ уже скрѣпленъ Печатью Всевышняго. — Когда-же голосъ молитвы Моисеевой усилился и сталъ достигать все большей высоты, призвалъ Господь Ангеловъ Служенія и сказалъ: «Наискорѣй сойдите и замкните всѣ Врата Небесныя». Ибо, молитва Моисея подобна была мечу, который рубитъ и разсѣкаетъ безъ удержу.

Въ это время Моисей взывалъ къ Господу:

— Владыка вселенной! Передъ Тобою открыто и Тебѣ вѣдомо, сколько труда я положилъ и сколько скорби я испыталъ, чтобъ народъ израильскій увѣровалъ въ святое имя Твое; сколько скорби я принялъ, пока не установилъ среди нихъ Законы и Повелѣнія Твои. Я говорилъ себѣ: также, какъ я въ несчастіи видѣлъ ихъ, я и въ счастіи ихъ увижу. Теперь-же, когда счастье народа близко, Ты говоришь мнѣ: «Ты черезъ Іорданъ не перейдешь». Вѣдь свою-же Тору ты неправдивою дѣлаешь. Въ Торѣ сказано: «Въ тотъ-

* Т. е. — дѣло идетъ о кончинѣ *одного* человѣка.

же день отдай плату его» (наемнику). Это-ли плата моя за сорокалѣтнюю работу, совершенную мною, чтобы сдѣлать израильтянъ народомъ святымъ и вѣрнымъ Тебѣ?

— Таковъ приговоръ Мой! — отвѣтилъ Господь.

— Господи! — взмолился Моисей, — если Ты рѣшилъ не вводить меня въ Землю Израильскую, оставь меня жить подобно полевымъ звѣрямъ, которые питаются травою, пьютъ воду и взираютъ на міръ Божій, — какъ любой изъ нихъ пусть живетъ душа моя.

— «Довольно!» — сказалъ Господь.

— Господи! — продолжалъ Моисей, — если и этого не желаешь Ты, дай мнѣ жить подобно птицѣ, летающей въ воздухѣ по всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта, каждодневно подбирая пищу свою, а вечеромъ возвращаясь въ гнѣздо свое. Подобно птицѣ любой пусть живетъ душа моя.

— «Довольно!» — отвѣтилъ Господь.

— Господи — продолжалъ Моисей, — если живой я не войду въ Обѣтованную Страну, да буду я внесенъ туда мертвымъ, также, какъ будутъ внесены кости Іосифа туда.

Отвѣчалъ Господь:

— Моисей! Когда Іосифъ пришелъ въ Египетъ, онъ не выдавалъ себя за иноплеменника, но заявилъ, что онъ израильтянинъ; ты-же, придя въ Мидіанъ, скрылъ, что ты израильтянинъ.

Всплыли солнце и мѣсяцъ съ неба въ Зебулъ* и сказали:

— Владыка! Если Ты судъ праведный совершишь надъ бенъ-Амрамомъ, мы далѣе будемъ свѣтить; если-же нѣтъ, мы свѣтить не будемъ.

Метнулъ въ нихъ Господь стрѣлами и копьями, говоря:

— Изо дня въ день язычники поклоняются вамъ — и вы продолжаете свѣтить; Моего достоинства вы не отстаиваете, а за достоинство смертнаго заступаетесь!

Видя, что не внимаютъ ему, обратился Моисей къ Небу и Землѣ:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Небо и Земля:

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ, про которыхъ сказано: «Небеса истреплются, какъ дымъ, и земля обветшаетъ, какъ одежда».

---

* *Третье* небо. Объ этомъ см. впереди, въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ.

Обратился Моисей къ Солнцу и Лунѣ:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Солнце и Луна:

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ. Ибо сказано: «И поблѣднѣетъ луна, и устыдится солнце».

Сталъ Моисей Звѣзды и Планеты просить:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Звѣзды и Планеты:

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ. Ибо сказано: «И истлѣетъ все воинство небесное».

Къ Горамъ и Холмамъ обратился Моисей:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Горы и Холмы:

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ. Ибо сказано: «И горы сдвинутся, и холмы падутъ».

Пришелъ Моисей къ Морю и просить сталъ:

— Вымоли ты милость для меня!

— Бенъ-Амрамъ, — отвѣчало Море, — какъ не похожъ день нынѣшній на минувшіе дни! Вѣдь это ты, тотъ самый бенъ-Амрамъ, который подошелъ, ударилъ посохомъ по мнѣ — и разступились воды на двѣнадцать путей, и не могло я противостать тебѣ изъ-за Шехины, шествовавшей одесную тебя. А нынѣ — что приключилось съ тобою?

Напомнило Море Моисею о прошлыхъ подвигахъ его, и воскликнулъ Моисей:

— О, если-бы я былъ теперь, какъ въ далекія времена мои! Въ то время, Море, когда я стоялъ надъ тобою, я былъ царемъ въ мірѣ, теперь я простертъ во прахѣ — и не взираютъ на меня!

Къ Духу Лика Святого* обратился Моисей:

— Испроси милость для меня, чтобы не умеръ я!

— Моисей, учитель мой! — отвѣчалъ Духъ Лика Святого, — къ чему усилія эти? Изъ-за Завѣсы слышалъ я, что въ этомъ дѣлѣ не будетъ услышана молитва твоя.

---

* Архангелъ Мататронъ, бодрствующій передъ Ликомъ Предвѣчнаго.

Сомкнулъ руки свои Моисей надъ головой своей и рыдалъ онъ, и вопилъ:

— Къ кому-же, къ кому пойду я о милости молить?

Великимъ гнѣвомъ преисполнился Предвѣчный, пока не раздалось изъ устъ Моисея:

— «Господь, Господь, Богъ милосердный и многомилостивый!»*

Тотчасъ-же отошелъ гнѣвъ Святого Духа. И сказалъ Господь Моисею:

— Моисей! Двѣ клятвы произнесены Мною: одна — истребить народъ съ лица земли, — когда «дѣло оно»** было имъ совершено; другая клятва — что ты умрешь, не войдя въ Обѣтованную землю. Первую клятву Я отмѣнилъ, внявъ мольбѣ твоей: «Прости!» Нынѣ ты вновь желаешь, чтобы Свое Я отмѣнилъ, а твое исполнилъ: «Дай мнѣ перейти, — просишь ты, — и увидѣть ту землю». Двухъ крайностей ты требуешь. Нѣтъ, одно изъ двухъ: желаешь ты, чтобъ Я вторую просьбу твою исполнилъ, откажись отъ первой просьбы своей; а если ты настаиваешь на первой просьбѣ, откажись отъ второй».

Услыша это, Моисей воскликнулъ:

— Лучше пусть погибнетъ Моисей и тысячи ему подобныхъ, нежели поврежденъ былъ-бы одинъ хотя ноготь у единаго изъ народа!

И далѣе говорилъ Моисей:

— Владыка вселенной! Неужели стопамъ, которыя всходили на небо, лицу, которое восприняло ликъ Шехины, и рукамъ, воспріявшимъ Тору изъ рукъ Твоихъ, — неужели имъ стать достояніемъ праха?

— Такъ замыслилъ *Я*, и таковъ міровой порядокъ: у каждаго поколѣнія свои наставники, свои представители, свои вожди. Донынѣ служить предо Мною было твоимъ удѣломъ, отнынѣ это удѣлъ ученика твоего Іегошуи.

— Господи! — сказалъ Моисей, — если я для того долженъ умереть, чтобы Іегошуа замѣнилъ меня, то я пойду и сдѣлаюсь ученикомъ его.

— Если ты желаешь этого, — отвѣтилъ Господь, — иди и сдѣлай такъ.

---

* Слова, возглашенныя Господомъ при вторыхъ скрижаляхъ.

** Поклоненіе тельцу.

Всталъ Моисей и раннимъ утромъ пошелъ къ шатру Іегошуи. Іегошуа сидѣлъ, разъясняя законы, а Моисей, поникнувъ головой и сложивъ на груди руки, стоялъ передъ нимъ. Въ это время глаза Іегошуи смежились, и онъ не видѣлъ Моисея, — дабы, огорченный этимъ Моисей согласился принять кончину свою. Израильтяне-же, между тѣмъ, пришли, по обыкновенію, къ шатру Моисея, чтобы послушать поученія отъ него, и спрашивали: «Моисей, учитель нашъ, — гдѣ-же онъ?» — «Ушелъ, — отвѣчали имъ, — къ шатру Іегошуи». Пришли израильтяне къ шатру Іегошуи, видятъ — Іегошуа сидитъ, а Моисей стоитъ, и спрашиваютъ Іегошую: «Что это произошло съ тобою, что учитель нашъ, Моисей, стоитъ, а ты сидишь?» Поднялъ глаза Іегошуа и, увидя Моисея, разодралъ одежды свои и плача и вопя восклицать сталъ: «О, учитель, учитель! Отецъ, отецъ мой!» Сталъ народъ просить Моисея: «Моисей! Учитель нашъ! Наставляй насъ въ Святой Торѣ!» — «Я на это не имѣю права», — отвѣчалъ Моисей. — «Мы не отстанемъ отъ тебя!» — продолжалъ просить народъ. Тогда голосъ нагорный прозвучалъ:

— «Учитесь у Іегошуи!»

И тогда народъ подчинился, рѣшивъ принимать наставленія изъ устъ Іегошуи.

Первое мѣсто занялъ Іегошуа, Моисей сѣлъ по правую руку, а сыновья Аарона по лѣвую руку его. Въ это время массора Мудрости* отнята была отъ Моисея и дана Іегошуѣ.

Отправились къ Скиніи Собранія. Моисей шелъ по лѣвую руку Іегошуи. Вошли въ Скинію. Спустился Столпъ Облачный и отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга. Когда Столпъ удалился, подошелъ Моисей къ Іегошуѣ и спросилъ:

— Что говорилъ тебѣ Господь?

— А когда Господь открывался тебѣ, зналъ-ли я, что Онъ говорилъ тебѣ?...

— «О, лучше сто смертей, — воскликнулъ Моисей, — чѣмъ единое ощущеніе зависти!... Владыка міровъ! Донынѣ я молилъ о жизни, отнынѣ — отдаю Тебѣ душу мою!»

Видя Моисея готовымъ къ смерти, отверзъ Господь уста Свои, говоря:

---

* *Массорою* впослѣдствіи стало называться ученіе о произношеніи, правописаніи и систематикѣ книгъ Св. Писанія. «Массора Мудрости» — даръ проникновенія во внутреннее *строеніе* Разума, ключъ Мудрости.

— Кто-же отнынѣ встанетъ на защиту Израиля въ часъ гнѣва Моего? Кто охранитъ на полѣ брани дѣтей Моихъ? Кто станетъ испрашивать милосердія къ нимъ, когда они согрѣшатъ предо Мною?

Въ это время явился Мататронъ и, простершись передъ Господомъ, сказалъ:

— Властитель міра! Моисей при жизни былъ Твой и послѣ смерти Твой онъ.

Отвѣчалъ Господь притчей:

— «Былъ у царя сынъ, который что ни день доводилъ отца до готовности убить его; спасала сына отъ отцовскаго гнѣва мать его. Пришло время — мать умерла. Царь безутѣшно плакалъ.

— Государь нашъ, царь! Зачѣмъ ты такъ плачешь? — спрашивали царя слуги его.

Отвѣчалъ царь:

— Не только жену я оплакиваю; плачу о ней и плачу о сынѣ моемъ: многократъ я въ гнѣвѣ готовъ былъ убить его, и каждый разъ мать спасала его отъ руки моей».

— «Такъ и Я; не о Моисеѣ только плачу Я, оплакиваю его и плачу о народѣ израильскомъ: ибо, сколько разъ огорчалъ Меня народъ, вызывая гнѣвъ Мой, а Моисей заступался за него — и проходилъ гнѣвъ Мой».

Самаэль, глава злыхъ духовъ*, нетерпѣливо ждалъ смертнаго часа Моисея.

— Когда-же, — говорилъ онъ — придетъ, наконецъ, то мгновеніе, когда я сойду къ умирающему Моисею и приму душу его? Когда, наконецъ, плакать будетъ Михаилъ, а я хохотать буду?

Въ это время Господь говорилъ Гавріилу:

— Иди, принеси душу Моисея.

— Владыка міра, — отвѣчалъ Гавріилъ, — умираетъ тотъ, кто шести стамъ тысячъ равноцѣненъ былъ, — въ силахъ-ли я видѣть смерть его?

Сказалъ Господь Михаилу:

— Иди, принеси душу Моисея.

— Владыко міра, — отвѣчалъ Михаилъ, — я былъ наставникомъ Моисея, онъ ученикомъ моимъ былъ. Въ силахъ-ли я видѣть смерть его?

---

* Ангелъ смерти.

Сказалъ тогда Господь Самаэлю:

— Иди, принеси душу Моисея.

Одѣлся въ гнѣвъ, опоясался мечемъ, злобою облачился Самаэль и выступилъ противъ Моисея. Засталъ онъ его въ ту минуту, когда Моисей Шемъ-Гамфорашъ въ свитокъ вписывалъ; сіянье лица его было подобно сіянію солнца, и весь онъ ангелу Бога Воинствъ подобенъ былъ. Страхъ палъ на Самаэля, трепетъ обуялъ его, слова вымолвить не могъ онъ.

— Нечестивецъ! — закричалъ на него Моисей, — зачѣмъ ты явился сюда?

— Принять душу твою пришелъ я, — отвѣтилъ Самаэль.

— Кѣмъ посланъ ты?

— Тѣмъ, Кѣмъ сотворено все живущее.

— Иди прочь отсюда! Я желаю воспѣть хвалу Всесвятому. —

«Я не умру, но буду жить
И возвѣщать дѣла Господни!»

— Моисей! — сказалъ Самаэль, — къ чему гордыня твоя? Есть кому и безъ тебя восхвалять Его: «Небеса вѣщаютъ славу Господа».

— Я небеса молчать заставлю и буду пѣть славу Его:

«Внимайте, небеса, я буду говорить.
Земля да будетъ слушать рѣчь мою».

— Душа каждаго являющагося въ міръ обречена мнѣ.

— Во мнѣ силы больше, чѣмъ во всѣхъ въ мірѣ.

— Въ чемъ эта сила твоя?

— Слушай, — отвѣчалъ Моисей: я — сынъ Амрама; трехъ лѣтъ отъ рожденія я пророчествовалъ, возвѣщая, что мнѣ предопредѣлено изъ огня пламенѣющаго Тору пріять. Въ чертогъ царскій входилъ и съ головы царской корону снималъ. — Восьмидесятилѣтнимъ старцемъ я совершалъ въ Египтѣ знаменія и чудеса, шестьсотъ тысячъ народа передъ глазами всего Египта на волю вывелъ, море на двѣнадцать частей разсѣкъ, взошелъ и дорогу въ небесахъ проложилъ, въ браняхъ ангельскихъ участвовалъ, сонмища небесныя побѣждалъ и таинства ихъ передъ людьми разоблачалъ; съ Господомъ говорилъ лицомъ къ лицу, Законъ Огненный пріялъ изъ десницы Его и народъ Закону этому поучалъ; съ Сигономъ и Огомъ, двумя богатырями народовъ земныхъ, я въ бой вступалъ и посохомъ, который въ рукѣ моей, поразилъ ихъ; солнце и луну въ зенитѣ ихъ останавливалъ, — кто изъ живущихъ въ мірѣ подобное

совершить можетъ? Уйди, бѣги прочь отъ меня! Не отдамъ я тебѣ души моей!

Возвратился съ отвѣтомъ Самаэль къ Силѣ Небесной.

— «Иди и принеси душу Моисея!» — было вновь велѣніе Господне.

Извлекъ изъ ноженъ мечъ свой Самаэль и предсталъ передъ Моисеемъ.

Вознегодовалъ Моисей, сжалъ въ рукѣ божественно-чудный посохъ съ начертаннымъ на немъ Шемъ-Гамфорашъ и началъ изо всѣхъ силъ разить Самаэля. Самаэль бросился бѣжать. Вооруженный неотразимымъ Шемъ-Гамфорашъ, Моисей настигъ его и, сорвавъ съ чела своего лучъ, исходившій отъ междубровія его, ослѣпилъ князя смерти, Самаэля.

Раздался Гласъ небесный:

— Приблизился часъ, когда ты долженъ покинуть міръ земной.

— Владыка! — взмолился Моисей, — зачти мнѣ тотъ день, когда ты въ несгораемомъ кустѣ открылся мнѣ; зачти мнѣ то время, когда я сорокъ дней и сорокъ ночей стоялъ передъ Тобою на горѣ Синайской. Молю Тебя: не предавай меня въ руки Ангела Смерти!

— Не страшись, — прозвучалъ Небесный Голосъ, — Я Самъ буду при тебѣ и совершу погребеніе твое.

— Повремени, Господи, — воззвалъ Моисей, — чтобы я могъ благословить народъ: я всю жизнь постоянными предостереженіями и нареканіями досаждалъ ему.

Началъ Моисей благословлять каждое колѣно отдѣльно, но, чувствуя, что времени осталось мало, далъ имъ одно общее благословеніе.

— Израильтяне! — сказалъ онъ, — много огорчалъ я васъ законами и постановленіями и нынѣ прошу — простите меня!

— Учитель и Господинъ нашъ, — отвѣчали израильтяне, — мы прощаемъ тебя.

Всталъ и народъ передъ Моисеемъ, говоря:

— Моисей, Учитель нашъ! Много тебя гнѣвили мы и много отягощали тебя. Прости насъ!

— Прощаю, — сказалъ Моисей.

Зазвучалъ небесный голосъ:

— «Минута кончины твоей приближается».

— Благословено Имя Его, Живого и Сущаго во вѣки вѣковъ! — возгласилъ Моисей и, обращаясь къ народу, сказалъ:

— Прошу васъ, когда вы войдете въ Землю Обѣтованную, поминайте меня, поминайте кости мои, говорите: «Горе бенъ-Амраму! Горе тому, кто подобно коню мчался впереди насъ, а кости его остались лежать въ пустынѣ!»

Зазвучалъ Небесный Голосъ:

— «Полминуты осталось до кончины твоей».

Сложилъ Моисей руки свои на груди и сказалъ народу:

— Глядите, вотъ конецъ созданнаго изъ плоти и крови!...

*

Всталъ Моисей, принялъ освященіе подобно серафимамъ, — и сошелъ Господь съ Вышнихъ Высотъ, чтобы принять душу его, и три Ангела Служенія шествовали съ Господомъ: Михаилъ, Гавріилъ и Сагсегель. Михаилъ постлалъ ложе Моисею, Гавріилъ разостлалъ ризу висонную въ изголовьи, Сагсегель — въ ногахъ. Михаилъ всталъ съ одной стороны ложа, Гавріилъ — съ другой стороны.

— «Моисей! — раздался голосъ Господа, — закрой глаза».

Моисей закрылъ глаза.

— «Сложи руки свои на груди».

Моисей сложилъ руки.

— «Выпрями ноги».

Моисей выпрямилъ ноги.

Тогда воззвалъ Господь къ душѣ Моисея.

— Дочь моя! Сто двадцать лѣтъ Мною было опредѣлено тебѣ жить въ тѣлѣ Моисея, нынѣ пришло тебѣ время выйти изъ него. Выходи, не медли!

— Владыка! — отвѣчала душа, — я знаю, что Ты Богъ всѣхъ духовъ и Властитель всѣхъ душъ; Ты меня сотворилъ, Ты вдунулъ меня въ тѣло Моисея на сто двадцать лѣтъ. Нынѣ-же — есть-ли во всемъ мірѣ тѣло чище Моисея? Я люблю его и я не желаю выйти изъ него.

— Выйди, — сказалъ Господь, — и Я вознесу тебя въ Вышнія Высоты и поселю тебя подъ сѣнью Престола Славы Моей, вблизи херувимовъ и серафимовъ...

Облобызалъ Господь Моисея — и лобзаніемъ принялъ душу его.

*

Возрыдалъ Духъ Святой, восклицая: «И не было болѣе во Израилѣ пророка такого, какъ Моисей!»

Плакали небеса и говорили: «Не стало благочестиваго на землѣ!»

Плакала земля и говорила: «Праведнѣйшаго изъ людей не стало!»

Ангелы Служенія плакали, говоря: «Правду Господню осуществилъ онъ».

Плакалъ народъ и говорилъ: «Онъ судъ творилъ во Израилѣ».

И всѣ вмѣстѣ возглашали: «Къ миру отходитъ онъ. Да упокоится на ложѣ своемъ»...

Деб.-Р., 7, 11; Танх.; Танх.-Гак.; Іалк.; Нед., 39.

МОГИЛА МОИСЕЯ

«И похоронилъ его въ долинѣ, въ землѣ Моавитской, противъ Бетъ-Пэора».

Раби Берехія говорилъ:

— Указанія подробнѣйшія, и тѣмъ не менѣе — «никто не знаетъ мѣста погребенія его до настоящаго дня».

Посылали когда-то изъ Рима къ гарнизону Бетъ-Пэорскому съ запросомъ: «укажите, гдѣ погребенъ Моисей?» Но указать никто не могъ: стоятъ на горѣ — могила видна въ долинѣ; сойдутъ въ долину — могила видна на горѣ. Раздѣлятся на двѣ группы — и тѣмъ, которые на верху, кажется, что могила внизу, а тѣмъ, которые смотрятъ снизу, могила виднѣется на верху, въ исполненіе сказаннаго: «И никто не знаетъ мѣста погребенія его до настоящаго дня».

Раби Хама бераби Ханина говорилъ:

— Ради чего скрыта могила Моисея отъ глазъ человѣческихъ? Того ради, что открыто и вѣдомо было Всеблагословенному, что Храмъ имѣетъ быть разрушенъ и народъ изгнанъ изъ земли своей; не пришли-бы тогда на могилу Моисея, плача и моля: «Моисей! Учитель нашъ! Встань, молись за насъ!» — и, вставъ изъ могилы, не вымолилъ-бы Моисей отмѣны рокового приговора: ибо, праведники угодны Господу послѣ смерти еще болѣе, нежели при жизни своей.

Сот., 13—14.

СУДЬИ, ЦАРИ, ПРОРОКИ

ИЗБРАННАЯ ЗЕМЛЯ

«Онъ сталъ и измѣрилъ землю».

Измѣрялъ Господь всѣ народы земли — и не нашелъ народа достойнаго воспріять Тору, кромѣ одного — «поколѣнія пустыни».

Измѣрялъ Господь всѣ горы — и не нашелъ другой горы, чтобы на ней дать людямъ Законъ, кромѣ Синая.

Измѣрялъ Господь всѣ города — и не нашелъ города для построенія въ немъ Святого Храма, кромѣ Іерусалима.

Измѣрялъ Господь всѣ страны — и не нашелъ страны, достойной стать владѣніемъ Израиля, кромѣ земли Ханаанской.

Ваик.-Р., 13.

ІЕГОШУА НАВИНЪ

Когда народъ двинулся, чтобы переходить черезъ Іорданъ, «то, лишь только ноги священниковъ, несшихъ ковчегъ, погрузились въ воду Іордана, вода, текущая сверху, остановилась и стала стѣною».

Вода собиралась кучевыми массами и сводообразно подымалась вверхъ, сводъ надъ сводомъ, достигая болѣе трехсотъ верстъ въ вышину, такъ всѣ цари Востока и Запада могли наблюдать это.

Сот., 34.

*

«Согрѣшилъ Израиль», — сказалъ Господь Навину, — «взяли изъ заклятаго и украли, и утаили»*.

— Кто именно, Господи? — спросилъ Іегошуа.

— Развѣ Я — соглядатай? — отвѣчалъ Господь, — кинь жеребьи, и узнаешь.

Кинулъ Іегошуа жеребьи, и палъ жребій на Ахана.

— Уликою противъ меня ты считаешь жребій, — возражалъ Іегошуѣ Аханъ, — а вотъ, кинь жеребьи между собою и Елеазаромъ — священникомъ, и падетъ жребій на одного изъ васъ.

Началъ Іегошуа вглядываться въ двѣнадцатикаменіе на хошенѣ первосвященника и видитъ: камень колѣна Іудина потускнѣлъ (ибо таково было свойство хошена: когда колѣно дѣлаетъ угодное въ очахъ Господнихъ, камень этого колѣна горитъ яркимъ блескомъ, камень-же того колѣна, которое впало въ грѣхъ, становится тусклымъ).

Увидя это, Іегошуа сказалъ Ахану:

— Сынъ мой! Воздай славу Господу, Богу Израилеву, принеси передъ Нимъ покаяніе.

— Дѣйствительно, я согрѣшилъ! — отвѣтилъ тотчасъ Аханъ.

Танх.

*

«Стой, солнце, надъ Гаваономъ!»

Отвѣчало солнце Іегошуѣ:

— «Мнѣ говоришь ты — стой? Въ обычаѣ-ли это, чтобы младшій приказывалъ старшему? Я сотворено было въ четвертый день, а ты въ шестой, и ты-же мнѣ говоришь «стой!»

— Рабъ лукавый! — воскликнулъ Іегошуа, — не невольнику-ли, за деньги купленному, подобно было ты для предка моего?** Не такимъ-ли видѣлъ онъ тебя во снѣ своемъ: «Вотъ, солнце и луна, и одиннадцать звѣздъ поклоняются мнѣ?»

Тотчасъ-же — «остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ».

тамъ-же; Іалк.

*

---

* На войнѣ съ жителями Гая (кн. І. Навина, VII).

** Для Іосифа.

Іегошуей были отчеканены монеты, имѣвшія хожденіе повсюду. На этихъ монетахъ были изображенія: съ одной стороны — вола, съ другой — буйвола. *Эр., 22; Бер.-Р., 39.*

ІЕФѲАЙ И ЕГО ДОЧЬ

Іефѳай былъ человѣкомъ невѣжественнымъ, «сучкомъ сикоморинымъ»*, и, благодаря этому, онъ дочь свою погубилъ.

Выступая войной противъ аммонитянъ, Іефѳай далъ обѣтъ Господу, сказавъ:

— Если Ты предашь аммонитянъ въ руки мои, то, по возвращеніи моемъ съ миромъ, *что* выйдетъ изъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ обречено Господу, и вознесу сіе на всесожженіе.

Тогда-же вознегодовалъ на него Господь, говоря:

— Вѣдь если на встрѣчу ему попадется собака, свинья или верблюдъ, онъ и ихъ въ жертву мнѣ принесетъ?

И суждено было его дочери выйти на встрѣчу ему.

Когда Іефѳай увидѣлъ ее, разодралъ онъ одежды свои и сказалъ:

— «Увы, дочь моя! Ты сразила меня!» — «я отверзъ о тебѣ клятвенно уста мои передъ Господомъ, и не могу отречься!»

Былъ вѣдь тамъ первосвященникъ Финеасъ?** Но Финеасъ говорилъ:

— Мнѣ-ли, первосвященнику, сыну первосвященника, унизиться до того, чтобы первому обратиться къ грубому невѣждѣ?

А Іефѳай говорилъ:

— Я — глава колѣнъ израилевыхъ, глава правителей — и мнѣ унизиться, чтобы первому обратиться къ какому-то жрецу?

Изъ-за спора этихъ двухъ человѣкъ и погибла несчастная. Оба они повинны были въ крови ея, и обоихъ постигла кара: отъ Финеаса Духъ Святой отступилъ, а останки Іефѳая были погребены по частямъ въ разныхъ мѣстахъ Галлаада***.

*

---

* Названіе, которое давалось человѣку дурного воспитанія и низкаго происхожденія. Іефѳай-же былъ сыномъ блудницы.

** Который могъ-бы разрѣшить Іефѳая отъ обѣта.

*** По преданію, тѣло Іефѳая начало гангренизировать за долго до смерти, и отдѣльные члены его, по мѣрѣ ихъ отмиранія, предавались погребенію въ разныхъ мѣстахъ.

Когда Іефѳай вывелъ дочь свою для закланія, она воззвала къ нему, говоря:

— Отецъ! Отецъ! Есть-ли въ Торѣ такое повелѣніе, чтобы израильтяне приносили въ жертву дѣтей своихъ?

— Обѣтъ уже данъ мною, дочь моя! — былъ отвѣтъ.

— Но вѣдь и предокъ нашъ Іаковъ — продолжала она, — далъ обѣтъ: «Изъ всего, что Ты, Боже, даруешь мнѣ, я дамъ Тебѣ десятую часть». Господь далъ ему двѣнадцать сыновей, а принесъ-ли онъ въ жертву хотя одного изъ нихъ?

Все это говорила Іефѳаю дочь его, но онъ не внялъ словамъ ея, — вывелъ и заклалъ ее передъ Господомъ.

И горестно воскликнулъ Духъ Святой:

— «Души живыя требовалъ-ли я въ жертвы Мнѣ? Чего Я не повелѣвалъ и не говорилъ, и что на мысль не приходило Мнѣ!»...

Танх.-Гак.

САМСОНЪ

«И началъ Духъ Господенъ вдохновлять его въ станѣ Дановомъ, между Цорою и Естаоломъ».

Преданіе отъ равъ Асси:

— Цора и Естаолъ — двѣ высокія горы. Самсонъ сорвалъ ихъ съ основанія и растеръ ихъ въ прахъ одну о другую.

*

И воззвалъ Самсонъ къ Господу, и сказалъ;

— «Господи Боже! Вспомни меня и укрѣпи меня только на сей разъ, о, Боже!»

— Владыка міра! — говорилъ Самсонъ, — вспомни: двадцать два года я былъ судьей надъ Израилемъ и ни разу ни одному изъ нихъ не говорилъ: «Переставь трость мою съ одного мѣста на другое»...

Сот., 9 и 10.

ЕЛКАНА И АННА

Четыре раза въ годъ ходилъ Елкана паломникомъ въ Сило*: три раза согласно уставу, а четвертый разъ по обѣту. Совершалъ

* Мѣсто пребыванія Скиніи во времена священнослуженія пророка Элія.

онъ паломничество вмѣстѣ съ женою, сыновьями, дочерьми, братьями, сестрами и всей родней своей. На ночлегъ останавливались на городскихъ площадяхъ. Всѣ окрестъ любопытствовали, спрашивая, «куда это идете вы?»

— Въ Домъ Господень, что въ Сило, — отвѣчали они, — откуда исходитъ Ученіе и Уставы Господни. А вамъ почему-бы не пойти туда? Пойдемъ вмѣстѣ съ нами.

Со слезами умиленія слушатели отвѣчали.

— Мы пойдемъ съ вами.

На первый разъ пошли съ Елканою пять семей; на слѣдующій годъ пошло ихъ десять, а еще черезъ годъ жители всего округа готовы были отправиться въ Сило.

Ходилъ Елкана въ Сило каждый годъ другими путями, увлекая за собою жителей то однихъ, то другихъ городовъ, пока паломничество въ Сило не сдѣлалось общимъ во всемъ народѣ израильскомъ.

И сказалъ Господь:

— Елкана! Ты добрымъ дѣламъ далъ перевѣсъ среди Израиля, воспитывалъ народъ въ Уставахъ Моихъ, и многіе, благодаря тебѣ, душу свою спасли. За это Я произведу отъ тебя сына, который воспособитъ умноженію дѣлъ благихъ среди Израиля, утвержденію народа въ Уставахъ Моихъ, и многіе спасутся черезъ него.

Т. д. Ел.; Іалк.

*

У Елканы были двѣ жены: Анна и Феннина. У Феннины были дѣти, у Анны-же не было дѣтей.

И соперница Анны сильно огорчала ее, побуждая ее къ ропоту на то, что Господь заключилъ чрево ея. Постоянно Феннина обращалась къ ней съ такими вопросами:

— Купила-ли ты уже старшему сыну своему чалму, хитонъ, рубашку?

Вставая рано поутру, обращалась къ Аннѣ съ вопросомъ:

— Отчего ты, Анна, не встаешь, чтобъ умыть сыновей своихъ и проводить ихъ въ школу?

А въ шесть часовъ дня:

— Анна, отчего ты не идешъ встрѣчать сыновей своихъ, возвращающихся изъ школы?

Когда садились за столъ и Елкана удѣлялъ каждому изъ дѣтей его долю кушанья, Феннина говорила Елканѣ:

— Этому сыну моему ты далъ долю и этому сыну моему далъ, а *тому** не далъ! Почему?...

За то, что она вызывала въ душѣ Анны ропотъ на Господа, Всевышній сказалъ:

— Ты заставляешь ее роптать на Меня, — клянусь: послѣ грома** бываетъ дождь — и Я вскорѣ посѣщу ее милостью Моей.

Песик.

*

«И дала Анна обѣтъ, говоря:

— Господь Саваоѳъ! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей — и дашь мнѣ сына. — — —»

Поученіе раби Елазара:

— Съ тѣхъ поръ какъ Господь міръ сотворилъ, не было человѣка, который называлъ-бы Господа именемъ Саваоѳъ, доколѣ не явилась Анна и первая произнесла имя Саваоѳъ. Подобно нищему у царскаго пира, который говоритъ: «Государь! Изъ всего, что наготовлено для пира твоего, пожалѣешь-ли ты одного ломтя хлѣба для нищаго?» — взывала Анна къ Господу: «Господь Саваоѳъ! При всемъ великомъ множествѣ существъ***, сотворенныхъ Тобою въ мірѣ этомъ, пожалѣешь-ли Ты дать единаго сына мнѣ?»

*

Долго молилась Анна передъ Господомъ. Едва замѣтно двигались уста ея, «а говорила она *въ сердце своемъ*».

Изъ глубины *женскаго лона* своего взывала Анна къ Господу:

— «Владыка міра! — говорила она, — все сотворенное Тобою въ женщинѣ имѣетъ свое опредѣленное назначеніе: глаза — чтобы видѣть, уши — чтобы слышать, носъ — чтобы обонять, ротъ — чтобы говорить, руки — чтобы работать, ноги — чтобы ходить, сосцы — чтобы дѣтей вскармливать молокомъ. Сосцы-же, которые на

---

* Т. е. — несуществующему сыну бездѣтной Анны.

** Въ текстѣ игра словъ: «Har'im» — раздражать, вызвать ропотъ, и «Har'im» — гремѣть.

*** Саваоѳъ — Zewooth — означаетъ: «Богъ воинствъ» и «Богъ существъ».

лонѣ моемъ — для чего они? Не для того-ли, чтобы дѣтей вскармливать? Дай-же мнѣ, Господи, сына, и я сосцами своими вскормлю его!» *Бер.-Р., 31.*

САМУИЛЪ

«Свѣтильникъ Божій еще не погасъ, и Самуилъ лежалъ въ храмѣ Господнемъ, гдѣ ковчегъ Божій. И воззвалъ Господь къ Самуилу».

Пока еще не зашло солнце Элія, взошло солнце Самуила. «Восходитъ солнце — и заходитъ солнце» — говоритъ Екклезіастъ. Прежде чѣмъ закатиться солнцу одного праведника, Господь зажигаетъ солнце другого праведника. *Іома, 38; Бер.-Р., 58.*

*

«Когда состарѣлся Самуилъ, то поставилъ сыновей своихъ судьями надъ Израилемъ». — «Но сыновья его не ходили путями его и уклонялись въ корысть».

Не слѣдовали примѣру отца своего. Праведный Самуилъ обходилъ всѣ города израильскіе и творилъ судъ въ каждомъ городѣ. «Изъ года въ годъ онъ ходилъ и обходилъ Веѳиль и Гилгалъ, и Мицпу, и судилъ народъ». Сыновья-же его поступали иначе: сидѣли въ городахъ своихъ неотлучно, дабы увеличивать доходы помощниковъ и писцовъ своихъ.

Они-же и при десятинномъ приношеніи лишнюю мѣру брали, и товарами брали у купцовъ, и всякіе другіе подарки вымогали. *Шаб., 56.*

САУЛЪ

За что удостоился Саулъ царскаго сана? За кроткій нравъ свой.

Когда пропали ослицы у Киса, отца Саулова, Саулъ, взявъ съ собою одного изъ слугъ, отправился на поиски. Обойдя нѣсколько округовъ и придя въ землю Цуфъ, Саулъ сказалъ слугѣ: «Пойдемъ назадъ, чтобы отецъ, оставивъ мысль объ ослицахъ, не сталъ безпокоится *о насъ»:* слугу онъ ставилъ на одинъ уровень съ собою. А чтобы уклониться отъ царской власти, для которой онъ указанъ былъ Самуилу Богомъ, онъ спрятался *въ обозѣ.* *Тосеф.*

*

Когда Саулъ со слугой поднимались въ городъ (гдѣ находился Самуилъ), то встрѣтили дѣвицъ, вышедшихъ черпать воду, и спросили: «Есть-ли здѣсь прозорливецъ?» Тѣ отвѣчали:

— Есть; вотъ онъ впереди тебя; только поспѣшай, ибо онъ сегодня пришелъ въ городъ, потому что сегодня у народа жертвоприношеніе на высотѣ. Когда придете въ городъ, застанете его, пока онъ еще не пошелъ на ту высоту, къ трапезѣ; ибо народъ не начнетъ ѣсть, доколѣ онъ не придетъ; потому что онъ благословитъ жертву и послѣ того станутъ ѣсть званные. Итакъ, ступайте, теперь еще застанете его».

Зачѣмъ онѣ наговорили столько?

— Потому, что женщины болтливы, — отвѣчалъ Равъ.

Р. Самуилъ-же объяснялъ это такъ:

— Чтобы подольше любоваться красотою Саула, про котораго сказано: «Молодой и красивый; и не было никого изъ израильтянъ красивѣе его; онъ отъ плечъ своихъ былъ выше всего народа».

Бер., 48.

*

Подошелъ Саулъ къ Самуилу и спросилъ: «скажи мнѣ, гдѣ домъ провидца?»

— Я — провидецъ, — отвѣчалъ Самуилъ.

И сказалъ Господь Самуилу:

— Ты провидецъ? А Я покажу тебѣ, что ты не провидецъ.

Показалъ это Господь Самуилу при помазаніи на царство отрока Давида: когда Самуилъ, еще не зная, котораго изъ сыновей Іессея избралъ Господь въ цари, увидѣлъ Еліава, онъ сказалъ: «Вѣрно, сей передъ Господомъ помазанникъ Его!» Но Господь сказалъ Самуилу:

— Не смотри на видъ его и на высоту роста его». — «Я смотрю не такъ, какъ смотритъ человѣкъ; ибо человѣкъ смотритъ на лицо, а Господь смотритъ на сердце». *Сифрэ, Мидр.-Сам.*

*

Когда Господь сказалъ Саулу: «Иди и порази Амалика и истреби все, что у него — отъ мужа до жены, отъ отрока до младенца, отъ вола до овцы», — взмолился Саулъ къ Господу, говоря:

— Господи! Если погрѣшилъ человѣкъ, чѣмъ повинно животное? Если грѣшны взрослые люди, чѣмъ дѣти виновны?

Раздался Голосъ Небесный:

— «Не будь слишкомъ милосерднымъ, Саулъ!»

А въ то время, когда Саулъ повелѣлъ Доегу: «Ступай и умертви священниковъ Новійскихъ», Небесный Голосъ воззвалъ:

— «Не будь чрезмѣрно жестокимъ, Саулъ!»

*

«Саулъ и народъ пощадили Агага, царя амаликитянъ».*

— Таковъ порядокъ вещей, — говорилъ по этому поводу р. Іегошуа бенъ Леви: кто милосердъ къ злодѣямъ, тотъ становится злодѣемъ для милосердныхъ. Саулъ, пощадившій Агага, казнилъ священниковъ Новійскихъ. *Іома, 22; Іалк.*

*

«И поклялся ей Саулъ Господомъ».

Саулъ, который именемъ Господа клянется колдуньѣ, подобенъ женщинѣ, которая, находясь у своего возлюбленнаго, клянется ему жизнью своего мужа. *Ваик.-Р., 26; Танх.*

КОНЧИНА САУЛА

Раби Леви училъ:

— Грядущее, вѣкъ за вѣкомъ, показалъ Господь Моисею: каждый вѣкъ съ его судьями, съ его царями и царскими намѣстниками, съ его пророками, мудрецами, вождями, съ его распорядителями и предводителями, съ его насильниками и грабителями. И показалъ ему Господь царя Саула съ его сыновьями, сраженными въ битвѣ.

— Господи! — воскликнулъ Моисей — первый царь надъ дѣтьми Твоими — и ему пасть отъ меча?!

Отвѣчалъ Господь:

— Мнѣ говоришь ты это? Говори священникамъ, которые имъ убиты — этимъ грознымъ обвинителямъ его предо Мною.

*

---

* Заклятѣйшихъ враговъ Израиля.

Раби Іуда говорилъ со словъ Рава:

— За что понесъ кару Саулъ? За-то, что онъ не отстаивалъ достоинства своего. Какъ гласитъ Писаніе: «Негодные люди говорили: «Ему-ли спасать насъ?» И презрѣли его и не поднесли ему даровъ. Но онъ какъ бы не замѣчалъ того».

*

Раби Іуда говорилъ со словъ Самуила:

— Почему столь непродолжительно было царствованіе дома Саулова? Потому, что оно было *совершенно безупречно.*

Ибо — какъ говорилъ раби Іохананъ со словъ раби Симеона бенъ Іегосадока — народъ любитъ, чтобы у тѣхъ, которые получаютъ власть надъ нимъ, волочился не совсѣмъ чистоплотный хвостъ сзади, дабы, когда такой человѣкъ чрезмѣрно зазнаваться начнетъ, можно было-бы сказать ему: «обернись-ка назадъ!» *Іома, 22.*

ДАВИДЪ-ПАСТУХЪ

«Господь испытываетъ праведнаго», — говоритъ Псалмопѣвецъ. Въ качествѣ пастуха испыталъ Господь Давида — и Давидъ оказался превосходнымъ пастухомъ.

«Отъ *дворовъ овчихъ* взялъ его». Отдѣльными отарами пасъ Давидъ овецъ своихъ, давая каждой группѣ болѣе подходящій, по возрасту ея, кормъ: однимъ верхушки кормовыхъ травъ, т. е. болѣе нѣжныя ихъ части, другимъ — срединныя, третьимъ — нижнія части злаковъ.

И сказалъ Господь:

— Кто умѣетъ такъ заботливо вскармливать пасомыхъ имъ, каждаго сообразно потребностямъ его, тотъ да будетъ народнымъ пастыремъ Израиля, — какъ гласитъ стихъ Псалтири: «И отъ доящихъ привелъ его пасти народъ свой, Іакова, наслѣдіе свое, Израиля». *Шем.-Р., 2; Іалк.*

МУДРОСТЬ ГОСПОДНЯ

«Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! — воспѣлъ Давидъ, — премудро все сдѣлалъ Ты». Все сотворенное Тобою — прекрасно, а мудрость прекраснѣе всего. Но Тобою и юродство создано. Для

чего оно? Ходитъ по улицѣ человѣкъ въ отрепьяхъ, мальчишки за нимъ бѣгаютъ, издѣваются надъ нимъ. Пріятно-ли въ очахъ Твоихъ зрѣлище такое?

— Давидъ! — сказалъ въ отвѣтъ Господь, — за то, что юродство существуетъ ропщешь ты на Меня? Клянусь, что тебѣ-же понадобится оно! И ты не только пожелаешь его себѣ, но въ тоскѣ ты станешь, какъ милости, вымаливать его у Меня.

Не долго Давиду ждать пришлось:

Съ мечемъ Голіаѳа, хранившимся дотолѣ въ Скиніи, бѣжалъ Давидъ отъ Саула къ Ахису, царю Геѳскому.

— Давидъ! — послышался Гласъ предупреждающій, — къ Ахису идешь ты? Давно-ли убитъ тобою Голіаѳъ Филистимлянинъ? Еще кровь его не вся въ землю всосалась: братья-же его состоятъ тѣлохранителями при Ахисѣ. И ты рѣшаешься идти туда, да еще мечъ Голіаѳа взялъ съ собою?...

Едва явился Давидъ къ Ахису, братья Голіаѳовы обратились къ царю, говоря:

— Позволь намъ убить убійцу брата нашего.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Ахисъ, развѣ не въ единоборствѣ убилъ брата вашего Давидъ? И не таковъ-ли уговоръ былъ Голіаѳа съ израильтянами: «Выберите у себя человѣка, и пусть пойдетъ ко мнѣ, и если онъ можетъ сразиться со мною и убьетъ меня, то мы будемъ вашими рабами»?

— Если на то пошло, — настаивали они, — то сойди же ты съ трона и уступи ему царство, а мы къ нему въ рабы вступимъ, — вѣдь таковъ, говоришь ты, уговоръ былъ.

Не нашелся Ахисъ что отвѣтить имъ. Устрашенный этимъ, воззвалъ Давидъ къ Господу:

— «Услышь меня, Владыка міра!»

— О чемъ просишь ты, Давидъ? — вопросилъ Господь.

Отвѣчалъ Давидъ Господу:

— Господи! Изъ *онаго* ниспошли на меня...

— А не говорилъ-ли Я тебѣ, Давидъ: не пренебрегай — каяться будешь?...

Притворился Давидъ юродивымъ. Ходитъ и на дверяхъ надписи дѣлаетъ:

«Ахисъ, царь Геѳскій, сто разъ десять тысячъ долженъ мнѣ, да жена его — пятьдесятъ разъ десять тысячъ».

Жена-же Ахиса и дочь ихъ были юродивыми. Шумятъ и кричатъ съ одной стороны, а Давидъ вторитъ имъ съ другой.

— Что-же это, наконецъ! — не выдержалъ Ахисъ и закричалъ на рабовъ своихъ, — развѣ мало у меня своихъ сумасшедшихъ, что вы его еще привели, чтобы онъ юродствовалъ предо мною?

— Могъ-ли я отъ юродства столько ждать для себя? — воскликнулъ съ радостью великою Давидъ. — «Благословлю Господа *во всякое время»:* и въ мудрости моей, и въ юродствѣ моемъ.

Шох.-Т., 33; Іалк.

ШЕРШЕНЬ И ПАУКЪ

Однажды, сидя въ саду, Давидъ увидѣлъ, какъ шершень пожиралъ паука.

— Что за прокъ въ этихъ тваряхъ Твоихъ, Господи? — сказалъ онъ, — шершень портитъ соты, и самъ ничего не производитъ полезнаго; паукъ цѣлый годъ ткетъ, а одѣться не во что.

— Давидъ! — отвѣчалъ Творецъ, — ты издѣваешься надъ твореніями Моими? Придетъ время — и ты нуждаться будешь въ нихъ.

Спасаясь отъ преслѣдованій Саула, скрылся Давидъ въ пещерѣ. Послалъ Господь паука, и тотъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру. Пришелъ Саулъ и видитъ: входъ паутиной затканъ.

— Очевидно, — рѣшилъ онъ, — въ эту пещеру никто не входилъ, иначе паутина была-бы разорвана въ клочки.

И удалился, не входя въ пещеру.

Выйдя изъ своего убѣжища и увидавъ, въ чемъ дѣло, Давидъ готовъ былъ расцѣловать паука.

— Благословенъ, — сказалъ онъ, — Создавшій тебя, благословенъ будь и ты!

Послѣ этого случая, узналъ Давидъ, что Саулъ расположился на холмѣ Гахила, и пошелъ въ то мѣсто. Саулъ спалъ въ шатрѣ, и тутъ-же лежалъ Авениръ, военачальникъ Саула. Авениръ былъ роста исполинскаго и тѣломъ своимъ занималъ все пространство вдоль шатра, такъ, что голова его была у одного входа въ шатеръ, а ноги достигали противоположнаго входа. Когда явился Давидъ, Авениръ лежалъ держа ноги согнутыми въ колѣняхъ, и Давидъ прошелъ подъ колѣнями его, а въ ту минуту, когда Давидъ, съ копьемъ Саула и сосудомъ съ водою, собирался уходить, Авениръ

вдругъ началъ выпрямлять ноги, какъ двѣ гигантскія колоды, опуская ихъ надъ Давидомъ.

Воззвалъ Давидъ къ Господу:

— «Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставилъ меня?»

Навелъ Господь шершня на Авенира; ужаленный исполинъ снова согнулъ ноги, — и Давидъ могъ свободно выйти изъ шатра.

И воспѣлъ Давидъ хвалу Господу:

«Кому подобное свершить?
Господь-Благоподатель!
Прекрасны всѣ дѣянія Твои». *А.-б. д. Сира.*

ГУСЛИ ДАВИДА

«Въ полночь встаю я, чтобъ славить Тебя».

Гусли висѣли надъ ложемъ Давида, противъ отверстій оконныхъ. Когда наступала полночь, дуновеніе сѣвернаго вѣтра проходило, шевеля струны гуслей и онѣ сами собою звучать начинали. Тогда вставалъ Давидъ съ ложа и все время до наступленія утренней зари проводилъ въ изученіи Мудрости Господней.

О томъ, — говорилъ равъ Исаакъ баръ равъ Ада, — и гласитъ стихъ Псалмопѣвца:

«Воспрянь, слава моя, —
Воспрянь, псалтырь и гусли!
И встану я рано,
Чтобъ славить Тебя,
Господь мой!»

*

«Да буду вѣчно я въ Твоемъ жилищѣ жить,
Покоиться подъ кровомъ крылъ Господнихъ».

Могъ-ли надѣяться Давидъ жить *вѣчно?* Нѣтъ, не личнаго безсмертія просилъ онъ у Господа, но о томъ лишь была молитва его, чтобы пѣснопѣнія и славословія его вѣчно звучали въ храмахъ Господнихъ.

*

Сказаніе гласитъ:

Заключивъ книгу «Псалтирь», возгордился Давидъ и воскликнулъ передъ Господомъ:

— Творецъ! Есть-ли другой на свѣтѣ, который подобно мнѣ сумѣлъ-бы воспѣть славу Тебѣ?

Явилась тутъ лягушка и сказала:

— Не спесивься, Давидъ! Кваканьемъ своимъ я больше чѣмъ ты славословлю Господа... *Бер., 3; Іеруш.; П. Шира.*

ДАВИДЪ И ЕСВІЙ

Былъ тамъ (во время войны филистимлянъ съ израильтянами) «Іесвій изъ Нова, одинъ изъ потомковъ исполиновъ, у котораго копье было вѣсомъ въ триста сиклей мѣди».

«Іесвій изъ Нова» — по объясненію равъ Іуды со словъ Рава: человѣкъ, появленіе котораго на пути Давида находилось въ связи съ извѣстнымъ событіемъ въ городѣ Новѣ*.

— «Давидъ, — сказалъ Господь, — доколѣ грѣху новійскому тяготѣть надъ тобою? Изъ-за тебя убиты были священники новійскіе, изъ-за тебя Доегъ Идумеянинъ лишился удѣла въ жизни вѣчной**, изъ-за тебя-же пали Саулъ и трое сыновей его. Выбирай одно изъ двухъ: либо прекратиться роду твоему, либо тебѣ попасть въ руки врага.

— Владыка! — отвѣчалъ Давидъ — лучше, чтобъ я попалъ въ руки врага, нежели прекратился-бы родъ мой.

И было послѣ этого — вышелъ Давидъ на звѣриную ловлю. Предсталъ ему сатана въ образѣ оленя быстроногаго. Пустилъ Давидъ стрѣлу, но промахнулся, кинулся преслѣдовать его, пока, увлекаемый оленемъ, не достигъ до земли филистимской. Увидалъ его тамъ Іесвій.

— Вотъ онъ, — сказалъ Іесвій, — тотъ, которымъ убитъ братъ мой Голіаѳъ!

---

* См. слѣдующее примѣчаніе.

** Новійскій священникъ Ахимелехъ снабдилъ Давида провизіей, за неимѣніемъ простого хлѣба отдавъ ему священные Хлѣбы Предложенія. Узнавъ объ этомъ, Саулъ обвинилъ новійскихъ священниковъ въ измѣнѣ и повелѣлъ Доегу умертвить ихъ всѣхъ до единаго.

Связалъ Іесвій Давида, поволокъ и, бросивъ въ давильню, придавилъ его прессовальнымъ бревномъ. Произошло чудо: земля подъ Давидомъ опустилась, и онъ остался невредимымъ.

День тотъ былъ канунъ субботы. Авесса, сынъ Серуи*, мылъ голову въ чашѣ вмѣстимостью въ четыре саа**. Въ это время прилетѣлъ голубь и началъ хлопать надъ нимъ крыльями.

Встревожился Авесса.

— Кенесетъ-Израиль*** — сказалъ онъ — уподоблена голубю: «Вы стали какъ голубица, которой крылья покрыты серебромъ, а перья чистымъ золотомъ». Появленіе этого голубя знаменуетъ, что царь нашъ Давидъ находится въ опасности.

Пошелъ Авесса въ царскій домъ; Давида тамъ не было; послалъ въ академію — и тамъ его не оказалось.

— По правиламъ, — разсуждалъ Авесса — постороннему воспрещается ѣздить на царскомъ конѣ, садиться на тронъ и употреблять скипетръ царскій. Однако, запрещено-ли это и въ тѣхъ случаяхъ, когда личности царя грозитъ опасность? Запросилъ объ этомъ Авесса въ академіи. Тамъ отвѣтили: «въ случаѣ опасности для царя запрещеніе это недѣйствительно».

Сѣлъ Авесса на царскаго мула и отправился въ путь, а пространство, которое ему предстояло проѣхать, сократилось само собою****. По пути встрѣтилась ему Ерѳа, мать Іесвія, сидѣвшая въ то время за прялкой. Завидя Авессу, она метнула въ него веретеномъ, но промахнулась.

— Послушай, — крикнула она, — подай-ка мое веретено.

Метнулъ Авесса веретено, попалъ ей въ темя и умертвилъ ее.

Увидѣлъ Іесвій Авессу и сказалъ!

— Теперь ихъ двое (т. е. Давидъ и Авесса) и они убьютъ меня.

Воткнулъ онъ капье свое въ землю, остріемъ вверхъ, схватилъ Давида и взбросилъ его на воздухъ такъ, чтобы онъ, падая, накололся на остріе. Произнесъ Авесса Шемъ-Гамфорашъ — и Давидъ повисъ въ воздухѣ между небомъ и землей.

---

* Одинъ изъ военачальниковъ Давидовыхъ, человѣкъ исполинскаго роста и силы богатырской.

** Древняя мѣра сыпучихъ тѣлъ.

*** Народъ Израильскій.

**** Популярное въ сказочныхъ повѣствованіяхъ: «kefizat haderech». Представленіе обратное понятію путепрохожденія: не человѣкъ проходитъ данное разстояніе, но это послѣднее сокращается со сказочной скоростью.

— Какъ ты попалъ сюда? — спросилъ Авесса.

Разсказалъ Давидъ о томъ, что говорилъ Господь и что онъ, Давидъ, отвѣтилъ Господу, предпочтя, чтобы кара постигла его самого, но не коснулась потомства его.

— Помолись объ обратномъ, — сказалъ, выслушавъ его, Авесса; — потомки твои пускай хотя «воскомъ торгуютъ», лишь-бы ты не страдалъ!...

— Помоги-же ты мнѣ молитвой своей!

«И помогъ ему Авесса, сынъ Саруинъ»: произнесъ Шемъ-Гамфорашъ — и Давидъ невредимо всталъ на ноги.

Кинулся Іесвій преслѣдовать ихъ.

Ступай, — крикнули они ему — къ Ерѳѣ, родительницѣ твоей, — въ могилѣ ты найдешь ее.

При этихъ словахъ упали силы Іесвія, и Давидъ съ Авессою умертвили его.

Послѣ опасности, какой подвергся Давидъ, люди его поклялись, говоря:

— «Не выйдешь больше съ нами на войну, чтобы не угасъ свѣтильникъ Израиля». *Санг., 95.*

*

Отъ полонянокъ, находившихся въ царскомъ гаремѣ, у Давида родилось четыреста сыновей. Всѣ они, вопреки іудейскому закону, выбривали волосы на вискахъ, а на затылкѣ заплетали ихъ въ косы; заставляли носить себя въ золотыхъ паланкинахъ и въ арміи занимали мѣста начальниковъ и командировъ; всѣ они были задиры и драчуны, наводившіе ужасъ на окружающихъ. *Кид., 76.*

КОНЧИНА ДАВИДА

«Открой мнѣ, Господи, моей кончины часъ
И мѣру дней моихъ повѣдай», —

взывалъ Давидъ къ Господу.

— Положено Мною, — отвѣчалъ Господь, — чтобы ни единому смертному не вѣдомъ былъ часъ кончины его.

— Долго-ли мнѣ жить осталось?

— И этого смертному не открываютъ.

— Въ который день недѣли умру я?

— Въ день субботній.

— Господи! Дай мнѣ умереть въ первый день будней.

— День вступленія на царство сына твоего Соломона уже давно опредѣленъ, а царствованіе одного не можетъ быть въ ущербъ царствованію другого ни на единый волосъ.

— Господи! Дай мнѣ умереть въ канунъ субботы.

Отвѣчалъ Господь:

— «Единый день въ селеніяхъ Твоихъ
Дороже тысячи» —

гласитъ псаломъ твой. Давидъ, одинъ лишній день, который ты проведешь въ изученіи Святой Истины, дороже для Меня тысячи грядущихъ всесожженій сына твоего Соломона. *Шаб., 39.*

*

Отчеканенныя Давидомъ монеты имѣли изображеніе: съ одной стороны — пастушескихъ посоха и сумы, съ другой — крѣпостной башни. *Бер.-Р., 39.*

МУДРОСТЬ СОЛОМОНА

Въ Гаваонѣ явился Господь Соломону во снѣ ночномъ и сказалъ: «Проси, что дать тебѣ».

— «Даруй рабу твоему сердце разумное», — отвѣчалъ Соломонъ.

Притча раби Симеона бенъ Халафты:

— У царя былъ совѣтникъ, котораго царь отличалъ особымъ благоволеніемъ.

— Проси, что дать тебѣ, — сказалъ ему однажды царь.

Подумалъ совѣтникъ царскій: попрошу серебра и золота, царь дастъ мнѣ; драгоцѣнныхъ камней и жемчуга — онъ и въ этомъ не откажетъ. Попрошу я лучше царевну въ невѣсты: вмѣстѣ съ нею придетъ и все остальное. — Такъ и Соломонъ: попрошу я лучше, — рѣшилъ онъ, — разума у Господа, а съ разумомъ я и всего достигну.— Господь и сказалъ Соломону:

— «За то что ты просилъ разума и не просилъ себѣ жизни долгой, богатства, побѣды надъ врагами, — Я сдѣлаю по слову твоему, и то, чего ты не просилъ, Я дамъ тебѣ». *Ш.-Гаш. Р.*

«МУДРѢЕ ВСѢХЪ ЛЮДЕЙ»

«Онъ былъ мудрѣе всѣхъ людей».

Надъ всѣми царями былъ страхъ его.

Народы и племена становились его данниками, враги и ненавистники — друзьями его.

Богатъ и могучъ, владѣлецъ безчисленныхъ угодій, серебра и золота въ количествахъ несмѣтныхъ — онъ притчи разъяснялъ, давалъ постигать сокровенное, повѣдывалъ тайны глубины безпредѣльной.

Имя его гремѣло среди властелиновъ, среди мудрыхъ — подвиги его.

Цари приходили на лицо его глядѣть, слова мудрости жадно слушать изъ устъ его.

Къ нему, праведному и чистому, вѣдающему таинства небесныя, посылали вельможи въ слуги и служанки сыновей и дочерей своихъ.

Рыбы морскія, птицы небесныя, животныя и звѣри полевые сами приходили на бойни, чтобы быть закланными для стола Соломонова.

Ему былъ данъ великій ключъ ко всѣмъ вратамъ мудрости и разума сердечнаго.

Онъ разумѣлъ языкъ птицъ и животныхъ, и звѣрей полевыхъ.

Олени и газели были его скороходами, львы и барсы — оруженосцами его. *Тарг. Ш.*

ЧЕЛОВѢКЪ О ДВУХЪ ГОЛОВАХЪ

Однажды предсталъ предъ Соломономъ царь дьяволовъ, Асмодей, и сказалъ:

— Тотъ-ли ты, о которомъ написано, что онъ всѣхъ людей мудрѣе?

— Да, отвѣчалъ Соломонъ, такъ обѣщано мнѣ Господомъ.

— А не желаешь-ли, — продолжалъ Асмодей, — я покажу тебѣ нѣчто, чего ты сроду не видалъ.

— Покажи.

Простеръ Асмодей руку свою къ странѣ «Тевель» — и предъ Соломономъ появился человѣкъ о двухъ головахъ съ двумя парами глазъ. Дрожь прошла по тѣлу у Соломона, и, не въ силахъ преодолѣть тревожное чувство, онъ проговорилъ:

Отведите его въ комнату ко мнѣ.

Призвалъ Соломонъ Бенаю, сына Іегоіады*, и говоритъ:

— Какъ полагаешъ ты, есть *подъ нами* люди?

— Душею твоей, государь, клянусь — утверждать не могу; слыхалъ только отъ Ахитофеля, что гдѣ-то тамъ, подъ нами, люди живутъ.

— А что-бы ты сказалъ, если-бы я показалъ тебѣ такого человѣка?

— Но возможно-ли это? Глубина земли нашей — пятьсотъ лѣтъ пути, да между нашей землей и *той* землей тоже пятьсотъ лѣтъ пути.

Послалъ Соломонъ, и привели того человѣка. Увидя его, палъ Беная на лицо свое и произнесъ:

— «Благословенъ Господь, Царь вселенной, давшій мнѣ дожить и просуществовать, сохранивъ меня до сего времени!**».

— Какого ты рода и племени? — спросилъ Соломонъ, обращаясь къ двуглавому человѣку.

— Изъ рода Адама я, изъ потомковъ Каиновыхъ, — отвѣчалъ двуглавый человѣкъ.

— Гдѣ обитаете вы?

— Въ странѣ «Тевель».

— Есть у васъ солнце и луна.

— Есть.

— Съ которой стороны всходитъ солнце у васъ и на которой заходитъ оно?

— Восходитъ съ Запада и заходитъ на Востокѣ.

— Чѣмъ занимаетесь вы?

— Пашемъ, жнемъ и стада пасемъ.

— Молитесь вы?

— Да.

— О чемъ гласитъ молитва ваша?

— «Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все премудро содѣлано Тобою».

— Если желаешь, — сказалъ Соломонъ, — мы возвратимъ тебя въ страну твою.

---

* Одинъ изъ военачальниковъ Давидовыхъ.

** Бенедикція «Schehechjonu», произносимая при совершеніи нѣкоторыхъ ритуальныхъ отправленій, при отвѣдываніи въ первый разъ въ сезонѣ плодовъ, а также при видѣ, въ первый разъ, рѣдкаго явленія природы.

— Окажите милость, возвратите меня туда.

Призвалъ Соломонъ Асмодея и сказалъ:

— Ступай и отведи его обратно.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Асмодей, — во вѣки уже я не могу отвести его обратно.

*

Видя, что ему уже не вернуться въ прежнее мѣсто свое, двуглавый человѣкъ взялъ себѣ жену и остался жить на землѣ.

Жена родила ему семерыхъ сыновей; шестеро уродились въ мать, вида обыкновеннаго, седьмой-же уродился въ отца — о двухъ головахъ и двухъ парахъ глазъ.

Человѣкъ изъ страны «Тевель» занялся землепашествомъ и сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей на свѣтѣ.

*

Прошли годы. Человѣкъ тотъ умеръ, оставивъ имѣніе дѣтямъ своимъ.

Между наслѣдниками возникъ споръ. Шестеро изъ нихъ говорили:

Насъ всѣхъ семеро братьевъ, и наслѣдство должно быть раздѣлено на семь частей.

Седьмой-же, тотъ, что о двухъ головахъ, говорилъ:

— Нѣтъ, восьмеро насъ, и я имѣю право на двѣ доли въ наслѣдствѣ.

Пришли всѣ къ Соломону и сказали:

— Государь, царь нашъ! Насъ всѣхъ семеро, а братъ нашъ, который о двухъ головахъ, говоритъ, что насъ восьмеро и что наслѣдство послѣ нашего отца должно быть раздѣлено на восемь долей, изъ коихъ двѣ доли онъ требуетъ для себя.

Созвалъ Соломонъ членовъ Синедріона и спросилъ:

— Какъ вы разсудите дѣло это?

Не могъ Синедріонъ дать отвѣта.

— Завтра поутру придите вторично, — сказалъ Соломонъ тяжущимся.

Когда настала полночь, пришелъ Соломонъ въ храмъ и воззвалъ къ Господу:

— «Владыка «міра! Открывшись мнѣ въ Гаваонѣ, Ты сказалъ: проси, что дать тебѣ. Не просилъ я ни серебра, ни золота, только мудрости просилъ я, чтобы судить людей правдиво».

Отвѣчалъ Господь:

— Утромъ просвѣщу мудростью тебя.

На утро собралъ Соломонъ всѣхъ членовъ Синедріона и сказалъ: «Введите двуглаваго человѣка».

Его ввели.

— Вотъ, — сказалъ Соломонъ, — сдѣлаемъ испытаніе: если у этого человѣка одна его голова воспринимаетъ и чувствуетъ то, что происходитъ съ другой его головой, тогда онъ долженъ быть сочтенъ за одного человѣка, если нѣтъ, то слѣдовательно, это — два отдѣльныхъ человѣка. — Принесите горячей воды, — повелѣлъ Соломонъ.

Когда вода была принесена, Соломонъ велѣлъ вылить ее на одну голову того человѣка.

— Государь! Государь! — завопили обѣ головы, — *мы* умираемъ! *Мы* умираемъ!»

При видѣ этого, исполнились всѣ изумленіемъ передъ Соломономъ.

Бетъ-Гам.

СПОРЪ МЕЖДУ ЧЕЛОВѢКОМЪ И ЗМѢЕЙ

Шелъ полемъ человѣкъ, неся кувшинъ съ молокомъ. Встрѣтилась ему змѣя, стонавшая отъ мучительной жажды.

— О чемъ стонешь ты? — спросилъ человѣкъ.

— Изнемогаю отъ жажды, — отвѣчала змѣя, — а у тебя что это въ кувшинѣ?

— Молоко.

— Дай мнѣ испить молока, и я укажу тебѣ мѣсто, гдѣ кладъ зарытъ.

Далъ человѣкъ змѣѣ молока напиться.

— Укажи-же мнѣ кладъ, о которомъ ты обѣщала, — сказалъ человѣкъ.

— Слѣдуй за мною, — отвѣтила змѣя, — и, приведя его къ одному большому камню, сказала: вотъ, подъ этимъ камнемъ лежитъ кладъ.

Сдвинулъ человѣкъ камень, разрылъ землю и, доставъ кладъ, направился къ дому своему. Что-же сдѣлала змѣя? Всползла и обвилась у него вокругъ шеи.

— Что это ты дѣлаешь? — закричалъ человѣкъ.

— Умертвить тебя хочу, — отвѣчала змѣя, — за то, что ты сокровище мое забралъ.

— Идемъ на судъ къ Соломону, — предложилъ человѣкъ.

— Идемъ, — сказала змѣя, но осталась по прежнему обвитою вокругъ шеи у него.

Обратился человѣкъ съ мольбою къ Соломону.

— Чего желаешь ты? — спросилъ Соломонъ змѣю.

— Умертвить его.

Отвѣчалъ Соломонъ:

— Прежде всего, сойди съ шеи его долой: не подобаетъ, чтобы ты распоряжалась имъ болѣе, нежели я, въ то время, когда вы судиться ко мнѣ пришли.

Сползла змѣя на полъ.

— Теперь, — сказалъ Соломонъ змѣѣ, — говори, я слушаю.

— Я требую, — начала змѣя, — чтобы мнѣ дано было умертвить его, въ исполненіе сказаннаго Господомъ: «Ты будешь жалить его въ пяту».

— А о тебѣ, — сказалъ Соломонъ человѣку, — Господомъ заповѣдано: «онъ будетъ поражать змѣю въ голову».

Въ одно мгновеніе человѣкъ разможжилъ змѣѣ голову.

Отсюда — поговорка: «И лучшей изъ змѣй голову разможжи».

Введ. къ Танх.-Гак.

КОТОРЫЙ ИЗЪ ТРЕХЪ?

Шли дорогой три странника. Наступилъ канунъ субботы. Сговорились странники и спрятали бывшія при нихъ деньги въ одномъ мѣстѣ. Въ полночь одинъ изъ нихъ всталъ и, взявъ деньги, запряталъ ихъ въ другое мѣсто. Въ исходѣ субботняго дня пошли странники взять деньги и, не найдя ихъ, начали обвинять другъ друга въ кражѣ. Рѣшили пойти на судъ къ Соломону.

Выслушавъ разсказъ странниковъ, Соломонъ предложилъ имъ за рѣшеніемъ явиться на другой день, а самъ сталъ придумывать,

какимъ образомъ обнаружить вора, заставивъ его самого уличить себя. Когда странники снова явились на судъ, Соломонъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— Слышалъ я о васъ, что вы люди просвѣщенные, мудрые и въ дѣлахъ спорныхъ опытные, и я прошу васъ разсудить дѣло, съ которымъ обратился ко мнѣ одинъ царь. Въ странѣ этого царя росли въ сосѣдствѣ отрокъ и дѣвушка. Полюбили они другъ друга, и сказалъ отрокъ дѣвушкѣ:

— Поклянись мнѣ въ томъ, что не станешь ничьей женою прежде, чѣмъ я не дамъ на то своего согласія.

Дѣвушка поклялась. Черезъ нѣкоторое время ее обручили съ другимъ человѣкомъ. Послѣ вѣнца, когда молодые остались наединѣ, невѣста заявила жениху:

— Я не могу сдѣлаться твоей женою до тѣхъ поръ, пока не пойду къ первому жениху моему, которому я поклялась, и не получу его согласія на это.

Придя къ первому жениху, она сказала:

— Возьми съ меня большой выкупъ серебромъ и золотомъ и разрѣши мнѣ стать женою того, съ кѣмъ меня повѣнчали.

— Такъ какъ ты осталась вѣрна клятвѣ своей, — отвѣтилъ тотъ,— я не возьму никакого выкупа. Иди, ты свободна.

А молодому мужу, который былъ тутъ-же, онъ сказалъ:

— Радуйся въ мирѣ долѣ своей.

На обратномъ пути на нихъ напали разбойники. Между разбойниками былъ одинъ старикъ, который, недовольствуясь ограбленными деньгами и украшеніями, потребовалъ любовныхъ ласкъ отъ молодой женщины.

— Позволь мнѣ, — взмолилась она къ разбойнику, —разсказать тебѣ объ одномъ случаѣ въ моей жизни.

И она разсказала исторію перваго своего сватовства и то, какъ поступили оба жениха ея.

— Подумай-же, — прибавила она въ заключеніе, — тотъ юноша, который имѣлъ всѣ права на меня, преодолѣлъ свою страсть и не дотронулся до меня, тебѣ, человѣку старому, тѣмъ болѣе слѣдуетъ обуздать себя. Оставь себѣ все серебро и золото, только освободи меня съ мужемъ моимъ.

Выслушавъ разсказъ ея, разбойникъ поднялъ глаза къ небу и, глубоко раскаявшись въ томъ, что онъ, уже стоящій на краю мо-

гилы, намѣривался сдѣлать, не только отпустилъ молодую чету на свободу, но и возвратилъ полностью всѣ ограбленныя у нея деньги и драгоцѣнности, до послѣдней мелочи.

— Царь, — прибавилъ Соломонъ, — въ странѣ котораго случай этотъ произошелъ, спрашиваетъ меня, кто изъ замѣшанныхъ въ этой исторіи, заслуживаетъ высшей похвалы? И вотъ, я васъ прошу помочь мнѣ разсудить это дѣло.

— Государь, — отвѣтилъ одинъ изъ странниковъ, — по моему, высшей похвалы заслуживаетъ невѣста, оставшаяся вѣрной своей клятвѣ.

Второй сказалъ:

— Высшей похвалы достоенъ молодой мужъ, который сумѣлъ удержаться отъ искушенія и не дотронулся до нея прежде, чѣмъ первый женихъ не освободилъ ее отъ клятвы.

— Это что! — воскликнулъ третій изъ странниковъ, — болѣе всего я удивляюсь разбойнику: подумайте только, мало того, что онъ плѣнницы не тронулъ, деньги, всѣ деньги, которыя уже были у него въ рукахъ, обратно отдалъ!...

И сказалъ царь Соломонъ:

— Этотъ послѣдній съ такимъ восторгомъ говоритъ о деньгахъ, которыхъ онъ и не видалъ даже, а только слышитъ о нихъ; какъже онъ способенъ былъ поступить съ тѣми деньгами, которыя очутились въ его рукахъ?

Заключенный, по повелѣнію Соломона, въ темницу, человѣкъ этотъ, дѣйствительно, сознался и указалъ мѣсто, гдѣ спряталъ украденныя деньги. *Мид. Ас. Гад.*

СОЛОМОНЪ И МУДРОСТЬ ЕГИПЕТСКАЯ

«И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сыновъ востока и всей мудрости египтянъ».

Въ чемъ состояла мудрость египтянъ?

Когда Соломонъ рѣшилъ приступить къ построенію храма, онъ послалъ къ фараону Нехо съ просьбой прислать, за извѣстную плату, искуссныхъ мастеровъ для этой постройки. Что сдѣлалъ фараонъ? Призвалъ астрологовъ и сказалъ имъ такъ:

— Наблюдайте по звѣздамъ и укажите мнѣ тѣхъ изъ зодчихъ, которымъ предопредѣлено умереть въ этомъ году, ихъ-то я и пошлю къ Соломону.

Когда люди, посланные фараономъ, явились къ Соломону, «мудрѣйшій изъ людей» узрѣлъ черезъ Духа Святого, что людямъ этимъ назначено умереть въ томъ-же году. Далъ имъ Соломонъ каждому по савану и отправилъ ихъ обратно съ письмомъ, въ которомъ онъ писалъ фараону:

«У тебя, повидимому, не достаетъ савановъ для погребенія покойниковъ. Получай людей своихъ обратно вмѣстѣ съ саванами».

Бам.-Р., 19; Песик.

ХРАМЪ И ДОМЪ СОЛОМОНОВЪ

Былъ у Соломона чудесный червь, носившій названіе «Шамиръ». Червь этотъ обладалъ свойствами тесла и гранила. Помощью «Шамира» обтесывался строевой камень для храма и дома Соломонова и производилось граненіе драгоцѣнныхъ камней для хошена.

Червь былъ величиною съ ячменное зерно, и самые твердые предметы не могли противостоять его чудеснымъ свойствамъ. Сохраняли его завернутымъ въ шерстяную вату въ свинцовомъ сосудѣ, наполненномъ ячменными отрубями.

«Шамиръ» былъ принесенъ къ Соломону орломъ изъ рая, гдѣ этотъ червь хранился съ вечера шестого дня творенія*.

Сот., 45; Шох.-Т.

*

«И сдѣлалъ онъ въ храмѣ окна съ откосами».

Такіе откосы дѣлаются обыкновенно отъ наружной стороны стѣны къ внутренней ея сторонѣ, чтобы дать свѣту извнѣ широко разливаться по внутренности зданія. Окна-же въ храмѣ имѣли откосъ въ обратномъ направленіи, ибо *изъ* храма этого исходилъ божественный свѣтъ, озарявшій весь міръ. *Танх.; Іалк.*

*

---

* См. далѣе, гл. XXIV.

«Построилъ также Соломонъ домъ Дубравы Ливанской».

По преданію отъ р. Ошайи, въ храмѣ были посажены Соломономъ деревья, сдѣланныя изъ чистаго золота, подобіе деревьевъ, приносящихъ нѣжнѣйшіе плоды. Золотыя деревья своевременно давали плоды, которые при дуновеніи вѣтра спадали, — какъ сказано: «шумѣли подобно лѣсу Ливанскому». Плоды эти поступали на иждивеніе духовенства. Когда-же въ храмъ Господень вторглись иноплеменные, деревья тѣ лишены были чудесной производительности своей — «поблекъ цвѣтъ на Ливанѣ». Но возвратится это въ грядущемъ:

«Возликуетъ степь безводная;
Расцвѣтетъ, какъ лилія, пустыня,
И Ливана слава дастся ей». *Наумъ, XXXV.*

*

За все время, пока строился храмъ, никто изъ участвовавшихъ въ работѣ не умеръ и не болѣлъ, и не поломано было ни одного заступа, ни одного топора и никакого другого орудія.

Іома, 21; Песик.-Р.

ПРЕСТОЛЪ СОЛОМОНА

«И сдѣлалъ царь большой престолъ изъ слоновой кости». Престолъ былъ покрытъ лучшимъ золотомъ изъ Офира и осыпанъ жемчугомъ, ониксомъ, опалами, топазами, смарагдами, карбункулами и другими самоцвѣтными каменьями бѣлыхъ, зеленыхъ и красныхъ тоновъ.

Устройства престолъ былъ такого:

Верхъ — закругляющійся сзади высоко надъ сидѣніемъ. Ступеней — шесть, и на нихъ фигуры изъ чистаго золота. На первой ступени лежатъ: съ одной стороны — левъ, съ другой — волъ. На второй ступени — волкъ и ягненокъ. На третей — леопардъ и козленокъ. На четвертой — медвѣдь и олень. На пятой — орелъ и голубь. На шестой — ястребъ и воробей. Спинка заканчивалась фигурою горлицы держащей въ коготкахъ ястреба.

Надъ верхнимъ закругленіемъ — свѣтильникъ со всѣми принадлежностями его: свѣтильнями, щипцами, пепельницами, ча-

шечками и чеканными цвѣтами. Съ правой стороны его семь стеблей съ именами семи патріарховъ рода человѣческаго: Адама, Ноя, Сима первороднаго, Авраама, Исаака и Іакова, и Іова съ ними. И съ лѣвой стороны семь стеблей, а на нихъ имена семи праведниковъ вселенскихъ: Левія, Кааѳа, Амрама, Моисея, Аарона, Елдада и Медада, и Хура съ ними. На верху свѣтильника утверждено было золотое елеехранилище, откуда брался елей для храмовыхъ лампадъ, а подъ нимъ — большая чаша съ елеемъ для возжиганія этого-же свѣтильника; на чашѣ начертано было: «Элій», на двухъ стебляхъ отъ нея — имена сыновей Элія: «Офни» и «Финеасъ», а на сточныхъ трубкахъ внутри стеблей: «Надавъ» и «Авігу».

По бокамъ престола были двѣ каѳедры — для первосвященника и для намѣстника его, и семьдесятъ каѳедръ передъ трономъ — для семидесяти старѣйшинъ, судей Синедріона.

Въ уровень съ висками возсѣдающаго — фигуры двухъ наядъ.

Съ обѣихъ сторонъ престола расположены были двадцать четыре виноградныхъ лозы, образующихъ сѣнь надъ нимъ; за лозами — декорированыя тканями бѣлаго виссона финиковыя пальмы, и на нихъ павлины изъ слоновой кости.

Тутъ-же, полыя внутри, фигуры двухъ львовъ, наполненныя благовоніями. Благовонія начинали сочиться при восхожденіи Соломона по ступенямъ трона.

Внутри престола помѣщался механизмъ, который приходилъ въ дѣйствіе едва царь ступитъ ногою на первую ступень. Въ туже минуту левъ протягивалъ лапу, волъ ногу, и царь, опираясь на нихъ, какъ на перила, поднимался на слѣдующую ступень. Тоже самое повторялось на каждой изъ шести ступеней. Когда царь достигалъ верхней ступени, слетали орлы и усаживали его на тронъ, послѣ чего крупнѣйшій изъ орловъ возлагалъ вѣнецъ на голову его.

Въ эту минуту приходилъ въ движеніе скрытый въ механизмѣ серебряный змѣй, — львы и орлы укрѣпляли балдахинъ надъ царемъ, а помѣщавшійся на особой колонѣ голубь поднимался со своего мѣста, открывалъ ковчегъ и вынутый оттуда Свитокъ Завѣта клалъ на руки Соломону. Тогда первосвященникъ со старѣйшинами, привѣтствуя царя, занимали мѣста свои по обѣимъ сторонамъ царя и приступали къ дѣламъ судебнымъ.

Появленіе лжесвидѣтелей вызывало особое дѣйствіе всѣхъ механизмовъ: колеса ихъ начинали вращаться съ необыкновенной

быстротой и силой. Мычаніе воловъ, рычаніе львовъ и тигровъ и ревъ медвѣдей сливались съ блеяніемъ ягнятъ, воплями козлятъ, крикомъ ястребовъ, щебетомъ воробьинымъ. Волки, олени, орлы, павлины метались изъ стороны въ сторону... Трепетъ и ужасъ охватывали лжесвидѣтелей: «Изъ за насъ, — говорили они, — міръ весь рухнетъ!» — и невольно начинали одну чистую правду показывать.

*

Впослѣдствіи престолъ этотъ былъ взятъ, вмѣстѣ съ другой добычей, фараономъ Нехо и отвезенъ въ Египетъ. Въ ту минуту, когда фараонъ ступилъ на первую ступень, поднялъ левъ лапу и такъ сильно ударилъ его въ бедро, что онъ на всю жизнь остался хромоногимъ. Отсюда и названіе его *Нехо**. Изъ Египта престолъ былъ увезенъ нечестивымъ Навуходоносоромъ въ Вавилонъ, и, при первой попыткѣ взойти на престолъ, левъ ударомъ лапы повергъ Навуходоносора на землю. Послѣ разрушенія Вавилона престолъ былъ взятъ Даріемъ и увезенъ въ Мидію, но садиться на него Дарій и не пытался. Въ Египетъ престолъ былъ привезенъ Александромъ Македонскимъ, взятъ оттуда Енифономъ**, при чемъ, во время перевозки его на суднѣ, повреждена была одна изъ ножекъ, и ни одному мастеру въ мірѣ починить ее не удалось.

Аба-Гур.; Пон.-Ах.; Тарг.-Ш.

ЦАРИЦА САВСКАЯ

Однажды, «когда развеселилось сердце Соломона отъ вина», созвалъ онъ царей ближайшихъ странъ, восточныхъ и западныхъ.

Звуками арфъ, кимваловъ, бубней и гуслей капеллы Давидовой оглашался чертогъ царскій. Желая предстать передъ тѣми царями во всемъ величіи и могуществѣ своемъ, Соломонъ повелѣлъ и птицамъ небеснымъ, и звѣрямъ полевымъ, и пресмыкающимся, и бѣсамъ, и оборотнямъ, и дьяволицамъ явиться и хороводъ устроить передъ нимъ. Писцы царскіе по именамъ и названіямъ вызывали ихъ, и всѣ, какъ земныя существа, такъ и духи, тотчасъ-же и безъ всякаго принужденія, появлялись передъ Соломономъ.

*

* Nache — искалѣченный; neche-raglajm — хромоногій.

** Изъ династіи Селевкидовъ.

Среди пернатыхъ не оказалось одной птицы, пѣтуха Баръ*. Разгнѣванный ея ослушаніемъ, Соломонъ повелѣлъ разыскать эту птицу и подвергнуть ее строжайшему наказанію.

Приведенный къ Соломону, пѣтухъ Баръ разсказалъ слѣдующее:

— «Государь, царь міра! Выслушай меня и соблаговоли вникнуть въ то, что я повѣдаю тебѣ. Уже три мѣсяца, какъ я задался одной мыслью, настолько овладѣвшей всѣмъ существомъ моимъ, что я ни до ѣды, ни до питья не дотрагивался во все это время: облечу, рѣшилъ я, весь міръ, погляжу, есть-ли на свѣтѣ страна или царство, непокорныя власти твоей, государь.

«Послѣ долгихъ наблюденій я нашелъ такое мѣсто; это «Градъ Киторъ» въ землѣ Восточной. Прахъ этой земли цѣннѣе золота; серебра-же, что мусоръ, на улицѣ валяется. Деревья, тамъ растущія, посажены еще въ первые дни творенія и орошеніе получаютъ отъ водъ эдемскихъ. Дружинъ множество имѣется въ той странѣ, и воины носятъ вѣнцы на головахъ, но войну вести не обучены и даже стрѣлять изъ лука не умѣютъ.

«И еще я видѣлъ тамъ: царствуетъ въ странѣ той женщина, а зовутъ ее «Царица Савская».

«И вотъ, если царю угодно, опояшу я, какъ воинъ, чресла свои, пойду въ Градъ Киторъ, въ землю Савскую, властелиновъ ихъ въ кандалы закую, правителей въ оковы желѣзныя и приведу ихъ къ властелину, царю моему».

Понравилось дѣло это Соломону. Написали писцы царскіе грамоту и къ крыльямъ пѣтуха Бара привязали ее.

Поднялся въ высь небесную, полетѣлъ пѣтухъ Баръ, и полетѣли за нимъ птицы стаями къ Граду Китору, въ землю Савскую.

Вышла утромъ на поклоненіе солнцу царица Савская и видитъ — закрыли птицы солнце, затмили его. Разодрала она одежды свои, стоитъ изумленная, пораженная. Подлетѣлъ къ ней пѣтухъ Баръ, и увидѣла она — письмо къ крыльямъ его привязано. Сняла царица письмо и читать начала. А въ письмѣ вотъ что написано:

«Отъ меня, царя Соломона. Миръ тебѣ и миръ вельможамъ твоимъ.

«Вѣдомо тебѣ, что Всесвятой-Благословенный царемъ-властелиномъ поставилъ меня надъ звѣрями полевыми, надъ птицами не-

---

* Сказочная птица «Tarnegol ha-Bar» (буквально: лѣсной пѣтухъ), однородная легендарному быку «Schor ha-Bar».

бесными, надъ бѣсами, оборотнями, дьяволицами, и всѣ цари Востока и Запада, Полудня и Полуночи приходятъ на поклонъ ко мнѣ. Такъ вотъ, придете вы по доброй волѣ съ привѣтомъ ко мнѣ, я приму тебя, царица, съ почетомъ превыше всѣхъ царей, пребывающихъ предъ лицомъ моимъ; буде-же не пожелаете и не придете, и не поклонитесь мнѣ, я пошлю на васъ царей съ легіонами и колесницами. А спросите вы: что за цари, легіоны и колесницы у Соломона? Было-бы вѣдомо вамъ: цари эти — звѣри полевые, колесницы — птицы небесныя; духи, бѣсы и дьяволицы — легіоны тѣ, что задушатъ васъ на ложахъ въ жилищахъ вашихъ, а звѣри полевые на поляхъ растерзаютъ васъ и птицы небесныя склюютъ мясо съ костей вашихъ».

Прослушавъ написанное въ посланіи, разодрала остатки одеждъ своихъ царица Савская, созвала старѣйшинъ и сановниковъ своихъ и сказала:

— Знаете-ли вы, съ чѣмъ прислалъ царь Соломонъ ко мнѣ?

— Не знаемъ мы царя Соломона и царской власти его не признаемъ! — заявили старѣйшины и вельможи.

Но царица не понадѣялась на нихъ и не послушалась словъ ихъ, а призвала всѣхъ кораблевожатыхъ, повелѣла нагрузить корабли деревомъ кипарисовымъ, жемчугомъ и камнями самоцвѣтными; и послала царю Соломону шесть тысячъ отроковъ и дѣвушекъ, родившихся въ одномъ и томъ-же году и мѣсяцѣ, въ одинъ и тотъ-же день и часъ, всѣ одинаковаго роста, одинаковаго тѣлосложенія и одинаково одѣтые, въ одежды пурпурныя. И послала черезъ нихъ письмо къ царю Соломону:

«Отъ Града-Китора — писала она, — до земли Израильской семь лѣтъ пути. И вотъ, желаніе мое и просьба моя — позволь мнѣ черезъ три года прибыть къ тебѣ».

*

По прошествіи трехъ лѣтъ прибыла царица Савская къ царю Соломону.

Узнавъ о прибытіи ея, послалъ къ ней Соломонъ Бенаю, сына Іегоіады. Человѣкъ этотъ былъ прекрасенъ какъ утренняя заря, какъ звѣзда въ плеядѣ среди сонмищъ звѣздныхъ, какъ лилія у потоковъ водныхъ.

Увидя его, сошла съ колесницы царица Савская.

— Царица! — сказалъ Беная, — для чего ты съ колесницы сошла?

— Не ты-ли царь Соломонъ? вопросила царица.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Беная, — не царь Соломонъ я, но одинъ лишь изъ слугъ его.

Обратила лицо свое царица Савская къ вельможамъ своимъ и такую притчу изрекла:

«Льва не видавшіе —
На логовище львиное взгляните.
Царя Соломона незрѣвшіе —
Придите взглянуть на красоту того,
Кто слугою при немъ состоитъ».

*

Повелъ Беная царицу Савскую къ Соломону. Соломонъ-же, для встрѣчи ея, выбралъ павильонъ, весь изъ стекла построенный. Показалось царицѣ, что царь не стекломъ, а водою окруженъ — и безотчетнымъ движеніемъ подняла она края одеждъ, до колѣнъ обнаживъ ноги свои. Увидѣлъ Соломонъ, что ноги у нея волосами обросли, и сказалъ онъ:

— Красота твоя — красота женская, а волосы — волосы мущины. У мущины красиво оно, у женщины изъяномъ почитается.

А царица такъ Соломону сказала:

— Загадаю я тебѣ три загадки. Отгадаешь — я признаю мудрецомъ тебя, не отгадаешь — я буду знать, что человѣкъ ты самый обыкновенный:

«Колодезь деревянный, ведро желѣзное, черпаетъ камни, поитъ водою. Что это?

— Сурьмило*, — отвѣтилъ Соломонъ.

«Изъ земли исходитъ, землею питается, льется какъ вода, а разливаетъ свѣтъ. Что это?»

— Нефть.

---

* Трубка сурьмила дѣлалась изъ тростника, ручка-насосъ — изъ металла. Самое вещество для подкрашиванія бровей и окрашиванія глазного яблока представляло минералогическій выплавъ; попадая въ глазъ, вызывало усиленное дѣйствіе слезоточниковъ.

«Буря ходитъ по верхушкамъ его и стонетъ, и вопитъ горестно, и какъ тростникъ сгибаетъ ихъ; почетъ для мертвыхъ, позоръ для живыхъ, радость для воробьевъ, горе для рыбъ. Что это?»

— Ленъ*.

Предстали передъ Соломономъ отроки и дѣвушки — всѣ одинаковаго облика и роста и одѣтые одинаково.

Отличи, — сказала царица, — кто отрокъ, кто дѣвушка.

Велѣлъ Соломонъ принести орѣхи и поджаренныя зерна и сталъ угощать ихъ. И вотъ, отроки, не стѣсняясь поднимали края одеждъ и всыпали въ нихъ предложенное угощеніе; дѣвушки-же застѣнчиво клали орѣшки въ чадры свои.

— Вотъ, — сказалъ Соломонъ, — тѣ — мущины, а эти — женщины.

Тогда сказала царица Савская:

— Не довѣряла я слухамъ, но теперь, когда сама вижу, убѣдилась я, что и на половину не знала, сколь велика мудрость твоя. Блаженны подданные твои и блаженны рабы твои!

Привелъ Соломонъ царицу въ покои чертога своего.

Подарила Соломону царица Савская дары изъ золота и лучшаго серебра. А Соломонъ, въ благодарность ей, далъ царицѣ Савской все, чего желала она. *Тарг.-Ш.; Мид. Миш.*

ДОЧЬ ФАРАОНА

Ночью того дня, когда окончено было построеніе храма, состоялась женитьба Соломона на дочери фараоновой, Биѳіи**.

Такимъ образомъ, совпали два празднества: торжество освященія храма и вѣнчальный пиръ Соломона.

И вѣнчальное пиршество дочери фараоновой превзошло, по блеску и роскоши, первое празднество храма Господняго. Возымѣлъ тогда-же Господь намѣреніе разрушить Іерусалимъ, какъ гласитъ Писаніе: «На гнѣвъ и на досаду Мнѣ существуетъ городъ этотъ съ того дня, какъ построили его».

---

* Почетъ для мертвыхъ — саванъ, позоръ для живыхъ — веревка для висѣлицы, радость для воробьевъ, клюющихъ льняныя зерна, горе для рыбъ — сѣти.

** Дочь Писебханина, послѣдняго фараона XXI династіи.

По преданію отъ раби Хоніи — разныхъ восемьдесятъ плясокъ проплясала Биѳія въ ту ночь предъ Соломономъ.

По другому преданію — тысячу инструментовъ музыкальныхъ привезла она и въ то время, когда музыканты играли на нихъ на пиршествѣ въ ту ночь, она говорила, поясняя Соломону:

— Вотъ этотъ гимнъ исполняется у насъ въ честь такого-то божества, а этотъ — въ честь такого-то.

И что еще сдѣлала она? Надъ ложемъ Соломона поставила балдахинъ, осыпанный съ внутренней стороны драгоцѣнными камнями, сверкавшими въ ночной тѣни подобно звѣздамъ и планетамъ. Каждый разъ, когда Соломонъ, проснувшись, собирался вставать, онъ принималъ блескъ каменьевъ за сіяніе звѣздное — и такъ проспалъ онъ до четвертаго часа послѣ восхода солнца.

По преданію отъ раби Леви — въ тотъ день тамидъ* былъ совершенъ лишь четыре часа послѣ восхода солнечнаго, ключи-же отъ Храма находились у Соломона и хранились подъ изголовьемъ у него. Глубоко огорченъ былъ народъ невозможностью приступить своевременно къ торжеству освященія Храма, но будить царя никто не рѣшался. Пошли къ Вирсавіи, матери Соломоновой, и разсказали ей. Пришла Вирсавія, разбудила Соломона и примѣрно наказала его: сняла сандалій съ ноги своей и, сыпля удары, приговаривала: «А что, чадо мое? А каково, плодъ чрева моего?!»..

Мид.-Миш.

*

«Соломонъ породнился съ фараономъ, царемъ египетскимъ, и взялъ за себя дочь фараона».

Въ тотъ часъ, когда Соломонъ взялъ за себя дочь фараона, сошелъ архангелъ Гавріилъ и опустилъ тростину въ море; на томъ мѣстѣ образовалась мель, на которой впослѣдствіи основанъ былъ Римъ. *Шаб., 56.*

«ШАМИРЪ»

«И когда строился Домъ, то строился изъ цѣльныхъ, обтесанныхъ камней; ни молота, ни топора, ни всякаго другого желѣзнаго орудія не было слышно при строеніи его».

---

* Жертва постоянная, ежедневная.

Зналъ Соломонъ, что мѣсто нахожденія червя «Шамиръ» извѣстно одному только Асмодею, князю дьяволовъ. Обиталъ-же Асмодей въ пещерѣ подъ горой, и былъ тамъ колодезь, закрытый камнемъ съ печатью Асмодея на немъ.

Изо дня въ день всходилъ Асмодей на небо, гдѣ изучалъ мудрость небесную, оттуда возвращался на землю для изученія земной мудрости, послѣ чего приходилъ къ своему колодцу и, убѣдившись предварительно, что печать цѣла, отодвигалъ камень, напивался воды и, снова закрывъ и запечатавъ колодецъ, уходилъ.

Призвалъ Соломонъ Бенаю, сына Іегоіады, далъ ему цѣпь и перстень, на которыхъ Шемъ-Гамфорашъ начертанъ былъ, и далъ ему руно овечье, да мѣхи съ виномъ и послалъ его къ Асмодею.

Пришелъ Беная къ пещерѣ Асмодеевой, и вотъ что сдѣлалъ онъ: ниже того мѣста, до котораго доходилъ колодецъ, выкопалъ яму и, спустивъ туда всю воду, отверстіе законопатилъ шерстью; продѣлавъ затѣмъ отверстіе поверхъ колодца, вылилъ въ устье вино изъ мѣховъ. Покончивъ съ этимъ, взобрался на дерево и сталъ ждать прихода Асмодея.

Асмодей явился, осмотрѣлъ печать, открылъ колодецъ и видитъ: вмѣсто воды — вино.

— Ну, нѣтъ сказалъ Асмодей: «Вино глумливо, сикера буйна, и неразуменъ тотъ, кто увлекается ими*».

Отошелъ и пить не сталъ. Но жажда стала невыносимо мучить его. Не выдержалъ Асмодей, выпилъ таки все вино изъ колодца, захмелѣлъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Сошелъ Беная съ дерева и связалъ его цѣпью.

Проснулся Асмодей и бушевать началъ.

— Укротись! — сказалъ Беная, — имя Владыки твоего надъ тобою! Имя Владыки надъ тобою!

Взялъ его и повелъ. Поровнялись съ пальмой; почесался объ нее Асмодей и повалилъ ее; проходили мимо одного дома, и его повалилъ Асмодей.

Встрѣтился имъ заблудившійся слѣпой, Асмодей помогъ ему выбраться на дорогу. Попался имъ потомъ шатающійся безъ пути пьяный — и его Асмодей на дорогу вывелъ. При встрѣчѣ со свадебнымъ поѣздомъ, шумнымъ и веселымъ, Асмодей заплакалъ. Нѣ-

---

* Притчи Соломоновы, XX.

кій человѣкъ сандаліи башмачнику заказывалъ, приговаривая: «такія сшей мнѣ сандаліи, чтобъ на семь лѣтъ хватало!» — расхохотался Асмодей. Проходили мимо колдуна въ то время, когда тотъ колдованія свои производилъ, — и тутъ расхохотался Асмодей.

✶

Привели Асмодея къ Соломону. Взялъ Асмодей тростину, отмѣрилъ четыре локтя и, бросивъ тростину передъ Соломономъ, сказалъ:

— Вотъ пространство, которое останется у тебя послѣ смерти, а нынѣ ты міръ весь покорилъ, и этимъ не довольствуешься, — еще меня поработить захотѣлъ!

— Я отъ тебя ничего не домогаюсь, — отвѣчалъ Соломонъ, — кромѣ одного. Я собираюсь построить храмъ Господень и мнѣ нуженъ для этого «Шамиръ».

— «Шамиръ», — отвѣчалъ Асмодей, — находится не у меня, но у духа морского, а духъ морской довѣряетъ его, подъ присягой, только пѣтуху Баръ.

— А что дѣлаетъ съ «Шамиромъ» пѣтухъ Баръ?

— Придя въ необитаемую скалистую мѣстность, положитъ «Шамиръ» на утесъ, утесъ раскалывается; броситъ Баръ въ разсѣлину сѣмена древесныя, — на томъ мѣстѣ и возникнетъ поселеніе.

Отыскали гнѣздо пѣтуха Баръ. Покрыли гнѣздо матовымъ стекломъ. Явился пѣтухъ Баръ. Видя невозможность проникнуть въ гнѣздо, взялъ онъ «Шамиръ» и положилъ его на стекло, дабы оно раскололось. Бросили въ пѣтуха Баръ комомъ земли, выронилъ онъ «Шамиръ»; подобрали червя и унесли.

Увидалъ пѣтухъ Баръ, что не сдержалъ клятвы своей, пошелъ и удавился.

✶

Спрашивалъ Беная Асмодея:

— Почему, когда тебѣ встрѣтился сбившійся съ дороги слѣпой, ты помогъ ему выбраться на дорогу.

— Объ этомъ слѣпомъ оповѣщено въ небесахъ, что онъ праведникъ истый и что тотъ, кто доставитъ ему хотя краткое облегченіе, стяжаетъ душѣ своей жизнь вѣчную.

— А пьянаго зачѣмъ ты на дорогу вывелъ?

— О немъ оповѣщено было въ небесахъ, что это нечестивецъ неисправимый, — и я доставилъ ему минутное удовольствіе въ земной жизни, дабы окончательно лишить его и малѣйшей доли въ жизни вѣчной.

— Почему ты при встрѣчѣ со свадебнымъ поѣздомъ заплакалъ?

— Потому, что жениху тому предназначено умереть, не проживъ и тридцати дней послѣ свадьбы, а женѣ его — тринадцать лѣтъ ждать, доколѣ подростетъ малолѣтній деверь ея*.

— Почему ты разсмѣялся, слыша, какъ человѣкъ тотъ, заказывая себѣ сандаліи, требовалъ, чтобы ихъ хватило ему на семь лѣтъ?

— Самому ему семи лѣтъ не прожить, а онъ сандаліями на семь лѣтъ запасается!

— Почему надъ колдуномъ разсмѣялся ты?

— На томъ мѣстѣ, гдѣ колдунъ сидѣлъ тогда, кладъ богатѣйшій зарытъ. А онъ ворожитъ себѣ и о кладѣ, что подъ нимъ находится, и не подозрѣваетъ!...

ИЗЪ ЦАРЕЙ ВЪ НИЩІЕ

Соломонъ удержалъ при себѣ Асмодея до окончанія всѣхъ работъ по постройкѣ Храма.

Однажды, когда они оставались одни, спросилъ Соломонъ Асмодея:

— Скажи, чѣмъ *вы* сильнѣе насъ, людей?

На это Асмодей отвѣтилъ:

— Освободи меня отъ цѣпей, да передай мнѣ перстень свой, и тогда я сумѣю показать тебѣ, чѣмъ мы сильнѣе людей.

Снялъ съ него Соломонъ цѣпь и далъ ему свой перстень. Наступилъ Асмодей на Соломона и поглотилъ его. Уперся потомъ однимъ крыломъ въ землю, другимъ въ небо и, извергнувъ Соломона, размахнулся и закинулъ его за четыреста парса. Вспоминая объ этой минутѣ, Соломонъ сказалъ въ «Екклезіастѣ»:

— «Что пользы человѣку при всѣхъ трудахъ его подъ солнцемъ?» «И *это* было моею долею отъ всѣхъ трудовъ моихъ!» — Ничего, кромѣ посоха, не осталось у меня. «Я царемъ былъ надъ Израилемъ», а нынѣ — я царь только надъ посохомъ моимъ...

---

* Чтобы сдѣлаться женою его, — согласно Моисееву закону о «ibum» и «chaliza».

Пошелъ Соломонъ у чужихъ пороговъ подаянія просить:

— Я, — говорилъ онъ, — Проповѣдникъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ».

— Царь Соломонъ, — отвѣчали ему, возсѣдаетъ на тронѣ своемъ въ Іерусалимѣ, а ты юродствуешь.

И били его тростинами, а поѣсть давали миску крупника.

И Соломонъ говорилъ:

— «Вотъ доля моя отъ всѣхъ трудовъ моихъ!»

— — — — — — — — — — — — — — — —*

Когда Соломонъ предсталъ предъ Синедріономъ, мудрые старцы говорили въ недоумѣніи:

— Обыкновеннымъ юродивымъ однопредметное помѣшательство не свойственно. Что-же представляетъ изъ себя этотъ человѣкъ?

Опросили Бенаю:

— Призывалъ-ли тебя царь?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Беная.

Посылали къ женамъ Соломоновымъ:

— Что съ царемъ? Приходилъ онъ къ вамъ?

— Какъ-же, приходилъ, — получился отвѣтъ.

Вторично послали туда-же:

— Осмотрите-ка ноги у него.

— Онъ все время обуви не снималъ**, — отвѣтили жены Соломоновы.

Тутъ все и обнаружилось...

Приняли тогда Соломона и возвратили ему перстень и цѣпь съ начертаніемъ Шемъ-Гамфораша. Асмодей, видя это, улетучился.

Гит., 68; Танх.-Гак.

ПОРЦІЯ ЗЕЛЕНИ

Во время странствій Соломона въ обликѣ нищенскомъ, подошелъ къ нему нѣкій человѣкъ и почтительно просить его началъ, — зайти гостемъ въ домъ его:

* Въ источникахъ, откуда взята настоящая легенда, пропущенъ промежуточный моментъ, фактическая сущность котораго подсказывается послѣдующимъ содержаніемъ легенды. — Отсутствіе Соломона не было замѣчено ни въ Синедріонѣ, ни въ домѣ царскомъ, такъ какъ Асмодей принялъ его образъ.

** Чтобы не обнаружить козлиныхъ копытъ своихъ. По комментарію-же Раши — у Асмодея, вмѣсто ногъ, пѣтушиныя лапки.

— Государь мой, царь! Соблаговоли зайти и призрѣть на меня сегодня.

Привелъ тотъ человѣкъ Соломона въ домъ свой, пригласилъ въ верхнюю горницу и велѣлъ подать на столъ тельца жареннаго и множество другихъ яствъ. За обѣдомъ хозяинъ сталъ напоминать Соломону о разныхъ дѣлахъ его, какъ царя Израильскаго: «Помнишь, молъ, то-то и то-то совершенное тобою, когда ты еще царемъ былъ?»

Застоналъ Соломонъ, зарыдалъ горестно при воспоминаніяхъ этихъ; плакалъ все время обѣда и съ плачемъ ушелъ изъ дома того.

На завтра подошелъ къ Соломону другой человѣкъ и также просить его сталъ:

— Государь мой, царь! Окажи мнѣ честь — призри на меня сегодня.

— Не затѣмъ-ли ты зовешь меня, — отвѣчалъ Соломонъ, — чтобъ поступить со мною такъ, какъ поступилъ тотъ, пріятель твой?

— Государь, — отвѣчалъ этотъ, — я человѣкъ бѣдный; если ты окажешь мнѣ честь зайти ко мнѣ, я могу предложить тебѣ лишь немного зелени, — все, что имѣется у меня. Если ты на это согласенъ, то зайди въ жилище мое.

Когда они пришли, хозяинъ омылъ у гостя лицо, руки и ноги и подалъ на столъ свой обѣдъ, состоявшій изъ небольшой порціи зелени. Пока Соломонъ ѣлъ, хозяинъ говорилъ ему слова утѣшенія:

— Государь! — говорилъ онъ, — Господь поклялся отцу твоему, что не прекратится царствованіе потомковъ его. И такъ обычно у Господа: наказуетъ — и милуетъ. И вѣрю я, что Пресвятой-Благословенный еще возвратитъ тебя въ царство твое.

Возвратившись къ власти царской, Соломонъ, вспоминая о разсказанномъ, записалъ для Притчей своихъ:

«Лучше угощеніе изъ зелени, — бѣднякомъ предложенное мнѣ,— нежели откормленный быкъ, которымъ угощалъ меня богачъ для того только, чтобы напомнить мнѣ о горестномъ положеніи моемъ».

Іалк.

ІЕРОВОАМЪ

Въ тотъ день, когда царемъ Іеровоамомъ поставлены были два золотыхъ тельца: одинъ въ Веѳилѣ, другой въ Данѣ, построенъ

былъ первый шалашъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи основанъ былъ Римъ*. *Шаб., 56.*

*

«И послѣ этого событія не сошелъ Іеровоамъ съ своей худой дороги».

Послѣ какого событія?

По сказанію раби Аба:

— Обратись на путь истинный, — настоятельно говорилъ Господь Іеровоаму, — и будешь ты и сынъ Іессеевъ (Давидъ) совершать прогулки со Мною въ садахъ Едемскихъ.

— А кто изъ насъ двоихъ первое мѣсто займетъ при Тебѣ? — спросилъ Іеровоамъ?

— Сынъ Іессеевъ, — отвѣтилъ Господь.

— Если такъ, то я не согласенъ, — заявилъ Іеровоамъ.

Санг., 102.

ИЛІЯ И ЖРЕЦЫ ВААЛА

«Пусть дадутъ намъ двухъ тельцовъ, и пусть они (жрецы Ваала) выберутъ себѣ одного тельца» — — — «а я приготовлю другого тельца» — — — «и призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа», — говорилъ пророкъ Илія жрецамъ Вааловымъ: «тельцовъ-же возьмите, рожденныхъ двойней и у однихъ яслей вскормленныхъ, и киньте жеребьи, которому изъ нихъ быть для Господа и которому для Ваала». Кинули жеребьи. Телецъ, доставшійся Иліи, тотчасъ пошелъ за нимъ, а тотъ телецъ, которому выпалъ жребій Вааловъ, стоялъ, не трогаясь съ мѣста; всѣ жрецы Вааловы и пророки рощи, идолу сему посвященной, собрались тутъ, но и общими усиліями сдвинуть его не могли. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока Илія не обратился, къ тельцу сказавъ:

— Ступай съ ними.

Заговорилъ телецъ человѣческимъ голосомъ и такъ сказалъ Иліи передъ всѣмъ народомъ:

— Я и товарищъ мой — оба мы отъ одного чрева рождены и отъ одного тельца зачаты были, на одномъ пастбищѣ выросли, у однихъ

* Отъ котораго пришли многія бѣды на народъ израильскій.

яслей вскормлены. И что-же? Ему выпалъ жребій быть для Господа, и надъ нимъ имя Господне освятится, а мнѣ — сдѣлаться жертвой Вааловой и вызвать гнѣвъ Создателя моего!

— Телецъ! Телецъ! — отвѣчалъ Илія, — напрасенъ страхъ твой. Будь послушенъ имъ, дабы не было отговорки у нихъ. Имяже Господне освятится и черезъ тебя точно также, какъ и черезъ тельца, который взятъ мною.

— И это рѣшительный совѣтъ твой? — возразилъ телецъ, — тогда клянусь: я не сойду съ этого мѣста, пока ты самъ изъ рукъ въ руки не передашь меня имъ.

«И взяли они тельца, котораго онъ и далъ имъ», т. е. тельца, котораго передалъ имъ Илія. *Танх.; Бам.-Р., 23.*

ІОНА

«И всталъ Іона, чтобы убѣжать въ Ѳарсисъ отъ лица Господня».

Почему убѣжалъ Іона?

Вотъ почему: въ первый разъ Господь посылалъ его, чтобы обратить на путь правый народъ Израильскій, и слова Іоны оправдались: «онъ* возстановилъ предѣлы Израиля отъ края Елаѳскаго до моря пустыни, по слову Господа, Бога Израилева, которое Онъ изрекъ черезъ раба своего Іону, сына Амиѳіина, пророка изъ Гаѳхефера». Въ слѣдующій разъ онъ посланъ былъ пророчествовать о разрушеніи Іерусалима, но Израиль принесъ покаяніе, и сжалился Господь и не разрушилъ Іерусалима. Съ тѣхъ поръ Іону прозвали лжепророкомъ. Теперь, когда Господь снова посылалъ его для пророчества, на сей разъ въ Ниневію, сталъ размышлять Іона такъ:

«Мнѣ извѣстно, что народъ тамошній склоненъ къ раскаянію; раскаются ниневійцы, Господь обратитъ гнѣвъ Свой на Израиля. И мало того, что израильтяне меня лжепророкомъ прозвали, меня и другіе народы тѣмъ-же назовутъ. Убѣгу я лучше».

Пришелъ Іона въ Іоппію (Яффа), но тамъ корабля не оказалось. Навелъ Господь штормъ на корабль, находившійся на разстояніи двухъ дней пути отъ Іоппіи, и вернулъ его въ гавань.

---

* Царь Іеровоамъ.

Видя это, обрадовался Іона:

— «Нынѣ, — разсудилъ онъ, — я узналъ, что дѣянія мои угодны въ очахъ Господа».

И обратился къ корабельщикамъ:

— Возьмите меня въ плаванье съ собою.

— Мы въ Ѳарсисъ отправляемся, — замѣтили ему.

— И я съ вами — въ Ѳарсисъ.

Отплыли день пути, и поднялся штормъ — со всѣхъ сторонъ забушевалъ. При этомъ всѣ другіе корабли спокойно проходили по всѣмъ направленіямъ, а штормомъ терзало ужасно только тотъ корабль, на которомъ находился Іона.

«И устрашились корабельщики, и взывали каждый къ своему богу».

По объясненію раби Хананіи — на этомъ кораблѣ находились люди всѣхъ семидесяти народностей; каждый держалъ въ рукахъ изображеніе своего божества: «Будемъ, — говорили они, — взывать каждый къ богу своему, и того изъ боговъ, который услышитъ насъ и избавитъ отъ бѣдствія, мы признаемъ богомъ надъ собою».

Взывали всѣ, каждый къ своему богу, но напрасно.

Іона-же въ то время спустился во внутренность корабля, легъ и въ тоскѣ душевной заснулъ.

Пришелъ къ нему кормчій и сказалъ:

— Мы находимся между жизнью и смертью, а ты лежишь и спишь! Изъ какого племени ты?

— Еврей я.

— А вѣдь говорятъ люди, что Богъ евреевъ — Богъ великій. Встань, воззови къ Богу твоему: можетъ быть, Богъ вспомнитъ о насъ, и мы не погибнемъ — и сотворитъ намъ чудо, какое вамъ на Чермномъ морѣ совершилъ.

— Не стану скрывать отъ васъ, — отвѣтилъ Іона, — изъ-за меня пришло бѣдствіе это на васъ. Возьмите меня и бросьте въ море, и стихнетъ море для васъ.

Не рѣшались люди тѣ бросить Іону въ море. Бросили жеребьи, и палъ жребій на Іону. Всѣ вещи, какія были на кораблѣ побросали въ воду; это не помогло; стали-было усиленно грести, чтобы возвратиться на сушу, — это оказалось невыполнимымъ. Что было дѣлать? Взяли они Іону и, подойдя съ нимъ къ борту, воззвали:

— Господи, Богъ вселенной! Да не падетъ на насъ кровь не-

виннаго и да не погибнемъ мы за душу человѣка этого; ибо неизвѣстно намъ, каковы свойства и каковы дѣла его. Но самъ онъ говоритъ: «За меня бѣда эта постигла васъ».

Взяли они Іону, до колѣнъ опустили его въ воду — море сразу утихло. Подняли его обратно на судно — море снова забушевало. Опустили его по горло — море утихло. Извлекли его — штормъ налетѣлъ снова. И только когда они бросили его въ воду, море утихло совершенно.

*

«И *предуготовилъ* Господь большую рыбу, чтобы поглотить Іону».

По сказанію р. Тарфона — рыба эта предуготована была Господомъ въ первые дни творенія.

Въ пасть этой рыбы попалъ Іона — точно въ просторный домъ вошелъ и стоитъ себѣ свободно. Глаза этой рыбы давали Іонѣ свѣтъ, точно два окна.

По сказанію р. Меира — внутри рыбы повѣшенъ былъ самоцвѣтный камень, который свѣтилъ Іонѣ подобно солнцу въ полдень и дѣлалъ видимымъ для него все, что въ морѣ и въ бездонныхъ глубинахъ его.

*

Сказала рыба Іонѣ:

— Тебѣ, повидимому, неизвѣстно, что близокъ часъ мой, и я поглощена буду левіаѳаномъ.

— Приведи-ка меня къ нему, — сказалъ Іона, — я и тебя, и себя спасу.

Подплыла рыба съ Іоною къ левіаѳану. Обратился Іона къ левіаѳану и сказалъ:

— Левіаѳанъ! Да будетъ вѣдомо тебѣ, что ради тебя явился я сюда: мѣсто, гдѣ пребываешь ты, мнѣ осмотрѣть надо. Но этого мало: я тотъ, кому предназначено на языкъ тебѣ арканъ накинуть, изъ моря тебя извлечь и заклАсть для великаго пиршества праведниковъ.

Метнулся левіаѳанъ и оказался сразу вдали отъ Іоны на разстояніи двухъ дней пути.

*

— Послушай, — сказалъ Іона рыбѣ, — вотъ, я спасъ тебя отъ левіаѳана; покажи-же ты мнѣ все, что въ морѣ и въ безднахъ его находится.

Показала рыба ему ту Великую Рѣку, которая самый океанъ водами питаетъ; показала тѣ пути въ Чермномъ морѣ, которыми израильтяне по дну его прошли; показала то мѣсто въ морѣ, гдѣ шквалы и смерчи зарождаются; показала ему устои земли и основанія ея, и адъ, и бездны преисподней. И показала она ему Святилище Предвѣчнаго и «эвенъ-шетіа» — камень краеугольный, заложенный въ безднѣ подъ Святилищемъ этимъ, а на камнѣ томъ сыны Кореевы* стоятъ и Господу славословія возносятъ.

И сказала рыба Іонѣ:

— Сейчасъ мы находимся какъ разъ противъ Святилища Господня. Помолись — и услышана будетъ молитва твоя.

— Остановись-же, — отвѣчалъ Іона, — на этомъ мѣстѣ, и я помолюсь Господу.

Рыба остановилась — и воззвалъ Іона къ Господу, говоря:

— Владыка міра! «Низвергающій и вновь Подъемлющій» — названіе Твое. Низверженъ я, — подъемли меня! «Умерщвляющій и Воскрешающій» — имя Тебѣ. На порогѣ смерти душа моя, — воскреси меня!

Не была услышана молитва Іоны, пока не воззвалъ онъ:

— Господи! Обѣтъ, который я далъ, я исполню: обѣщалъ я поднять изъ моря левіаѳана и закласть его для великаго пира праведниковъ — и это исполню я въ тотъ день, когда придетъ спасеніе Твое.

По мановенію перста Господня, рыба извергла Іону на сушу.

П. д. Ел.; Мид. Іона.

ІЕЗЕКІЯ И ИСАІЯ

Царь Іезекія и пророкъ Исаія не ходили другъ къ другу.

Іезекія говорилъ:

— Пусть Исаія первый придетъ ко мнѣ. Такъ поступилъ и пророкъ Илія: пришелъ самъ къ царю Ахаву.

* Псалтирь, 42, 44—49.

А Исаія на это отвѣчалъ:

— Пусть Іезекія первый придетъ ко мнѣ, по примѣру Іорама, сына Ахава, который первый пришелъ къ пророку Елисею.

Ниспослалъ Господь недугъ на Іезекію, а Исаіи сказалъ:

— Иди, провѣдай болящаго.

Пришелъ къ Іезекіи Исаія, сынъ Амосовъ, и сказалъ ему:

— Такъ говоритъ Господь: «Сдѣлай завѣщаніе для дома своего, потому что *ты умрешь и не будешь жить»:* умрешь — для земной жизни, и не будешь жить — въ мірѣ загробномъ.

— За что мнѣ двойная кара? — спросилъ Іезекія.

— За то, что ты безбрачнымъ остался.

На это Іезекія сказалъ:

— Мнѣ извѣстно стало черезъ Духа Святого, что дѣти, которыя родятся отъ меня, будутъ людьми недостойными.

— Тебѣ-ли тайны Господни вѣдать? Тебѣ надлежало исполнять то, что повелѣно тебѣ, а Господь совершитъ по волѣ Своей.

— Выдай теперь за меня дочь свою, Исаія! Можетъ быть, ради общихъ заслугъ нашихъ, отъ меня достойное потомство произойдетъ.

— Приговоръ Предвѣчнаго надъ тобой произнесенъ.

— Сынъ Амосовъ! Кончай прорицанія свои и уходи, — воскликнулъ Іезекія, — отъ прадѣда моего (отъ Давида) живъ завѣтъ въ семьѣ нашей: — «Даже когда мечъ острый уже на шеѣ твоей лежитъ, не переставай уповать на милосердіе Божіе».*

Бер., 10.

МЕРОДАХЪ-БАЛАДАНЪ

Вавилонскій царь Меродахъ-Баладанъ имѣлъ обыкновеніе обѣдать въ три часа и спать послѣ этого до девяти часовъ вечера. Сдѣлалъ онъ тоже самое и въ тотъ день, когда движеніе солнца было задержано ради знаменія царю Іезекіи. Вставъ отъ послѣ-обѣденнаго сна, царь былъ изумленъ, вмѣсто вечернихъ сумерокъ увидя кругомъ свѣтъ утра. Возмущенный нерадивостью слугъ, давшихъ ему (какъ онъ полагалъ) проспать до утра, онъ готовъ былъ убить ихъ за это.

* И чудо Милосердія совершилось: Іезекія былъ исцѣленъ и прожилъ послѣ того пятнадцать лѣтъ. Знаменіемъ обѣщаннаго ему исцѣленія послужило такое чудесное явленіе: тѣнь на солнечныхъ часахъ Ахазовыхъ возвратилась назадъ на десять ступеней (II Цар., XX).

— Какъ осмѣлились вы, — кричалъ онъ, — оставить меня спать весь день и всю ночь?!

— Государь! — отвѣчали слуги, — нынѣшній день вернулся назадъ къ утру своему.

— А чьимъ богомъ совершено это?

— Богомъ царя Іезекіи.

— А развѣ существуетъ богъ болѣе могущественный, нежели тотъ, которому поклоняюсь я?

— Государь, — отвѣчали слуги, — Богъ царя Іезекіи могущественнѣе всѣхъ боговъ вселенной.

Тогда — «послалъ Меродахъ-Баладанъ, сынъ Баладана, царь Вавилонскій, письма и дары Іезекіи». Писалъ онъ такъ:

«Миръ и привѣтъ Іезекіи, царю, миръ Іерусалиму и миръ великому Богу».

Послѣ того, какъ письма были отданы для отсылки ихъ къ Іезекіи, сообразилъ Меродахъ-Баладанъ, что поступилъ онъ не такъ, какъ слѣдовало:

— Привѣтъ Іезекіи и Іерусалиму написалъ я раньше и только потомъ привѣтъ Богу.

Всталъ онъ съ трона и, сдѣлавъ три шага, чтобы вернуть прежнія письма, написалъ, вмѣсто прежнихъ другія письма, которыя гласили:

«Миръ и привѣтъ Богу великому, миръ Іерусалиму и миръ Іезекіи».

Тогда сказалъ Господь:

— Изъ уваженія ко Мнѣ ты всталъ съ трона и три шага сдѣлалъ. За это Я произведу изъ потомковъ твоихъ трехъ царей, которые властвовать будутъ отъ края до края міра; имена ихъ: Навуходоносоръ, Евилъ-Меродахъ и Валтасаръ. *Танх.*

МАНАССІЯ

Преданіе отъ Симеона бенъ Азаіи.

— Въ найденномъ мною въ Іерусалимѣ «Спискѣ родословій» я нашелъ такую запись:

«Пророкъ Исаія былъ убитъ царемъ Манассіей. Когда Манассія поставилъ въ Святилищѣ изображеніе идола, Исаія сталъ про-

рочествовать передъ народомъ, говоря отъ имени Господа: «Почему гордитесь вы храмомъ, построеннымъ Мнѣ? Ни высшіе, ни низшіе міры не вмѣщаютъ величія Моего, — такъ нуженъ-ли храмъ вашъ Мнѣ? Гдѣ-же вы домъ построите Мнѣ и гдѣ мѣсто для присутствія моего? Вотъ, идетъ Навуходоносоръ — разрушитъ онъ домъ тотъ и васъ въ изгнаніе уведетъ!»

Разгнѣвался Манассія. «Взять его!» — крикнулъ онъ слугамъ своимъ. Убѣжалъ Исаія въ лѣсъ, произнесъ Шемъ-Гамфорашъ и исчезъ, поглощенный стволомъ кедра. Но при этомъ остались наружу кисти, вплетенныя въ края его одежды. Разсказали объ этомъ Манассіи; послалъ онъ туда плотниковъ. Начали плотники дерево то распиливать и стала кровь капать и течь. Когда дошла пила до устъ Исаіи, отлетѣла душа его. Ибо устами своими согрѣшилъ онъ, сказавъ: «Живу среди народа, котораго *уста нечисты*».

Іеб., 49; Песик., 4; Іеруш. Санг..

*

Манассіи явился во снѣ равъ Аши.

— Зачѣмъ, — спросилъ равъ Аши, — вы идоламъ поклонялись?

— Если-бы ты жилъ въ томъ поколѣніи, — отвѣтилъ Манассія,— ты бы ухватился за край облаченія идольскаго и за идоломъ бѣжалъ-бы. *Санг., 101.*

*

«И привелъ Господь на нихъ военачальниковъ царя Ассирійскаго, и заключили они Манассію въ кандалы, и оковали его оковами и отвели его въ Вавилонъ».

Манассію посадили въ мѣдный котелъ, въ которомъ продѣланы были отверстія, а подъ котломъ разложили огонь. И въ такой бѣдѣ находясь, Манассія не отвратился отъ идолопоклонства, и не было того идола, къ которому онъ не взывалъ-бы: «Идолъ такой-то! Приди, спаси меня!» Видя, что никто изъ нихъ не приходитъ на помощь ему, Манассія сказалъ: «Помнится мнѣ — отецъ мой, молясь, взывалъ, бывало, такъ: «Когда ты въ бѣдствіи будешь — — — то обратишься къ Господу, Богу твоему». И вотъ, я нынѣ взываю къ Нему. Услышитъ Онъ меня — хорошо, нѣтъ — я буду знать, что божества — всѣ одинаковы».

Ангелы Служенія стали запирать всѣ окна небесныя, дабы не давать молитвѣ Манассіи доступа къ Господу.

— Владыка міровъ! — говорили они, — человѣкъ, который дерзнулъ поставить идолъ въ Святилищѣ Твоемъ — возможно-ли раскаяніе для него?

Отвѣчалъ Господь:

— Но если Я отвергну его раскаяніе, Я этимъ поставлю преграду для всѣхъ другихъ кающихся.

И для молитвы Манассіиной Господь открылъ доступъ подъ подножіе Престола Небеснаго. «И услышалъ Господь моленія его и возвратилъ его въ Іерусалимъ, на царство его». *Песик.*

«ЭТО — И ЕЩЕ ДРУГОЕ»

По преданію отъ р. Хіи баръ Абуія:

У царя Іоакима было начертано на черепѣ: «это — и еще другое».

Дѣдомъ р. Перейды найденъ былъ, валявшійся у воротъ Іерусалимскихъ, человѣческій черепъ, на которомъ было начертано: «Это — и еще другое». Предалъ онъ черепъ этотъ погребенію, но черепъ вышелъ на поверхность земли. Вторично похоронилъ — и черепъ вторично вышелъ наружу. Понялъ онъ тогда, что это черепъ Іоакима, о которомъ сказано въ Писаніи: «Ослинымъ погребеніемъ онъ будетъ погребенъ: его вытащатъ и бросятъ далеко за ворота Іерусалима».

«Однако-же, онъ былъ царемъ, подумалъ дѣдъ р. Перейды, и оставлять его на позоръ не подобаетъ».

Взялъ онъ черепъ, завернулъ его въ шелковыя ткани и въ ковчегъ положилъ.

Увидала это жена его, пошла и разсказала сосѣдкамъ, а тѣ начали говорить ей:

— Это — черепъ первой жены его. Онъ все еще забыть ее не можетъ.

Затопила она печь и сожгла черепъ.

Узнавъ объ этомъ, дѣдъ р. Перейды сказалъ:

— Вотъ что означала надпись на черепѣ «это — и еще другое».

Санг., 82.

РАЗРУШЕНІЕ ПЕРВАГО ХРАМА

ПЛАЧЪ ВѢЧНЫЙ

О посланныхъ Моисеемъ изъ пустыни Фарана «высмотрѣть землю Ханаанскую» сказано:

«И, высмотрѣвши землю, возвратились они — — — и говорили: «не можемъ мы идти противъ народа сего, ибо онъ сильнѣе насъ». И подняло все общество вопль, и плакалъ народъ во всю ту ночь, и роптали на Моисея и Аарона».

Сказаніе отъ раби Іоханана:

— И сказалъ Господь: «Вы плакали тогда безъ причины. И вотъ, Я установлю для васъ плачъ изъ рода въ родъ плачъ вѣчный». День тотъ былъ девятое Аба. *Таан., 29.*

ДЕВЯТОЕ АБА

Преданіе гласитъ:

Разрушеніе храма произошло въ девятый день мѣсяца Абъ, на исходѣ субботняго дня и «субботняго года». Въ тотъ день храмовую службу отправляли Іоаривиды; левиты стояли на эстрадѣ своей и пѣли славословія. «Онъ воздастъ имъ, — пѣли они, — за ихъ беззаконіе, за ихъ злодѣйство Онъ истребитъ ихъ — —». И не успѣли они допѣть до конца — «истребитъ ихъ Господь, Богъ нашъ», какъ ворвались въ храмъ язычники и схватили ихъ.

*

Седьмого Аба ворвались язычники въ храмъ Господень, пировали тамъ и святотатствовали впродолженіи трехъ дней и въ вечеръ девятаго подожгли храмъ. Пожаръ продолжался весь день десятаго Аба. О томъ и гласятъ слова пророка:

«Горе намъ! День догораетъ,
Тѣни ложатся вечернія» и пр. *тамъ-же.*

НА РАЗВАЛИНАХЪ ІЕРУСАЛИМА

«И находился городъ въ осадѣ — — и голодъ усилился въ городѣ».

Собирались на базарахъ дочери сіонскія, встрѣчались и спрашивали одна другую:

— Зачѣмъ ты сюда пришла? Вѣдь ты прежде никогда на базаръ не ходила?

— Скрывать-ли мнѣ отъ тебя? Ужасны муки голода; дольше терпѣть я уже не въ силахъ.

Поддерживая одна другую, ходили онѣ, искали по всему городу и не находили ничего, чѣмъ голодъ утолить. Обезсиленныя, охватывали руками колонны и умирали тутъ и тамъ, на всѣхъ углахъ улицъ. Оставленныя дома грудныя дѣти ихъ ползкомъ пробирались къ нимъ, отыскивали каждое мать свою и, припадая къ груди, брали сосцы ихъ въ ротъ, сосали, но молоко не шло больше изъ остывшей груди — и исходили голодомъ дѣти и падали мертвыми на грудь матерей своихъ.

*

И было тогда слово Господне Іереміи:

«Встань, иди въ Анаѳоѳу и откупи поле отъ дяди твоего, Анамеила».

И когда вышелъ Іеремія изъ Іерусалима, сошелъ съ неба ангелъ, толкнулъ стопой стѣны Іерусалимскія, и стѣны растрескались. И воззвалъ ангелъ и сказалъ:

— Пусть придутъ враги, пусть войдутъ въ домъ, въ которомъ нѣтъ болѣе хозяина, пусть ограбятъ, пусть разрушатъ его. И пусть войдутъ въ виноградникъ, стражъ котораго оставилъ его и ушелъ,

и пусть вырубятъ лозы его, дабы не стали враги эти похваляться, говоря: «мы завоевали мѣсто это!» — Городъ завоеванный завоевали вы, народъ убитый убивали, домъ сожженный сжигали вы.

*

Пришли враги; на храмовой горѣ поставили они идольскій амвонъ свой.

И было это какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ возсѣдалъ царь Соломонъ, держа совѣтъ со старѣйшинами, какъ лучше святой храмъ украсить. Теперь на мѣстѣ томъ сидѣли враги и совѣтъ держали о томъ, какъ удачнѣе храмъ этотъ сжечь.

Пока шло совѣщаніе, подняли они глаза и увидѣли: сошли четыре ангела съ факелами въ рукахъ и подожгли Святилище со всѣхъ четырехъ сторонъ.

*

Увидя храмъ объятымъ пламенемъ, взошелъ первосвященникъ на кровлю его, а вслѣдъ за нимъ — группа за группой взошли юнѣйшіе изъ коганидовъ съ ключами отъ храмовыхъ дверей въ рукахъ; и воззвали они къ Господу и сказали:

— Владыка міра! Недостойные быть сокровищехранителями, заслужившими Твоего довѣрія — возвращаемъ мы Тебѣ ключи отъ Дома Твоего!

И съ этими словами бросили ключи къ небесамъ. Показалось подобіе кисти руки и приняло ключи.

Когда первосвященникъ направился къ выходу, онъ былъ схваченъ воинами Навузарадана и заколотъ возлѣ жертвенника, на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ совершалось обыкновенно жертвоприношеніе тамидъ. При видѣ этого дочь его кинулась бѣжать, вопія: «Горе мнѣ, отецъ мой, радость очей моихъ!» — Схватили и ее и закололи, — и кровь ея смѣшалась съ кровью отца.

*

Видя храмъ въ пламени, собрали когены и левиты арфы и трубы, бросились съ ними въ огонь и сгорѣли.

Бросились въ огонь и дѣвушки, которыя въ то время ткали завѣсу для ковчега.

*

Видя неминуемую гибель свою, кинулся Седекія къ подземному ходу, который шелъ отъ дома царскаго до степей Іерихонскихъ. Направилъ Господь оленя по линіи подземнаго хода; погнались за нимъ вавилоняне и настигли его у выхода изъ подземелья въ тотъ моментъ, когда выходили оттуда Седекія съ сыновьями, и вавилоняне тутъ-же схватили ихъ.

*

Отправилъ Навузараданъ Седекію и сыновей его къ Навуходоносору, предлагая царю поставить Седекіи такой вопросъ:

— Ради чего измѣнилъ ты мнѣ? И по какому закону судить тебя? По уставамъ твоего Бога — ты подлежишь казни за то, что нарушилъ клятву, данную тобою именемъ Его. По закону государственному — ты долженъ быть казненъ потому, что всякій, кто нарушитъ присягу свою царю, подлежитъ смерти.

— Прошу тебя — сказалъ Седекія Навуходоносору — убей меня первымъ, дабы не видѣть мнѣ крови дѣтей моихъ.

— Насъ убей, государь, сначала, — взмолились къ Навуходоносору сыновья Седекіи, — не дай намъ видѣть пролитую кровь отца нашего!

Навуходоносоръ-же сдѣлалъ такъ: зарѣзалъ передъ Седекіей сыновей его, у Седекіи выкололъ глаза и бросилъ ихъ въ печь, а его самого отвелъ въ Вавилонъ.

И вопилъ Седекія, говоря:

— Придите, люди, взгляните. Пророчествовалъ Іеремія обо мнѣ: «Будешь ты отведенъ въ Вавилонъ и въ Вавилонѣ ты умрешь, но не увидятъ Вавилона глаза твои». Не желалъ я слушать словъ его. И вотъ — въ Вавилонѣ я, но не видятъ его глаза мои.

*

Приближаясь, на обратномъ пути изъ Анаѳоѳы, къ Іерусалиму, увидѣлъ Іеремія — дымъ клубится, восходя отъ того мѣста, гдѣ храмъ находится. И подумалъ онъ: «Не раскаялся-ли народъ, возобновивъ жертвоприношенія Господу? Вѣдь это — дымъ отъ воскуреній вижу я».

Ворота оказались запертыми.

Взошелъ Іеремія на городскія стѣны и увидѣлъ онъ: вмѣсто храма груды камней.

И возопилъ горестно Іеремія и воскликнулъ онъ:

«Ты влекъ меня, Господь, —
Я шелъ, Тобой влекомый»*.

✶

Пошелъ Іеремія дорогой своей. Идетъ и вопитъ:

— Гдѣ путь, которымъ пошли грѣшные? Гдѣ дорога, которою бредутъ погибающіе? Пойду, погибну вмѣстѣ съ ними.

Идетъ онъ и видитъ — весь путь кровью залитъ, и земля по обѣимъ сторонамъ его кровью забрызгана. Пригнулся онъ лицомъ къ землѣ — слѣды малютокъ, слѣды грудныхъ дѣтей на этомъ пути оттиснулись; и склонялся пророкъ къ землѣ и припадалъ устами къ слѣдамъ этимъ. Слѣдя по нимъ, дошелъ онъ до того мѣста, гдѣ находились малютки эти вмѣстѣ съ другими изгнанниками, и обнималъ и лобызалъ ихъ.

Вотъ увидѣлъ пророкъ: толпа юношей заключена подъ ярмо желѣзное — и согнулъ онъ и свою голову подъ ярмо это. Толпа старцевъ брела закованная въ цѣпи. Приникъ къ нимъ пророкъ головой своей. И отъ нихъ удалили его. Увидалъ это Навузараданъ и повелѣлъ отвести его въ сторону. Стоя въ отдаленіи отъ нихъ, плакалъ пророкъ и плакали всѣ, взирая на него.

— «Братья мои! Племя родное! — говорилъ пророкъ, — все это приключилось вамъ за то, что не послушались вы предсказаній моихъ».

✶

Когда достигли берега Евфрата, Навузараданъ сказалъ Іереміи:

— Если желаешь, иди со мною въ Вавилонъ.

Подумалъ объ этомъ Іеремія и разсудилъ такъ: «Если я пойду въ Вавилонъ, не останется никого, чтобы слово утѣшенія сказать тѣмъ, кто въ Іерусалимѣ остался».

---

* Когда Іереміи было слово Господне откупить поле въ Анаѳоѳѣ, въ удѣлѣ Веніаминомъ, пророкъ, влекомый туда волей Божіей, подумалъ: «Отмѣнилъ Господь кару Свою; враги не разрушатъ храма, и не будетъ изгнанъ народъ изъ земли своей».

Отошелъ отъ изгнанниковъ Іеремія. А тѣ, видя это, подняли громкій плачъ и завопили горестно:

— «О, Іеремія! О, отецъ нашъ! Вотъ, и ты насъ покидаешь».

Отвѣчалъ Іеремія:

— Небо и землю въ свидѣтели беру: если-бы вы хотя единый разъ заплакали, пока вы въ Сіонѣ находились, вы не были-бы изгнаны оттуда.

*

— «Горе, горе тебѣ, благодатнѣйшая изъ странъ!» — восклицалъ онъ, идя въ обратный путь свой. А по дорогамъ, тутъ и тамъ, валялись отрубленные пальцы рукъ и ногъ; и подбиралъ онъ ихъ прижималъ къ груди, цѣловалъ долго и нѣжно, въ складки одеждъ своихъ заботливо заворачивалъ и пряталъ ихъ, и говорилъ рыдая:

— Дѣти, дѣти мои! Не предупреждалъ-ли я васъ, не говорилъ-ли: «Воздайте славу Господу, Богу Вашему, пока Онъ еще не навелъ темноты, пока не спотыкаются ноги ваши на горахъ мрака»?

Про это и гласятъ слова пророка:

«О горахъ подниму
Плачъ и рыданіе,
О степныхъ шалашахъ
Пѣснь плачевную», —

о красивыхъ и славныхъ горахъ нашихъ, о шатрахъ Іаковлевыхъ, превратившихся въ обитель пѣсни плачевной!...

*

И такъ повѣствовалъ Іеремія:

— Когда я всходилъ къ Іерусалиму, поднялъ я глаза и увидѣлъ: женщина сидитъ на вершинѣ горы, въ одежды черныя облачена, и волосы ея по плечамъ въ безпорядкѣ раскинуты. И вопіетъ, и вопрошаетъ она: О, можетъ-ли быть утѣшеніе для меня?

И я иду, вопія и вопрошая: О, можетъ-ли быть утѣшеніе для меня?

Подошелъ я и заговорилъ съ нею, и спросилъ я: — Если ты человѣкъ, то отвѣчай мнѣ, а если ты духъ — исчезни!

Отвѣчала она:

— Развѣ ты не узнаешь меня? Я та, у которой было семь сыновей; въ далекіе края отецъ ихъ ушелъ; стала я плакать въ тоскѣ по немъ, а въ это время пришли и сказали мнѣ: обрушился домъ и всѣхъ семерыхъ дѣтей убило. — И вотъ, не знаю я, кого мнѣ теперь оплакивать, по комъ въ траурѣ волосы мои распускать.

— Женщина! — сказалъ я ей, — не лучше-же ты матери твоей, обители Сіонской, — она-же пастбищемъ стала для звѣрей полевыхъ!

Отвѣчала она и сказала:

— Это — я, матерь твоя, дщерь Сіонская, семерыхъ родившая!

И сказалъ я:

— Кара твоя карѣ Іова подобна: у Іова отняты были сыновья и дочери его, — и ты сыновей и дочерей своихъ лишилась. Отняты были у него серебро и золото его, — и у тебя отняты сокровища твои; на навозѣ валяться брошенъ былъ Іовъ, — и ты мусоромъ и бреніемъ стала. И такъ-же, какъ утѣшилъ Господь Іова, обратится къ тебѣ Господь и утѣшитъ тебя.

Песик.-Р., 26; Таан., 29; Еха-Р.

*

«Объ этомъ плачу я» (Плачъ Іереміи).

Равъ Іегуда пояснялъ:

— Плачу о томъ, что отошелъ Духъ Святой и отошелъ разумъ. Ибо не изумительно-ли, что въ то время, когда иноплеменники подошли, чтобы выколоть у него глаза, у Седекіи не хватило разума удариться головой объ стѣну и умереть? *Эха-Р., 1.*

УХОДЪ ШЕХИНЫ

«И отошла слава Господня отъ входа дома».

Притча раби Ахи:

— Исполненный гнѣва, покидалъ царь чертогъ свой. Но, переступая порогъ его, вернулся царь и, съ простертыми объятіями цѣлуя стѣны и колонны, заплакалъ, говоря: «Оставайтесь съ миромъ, сѣни чертога моего! Оставайся съ миромъ, обитель царской власти моей! Миръ тебѣ, милое убѣжище мое! Миръ тебѣ, отнынѣ и во вѣки миръ тебѣ!» — И Духъ Господень, покидая Святилище

Свое, возвращался съ порога его и простиралъ объятія и цѣловалъ стѣны и колонны Святилища и, горестно плача, говорилъ: Прощай, священная обитель Моя! Прощай, царственный чертогъ Мой! Прощай, пріютъ милый Мой! Прощай на вѣки! *тамъ-же.*

ПЛАЧЪ ГОСПОДЕНЬ

«И Господь, Господь Саваоѳъ призываетъ васъ въ день этотъ плакать и сѣтовать, и рвать волосы свои, и одѣться въ рубище».

Когда созрѣло рѣшеніе Господа предать уничтоженію святую Обитель Его, Господь сказалъ:

— Дотолѣ, пока Я обитаю въ Домѣ этомъ, рука иноземнаго не коснется его. Отведу отъ него очи Мои и поклянусь не возсоединяться съ нимъ до времени урочнаго, — и придутъ иноплеменные и разрушатъ его.

Отвелъ Господь десницу Свою, — «отвелъ десницу свою отъ непріятеля», — и вошли враги въ Святилище и сожгли его.

— «Отнынѣ, — сказалъ Господь, — нѣтъ для Меня обиталища на землѣ, — пусть-же отойдетъ отъ него Шехина Моя, и удалюсь Я въ прежнюю обитель Мою».

И плакалъ Господь и говорилъ:

— Увы! Что совершилъ Я! Ради народа Моего Я Духъ Мой на землѣ поселилъ, а нынѣ, когда согрѣшилъ народъ, Я удаляюсь въ прежнюю обитель Мою. Совершиться-ли этому? На смѣхъ Я сталъ для народовъ, для людей на издѣвательство!

Явился Метатронъ, палъ на лицо свое передъ Господомъ и сказалъ:

— Владыка міра! Дай плакать мнѣ, но не плачь Ты, Господи!

Отвѣчалъ Господь:

— Если ты не дашь воли слезамъ Моимъ, Я уединюсь въ тѣ тайники, куда и тебѣ доступа нѣтъ, — «втайнѣ плакать будетъ душа Моя».

И Ангеламъ-Служенія сказалъ Господь:

— Идите, и пойду Я съ вами, и поглядимъ мы, что сдѣлали враги съ Домомъ Моимъ.

И шествовалъ Господь, и Ангелы-Служенія съ Іереміей предшествовали Ему. И когда увидѣлъ Господь, во что превратился храмъ, воскликнулъ Онъ:

— Да, вотъ Домъ Мой, вотъ мѣсто отдохновенія Моего, куда пришли враги и сдѣлали все, чего пожелали!

И восплакалъ Господь и воззвалъ, говоря:

— Горе мнѣ о Домѣ Моемъ! Гдѣ вы, дѣти Мои? Священники, левиты Мои, гдѣ вы? Возлюбленные Мои, гдѣ вы? О, какъ помочь Мнѣ вамъ? Сколько разъ предостерегалъ Я васъ, и не раскаялись вы!

— Іеремія! — сказалъ Господь, — Я подобенъ нынѣ человѣку, у котораго былъ единственный сынъ. Пиръ вѣнчальный приготовилъ онъ сыну своему, а сынъ во время вѣнчанія умеръ. И не болитъ сердце твое за Меня и за дѣтей Моихъ? Иди, зови изъ могилъ Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, — они знаютъ, *какъ* плакать надо!

— Господи, — сказалъ Іеремія, — гдѣ погребенъ Моисей — невѣдомо мнѣ.

— Иди, стань на берегу Іордана, подними голосъ свой и взывай: «Бенъ Амрамъ! Бенъ Амрамъ! Встань и взгляни, какъ овецъ твоихъ растерзали враги!»

Пошелъ Іеремія къ гробницѣ Махпела и воззвалъ къ праотцамъ міра:

— «Встаньте. Пришло время, когда вы призываетесь предъ лицо Всевышняго».

— Для чего? — вопросили праотцы.

— Не вѣдомо это мнѣ, — отвѣтилъ Іеремія, изъ страха услышать упрекъ отъ нихъ: «Въ *твое* время приключилось подобное бѣдствіе дѣтямъ нашимъ!»

Отошелъ Іеремія, всталъ на берегу Іордана и воззвалъ:

— Бенъ Амрамъ! Бенъ Амрамъ! Встань: настало время, когда ты призываешься предъ лицо Всевышняго.

— Чѣмъ день нынѣшній отличается отъ другихъ дней, — прозвучалъ голосъ Моисея, — что меня призываютъ предъ лицо Господне?

— Не вѣдомо это мнѣ, — отвѣтилъ Іеремія.

Не спрашивалъ его болѣе Моисей, но обратился къ Ангеламъ-Служенія, которыхъ онъ зналъ со времени дарованія Завѣта на Синаѣ, и такъ сказалъ онъ имъ:

— Слуги небесныя! Вѣдомо-ли вамъ, для чего призываютъ меня предъ лицо Всевышняго?

— Бенъ Амрамъ! — отвѣчали Ангелы-Служенія, — не знаешь ты, что храмъ Господень разрушенъ и народъ въ изгнаніе уведенъ?

Разодралъ Моисей одежды Славы, въ которыя Господь облачилъ его, заломилъ надъ головою руки свои и, плача и вопія, къ гробницѣ праотцевъ пошелъ. Разодрали и праотцы облаченіе свое, положили руки на головы свои и шли они, вопія и плача, пока не дошли до вратъ храма.

Узрѣлъ ихъ Предвѣчный, какъ идутъ они плача отъ однихъ воротъ къ другимъ, какъ человѣкъ скорбящій о смерти дорогого ему существа, и Господь, оплакивая совершившееся, говорилъ:

«Горе царю, въ юности счастливому и несчастному въ старости своей!»

Эха-Р.

ПЛАЧЪ ПРАОТЦЕВЪ

Терзая пряди бороды своей, взъерошивая волосы на посыпанной пепломъ головѣ, сжатыми кистями рукъ бія по лицу себя, въ разодранныхъ одеждахъ, съ плачемъ великимъ предсталъ Авраамъ передъ Господомъ. Съ криками и воплями обходя развалины храма, взывалъ онъ къ Предвѣчному:

— За что, Господи, всѣхъ другихъ родовъ и племенъ злосчастнѣе удѣлъ мой? За что до такого позора и униженія довелъ Ты меня?

Видя это, и Ангелы-Служенія, ставъ рядъ противъ ряда, подняли плачъ и восклицали они:

— Опустѣли дороги и больше нѣтъ путниковъ, — дороги, проложенныя Тобою къ Іерусалиму, чтобы путники не переставали проходить по нимъ, — какъ запущены онѣ! Дороги, по которымъ народъ Израильскій приходилъ и возвращался въ праздники свои,— о, какъ опустѣли онѣ!

Воззвалъ Господь къ Ангеламъ-Служенія и сказалъ:

— О чемъ, рядами вторя другъ другу, вы плачъ подняли?

— Владыка міра! — отвѣчали ангелы, — плачъ нашъ объ Авраамѣ, возлюбленномъ Твоемъ: за что на него не призрѣлъ Ты, Господи?

Сказалъ Господь:

— Съ той поры, какъ отошелъ возлюбленный Мой въ жизнь вѣчную, не являлся онъ предо Мною; а нынѣ — чего желаетъ другъ Мой въ домѣ Моемъ?

Отвѣчалъ Авраамъ:

— За что Господи, изгнаны Тобою дѣти мои? За что разрушенъ храмъ, воздвигнутый на мѣстѣ томъ, гдѣ я сына моего приносилъ въ жертву всесожженія Тебѣ?

— Сыны твои, — сказалъ Господь, — согрѣшили, преступивъ всѣ завѣты Торы, всѣ двадцать двѣ буквы, начертанныя въ ней.

— Господи! Кто въ этомъ свидѣтельствуетъ противъ нихъ?

— Тора сама да предстанетъ и свидѣтельствуетъ противъ Израиля!

Предстала Тора свидѣтелемъ на судъ Всевышняго.

— Дочь моя! — воззвалъ къ Торѣ Авраамъ, — *Ты* явилась уликою противъ Израиля, преступившаго уставы твои, — и нѣтъ стыда предо мною на лицѣ твоемъ? Вспомни день, когда Господь ходилъ, всѣмъ народамъ и племенамъ предлагая тебя, и никто изъ нихъ принять тебя не желалъ, покуда не пришли сыны мои къ горѣ Синайской и пріяли тебя, и чтили тебя. А нынѣ, въ день ихъ несчастія, ты приходишь свидѣтельствовать противъ нихъ?!

Отошла Тора и молча стала въ сторонѣ.

— Да предстанутъ двадцать два знака Писанія, — повелѣлъ Господь, — и свидѣтельствуютъ противъ Израиля.

Предстали священныя буквы, и выступила буква «Алефъ» первой уликою противъ Израиля.

Обратился къ ней Авраамъ и сказалъ:

— *Алефъ!* Ты — начальная среди буквъ и ты выступаешь обвинителемъ противъ народа Израильскаго въ дни несчастія его? Вспомни день, когда явился въ откровеніи Господь на горѣ Синайской и съ тебя Десятисловіе началъ: «*Анохи* (Я) Господь Богъ твой»,— и ни одинъ народъ принять тебя не желалъ, кромѣ сыновъ моихъ. И ты-же выходишь свидѣтельствовать противъ нихъ?!

Отошла «Алефъ» и молча стала въ сторонѣ.

Выступила буква «Бетъ».

— Дочь моя! — сказалъ ей Авраамъ, — тебѣ-ли свидѣтельствовать противъ сыновъ моихъ, столь ревностно изучавшихъ Пятикнижіе, которое съ тебя начинаетъ повѣствованіе свое?*

Отошла «Бетъ» и молча стала въ сторонѣ.

Видя, какъ Авраамъ двѣ первыя буквы безмолвствовать заста-

---

* *Берешитъ* — «*Въ началѣ* сотворилъ» и пр.

вилъ, всѣ остальныя сами отошли стыдливо, и ни одна не стала говорить ничего въ улику противъ Израиля.

И воззвалъ тогда Авраамъ къ Господу, говоря:

— Владыка міра! На сотомъ году жизни моей Ты сына далъ мнѣ, и когда онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ сознанія, тридцати семи лѣтъ отъ рожденія, Ты сказалъ мнѣ: «Принеси его въ жертву всесожженія Мнѣ»; какъ злодѣй всталъ я на сына моего, не сжалился надъ нимъ, своими руками связалъ его, — и Ты не зачтешь мнѣ этого, Господи, не сжалишься надо мною?

Воззвалъ Исаакъ и сказалъ:

— Владыка міра! Когда отецъ сказалъ мнѣ: «Господь усмотритъ Себѣ агнца для всесожженія, сынъ мой», — я не возставалъ противъ велѣнія Твоего и доброй волей далъ связать себя для всесожженія и протянулъ шею свою подъ ножъ. И не зачтешь Ты мнѣ этого, Господи, и не смилуешься надо мною?

Воззвалъ Іаковъ и сказалъ:

— Владыка міра! Не былъ-ли я слугою двадцать лѣтъ въ домѣ Лавана? А когда я ушелъ оттуда, встрѣтилъ меня нечестивый Исавъ, намѣривавшійся убить дѣтей моихъ, и долженъ былъ я собственной душой жизнь ихъ защитить. И нынѣ, послѣ того, что я, какъ птенцовъ, взлелѣялъ ихъ и муки принималъ, чтобы взростить ихъ, — нынѣ предаешь Ты ихъ, какъ овецъ на закланіе, въ руки враговъ. И не зачтешь Ты мнѣ перенесеннаго мною, и не сжалишься, Господи?!

Воззвалъ Моисей и сказалъ:

— Владыка міра! Не былъ-ли я сорокъ лѣтъ пастыремъ вѣрнымъ для Израиля? Быстрымъ конемъ я мчался передъ ними въ пустынѣ. А когда пришло время войти имъ въ Землю Обѣтованную, Ты произнесъ надо мною приговоръ: «Въ пустынѣ падутъ кости твои». А нынѣ, пославъ народъ въ изгнаніе, Ты призвалъ меня, чтобы скорбѣть и оплакивать его. Истинно говорятъ люди: «Отъ милостей господина не мило мнѣ, отъ немилости его горе мнѣ».

*

И сказалъ Моисей Іереміи:

— Веди меня. Пойду къ нимъ, взгляну, чья рука тяготѣетъ на нихъ.

— Нѣтъ проходу, — отвѣчалъ Іеремія, — всѣ дороги тѣлами убитыхъ покрыты.

— Все таки, пойдемъ.

Пошелъ Іеремія и Моисей вслѣдъ за нимъ. Дошли они до рѣкъ Вавилонскихъ. Увидѣли изгнанники Моисея и другъ другу говорить стали:

— Вотъ, бенъ Амрамъ изъ могилы всталъ, чтобы отъ рукъ враговъ избавить насъ.

Раздался голосъ небесный:

— «Изгнаніе ваше рѣшено Мною!»

— Дѣти мои! — сказалъ Моисей, — возвратить васъ не въ силахъ я, — неизмѣнно Господомъ рѣшено это. Но Онъ, Всемилосердный, вскорѣ вернетъ вамъ милосердіе свое.

И отошелъ отъ нихъ Моисей — и къ праотцамъ міра пришелъ онъ. И вопросили праотцы:

— Что сдѣлали враги съ сынами нашими?

Отвѣчалъ Моисей:

— Однихъ умертвили, у другихъ руки за спину подвернули и связали, кого въ цѣпи желѣзныя заковали, кого раздѣтыми и нагими повели. Одни въ дорогѣ пали мертвыми, и тѣла ихъ сдѣлались добычею для птицъ небесныхъ и для звѣрей земныхъ, другіе подъ палящимъ солнцемъ на муки голода и жажды брошены.

Подняли праотцы плачъ и стенаніе и, рыдая, говорили они:

— Увы! До чего дожили вы, дѣти наши! Какъ сироты безъ отца стали вы. Въ полдень въ лѣтній зной — безъ одѣянія, лежите вы въ наготѣ неприкрытой. По горамъ бредете, по острому каменнику, безъ башмаковъ, безъ сандалій. Грузомъ песку отягощены плечи ваши. Подвернуты назадъ и связаны руки ваши. Слюны своей проглотить не въ силахъ вы...

— Будь проклято, солнце! — воскликнулъ Моисей, — зачѣмъ не погасло ты въ тотъ часъ, когда въ Святилище Господне враги вошли?

— Клянусь, — отвѣчало солнце, — клянусь тебѣ, Моисей, пастырь вѣрный! Какъ было погаснуть мнѣ, когда ни на мгновеніе не отходили отъ меня, — шестьюдесятью бичами огненными бичевали меня, говоря и повторяя: «иди и свѣти полнымъ свѣтомъ своимъ!»

— Увы, обитель святая! — продолжалъ Моисей, — тьмою стало

сіяніе твое. Какъ ужасно разрушеніе твое! Грудой пепла Святилище стало: питомцы школъ — жертвами смерти, отцы ихъ — добычею меча, плѣна и изгнанія.

— Васъ, полонившіе ихъ, заклинаю я: не подвергайте ихъ казни жестокой, не предавайте ихъ истребленію полному; не убивайте сына передъ отцомъ его и дочери передъ матерью ея: Придетъ, говорю вамъ, время и взыщетъ съ васъ Господь за это!

Не внимали вавилоняне мольбамъ его.

— Владыка міра! — взывалъ Моисей, — въ Торѣ Твоей написано: «Ни коровы, ни овцы не закалывайте въ одинъ день съ порожденіемъ ея». А вотъ, сколько убито дѣтей вмѣстѣ съ матерями ихъ, а Ты молчишь, Господи!

Въ эту минуту очутилась передъ Господомъ Рахиль, матерь наша, и воззвала она:

— Господи, Владыка! Тебѣ вѣдомо, какъ велика была любовь ко мнѣ раба Твоего Іакова. Семь лѣтъ прослужилъ онъ ради меня отцу моему, а когда пришло время мнѣ сдѣлаться женою его, отецъ рѣшилъ подмѣнить меня сестрой моей, и я не возревновала его къ сестрѣ моей. Я, изъ плоти и крови созданная, прахъ и пепелъ, ревновать не стала къ соперницѣ моей; Ты-же, царь живой, сущій и милосердный, тебѣ-ли ревновать къ идоламъ, мертвымъ и ничтожнымъ, и за нихъ изгонять дѣтей моихъ?

Въ эту минуту вернулось милосердіе Божіе, и сказалъ Господь:

— Ради тебя, Рахиль, я возвращу народъ Израильскій въ предѣлы его.

«Такъ сказалъ Господь:
Голосъ въ Рамѣ слышенъ,
Вопль и горькое рыданіе, —
То Рахиль о дѣтяхъ слезы льетъ
И утѣшиться не хочетъ.
Удержи свой голосъ отъ рыданія
И глаза свои отъ слезъ,
Ибо ждетъ тебя за трудъ награда, —
Говоритъ Господь, — въ свои предѣлы
Возвратятся вновь сыны твои».

Еха.-Р.

КРОВЬ ПРОРОКА ЗАХАРІИ

Преданіе отъ раби Іегошуи бенъ Карха:

— Нѣкій старецъ, изъ жителей Іерусалима, разсказалъ мнѣ: «Видишь, — говорилъ онъ, — и въ этой долинѣ, и въ самомъ Іерусалимѣ Навузараданъ, начальникъ тѣлохранителей Навуходоносоровыхъ, казнилъ несмѣтное множество народа. Кровь казненныхъ потекла и слилась съ кровью Захаріи. Кровь же Захаріи кипѣла и била вверхъ ключемъ. «Что это?» — спросилъ Навузараданъ. — «Кровь отъ жертвоприношеній», — отвѣтили ему. Велѣлъ онъ принести жертвенную кровь, сравнилъ и нашелъ ее совершенно различною отъ крови той.

— Слушайте, — сказалъ Навузараданъ, — скажете правду — хорошо, нѣтъ — я желѣзными гребнями сдеру мясо съ костей вашихъ.

— Что сказать тебѣ? — отвѣчали ему, — нѣкій пророкъ былъ среди насъ; порицалъ онъ насъ за грѣхи наши, возстали мы и убили его. И вотъ, сколько лѣтъ прошло, а кровь его не успокаивается.

— А вотъ, — сказалъ Навузараданъ, — я уговорю его успокоиться.

Привели, по приказу его, членовъ обоихъ синедріоновъ, великаго и малаго, и казнили ихъ на томъ мѣстѣ. Но кровь Захаріи не успокоилась; заклали юношей и дѣвъ, — не помогло и это; казнили дѣтей, питомцевъ школъ — и это не помогло.

— Захарія! Захарія! — воскликнулъ тогда Навузараданъ, — лучшихъ изъ народа погубилъ я, желаешь ты развѣ, чтобъ я истребилъ всѣхъ до единаго?

Какъ только проговорилъ онъ слова эти, тотчасъ кровь успокоилась.

Чувство невольнаго раскаянія проснулось въ сердцѣ Навузарадана.

— «Если, — подумалъ онъ, — изъ за одной погубленной жизни, гнѣвъ Господень, въ видѣ этой кипящей крови, не утихалъ столько времени, что-же должно произойти послѣ того, какъ мною столько жизней погублено?

Бѣжалъ оттуда Навузараданъ, послалъ завѣщаніе семьѣ своей и принялъ законъ Бога Единаго. *Гит., 57.*

МУКИ ИЗГНАННИКОВЪ

«Звала я друзей моихъ, —
Они обманули меня». *Плачъ Іереміи, I, 19.*

*

Преданіе отъ раби Іегошуи бенъ Леви:

Направляемыхъ въ Вавилонъ изгнанниковъ Іерусалимскихъ вели съ завязанными за спиной руками, закованными въ желѣзные наручники, голышемъ, какъ животныхъ. Когда проходили мимо поселеній измаильтянъ, изгнанники стали просить начальниковъ конвоя:

— Окажите намъ милосердіе и жалость — проведите насъ черезъ селенія братьевъ нашихъ, потомковъ дяди нашего Измаила.

Просьбу ихъ исполнили. Вышли измаильтяне навстрѣчу и стали предлагать имъ соленаго хлѣба и рыбнаго разсола, а вмѣсто воды — пустые мѣхи, наполненные воздухомъ и снаружи смоченные водою. Поѣвъ соленое и полагая, что въ мѣхахъ вода, израильтяне* хватались зубами за мѣхи, воздухъ входилъ въ ихъ легкія — и они падали замертво.

Такимъ-же образомъ — по преданію отъ раби Іоханана, — погибли восемьдесятъ тысячъ юношей-коганидовъ. Вооруженные золотыми щитами, прорвались они черезъ войска Навуходоносора и направились къ измаильтянамъ.

— Вы потомки дяди нашего, — говорили они сынамъ Измаиловымъ, — дайте намъ воды напиться!

— Вы поѣшьте сперва, отвѣчали тѣ и, накормивъ ихъ соленымъ, давали имъ, вмѣсто воды, мѣхи, наполненные воздухомъ.

Эха.-Р.

НА РѢКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ

Полоненнымъ израильтянамъ Навуходоносоръ не позволялъ останавливаться по долгу на одномъ мѣстѣ во всѣхъ предѣлахъ Ханаанской земли, но гонялъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Дѣлалось это

* У которыхъ руки были въ оковахъ.

вавилонянами изъ опасенія, чтобы народъ израильскій не имѣлъ возможности принести покаяніе Господу. «Богъ племени этого, — говорили они, — ждетъ, чтобъ израильтяне раскаялись въ грѣхахъ своихъ, и дотолѣ, пока они еще находятся на своей землѣ, Онъ, чего добраго, поступитъ съ нами такъ, какъ поступилъ съ Сеннахирибомъ*.

Когда-же достигли рѣкъ Вавилонскихъ и очутились на своей землѣ, побѣдители тотчасъ сдѣлали стоянку. Одни (вавилоняне) занялись бражничаньемъ, другіе (израильтяне) обратились къ плачу и стенаніямъ.

— Зачѣмъ вы сидите и плачете? — спрашивалъ ихъ Навуходоносоръ. И повелѣлъ онъ колѣну Левіину выступить впередъ и сказалъ:

— Приготовьтесь! Желаю я, чтобы, пока мы ѣдимъ и пьемъ, вы стояли и проводили перстами по струнамъ арфъ вашихъ такъ, какъ вы дѣлали это въ вашемъ храмѣ, передъ Богомъ вашимъ.

Начали переглядываться между собою левиты и говорить одинъ другому:

— Мало того, что Святилище Господне разрушено за грѣхи наши, дойдемъ-ли мы до того, чтобы передъ этимъ низкимъ человѣкомъ стоять и играть на арфахъ нашихъ?

По общему уговору, повѣсили они арфы на вербахъ, росшихъ тамъ, и, рѣшившись на самопожертвованіе, начали всѣ надламывать и зубами откусывать большіе пальцы на рукахъ своихъ.

— Вотъ, глядите, — говорили они вавилонянамъ, показывая на руки свои, — «*какъ* намъ пѣть пѣснь Господню?»

Песик.-Р., 31.

*

Раби Іохананъ бенъ Закай говорилъ:

— Почему мѣстомъ изгнанія народа Израильскаго избранъ былъ Вавилонъ преимущественно передъ другими странами? Потому, что родъ Авраама происходилъ оттуда. Куда отсылаетъ мужъ согрѣшившую передъ нимъ жену? — Въ домъ отца ея.

Тосеф. Б.-К.

*

---

* Ангелъ Господень, по слову Своему черезъ пророка Исаію, поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ, а самъ Сеннахирибъ былъ убитъ двумя сыновьями его. (II кн. Царей XIX).

По преданію отъ раби Іоханана:

— Во все время царствованія нечестивца Навуходоносора, не появлялся смѣхъ на устахъ ни у одного человѣка. О времени послѣ смерти Навуходоносора и гласитъ стихъ пророка: «Вся земля отдыхаетъ, покоится и поетъ ликуя». *Шаб., 149.*

СКОРБЬ КЕНЕСЕТЪ-ИЗРАИЛЬ

«Вспоминая объ этомъ,
Изливаю я душу мою».

— О комъ гласятъ слова эти въ псалмѣ сыновъ Кореевыхъ?

— О Кенесетъ-Израиль.

— «Владыка міра! — говорила Кенесетъ-Израиль, — я вспоминаю безмятежный миръ минувшихъ дней и говорю: «о, если-бы было нынѣ, какъ въ тѣ дни, когда храмъ существовалъ еще, и Ты сходилъ съ вышнихъ и Духомъ Твоимъ осѣнялъ меня, и народы пѣли славу мнѣ, а когда я, грѣшная молила о милосердіи, Ты внималъ мольбѣ моей. Нынѣ-же — стыдъ и позоръ стали удѣломъ моимъ».

И еще говорила она:

— «Господи! Какимъ смущеніемъ полна душа моя, когда брожу по руинамъ Дома Твоего и слышу шопотъ, который проходитъ по нимъ: «Мѣсто, гдѣ потомки Авраама приносили жертвы на алтарѣ Твоемъ и стояли священники, народъ благословляя, и левиты играли на арфахъ своихъ, — тамъ шакалы рыскаютъ нынѣ!

«Въ многолюдныхъ сонмахъ я ходила,
Съ гласомъ радости вступала въ Божій Домъ».

«По стопамъ шествовавшихъ на праздники въ священный градъ, подъ сѣнь Господню всходила я; ровныя лежали дороги предо мною и деревья осѣняли голову мою. А нынѣ — изгнанія тѣнь легла на меня, по бурелому путь мой лежитъ, и обнаженною я по солнцу иду. Сонмами торжественными всходила я прежде, сонмъ за сонмомъ, подобно водопаду, ни днемъ, ни ночью не прерывающему теченія своего; съ корзиною первинокъ на головѣ, съ гимнами и пѣснями я путь свой совершала. И гласили пѣсни тѣ —

По утрамъ:
«Вставайте, пойдемъ,
На гору Сіонъ!»

На дорогахъ:
«Я съ радостью слышу: пойдемъ
Въ обитель Господню!»
Въ Іерусалимѣ:
«Стояли ноги наши
Въ твоихъ вратахъ, Іерусалимъ!»
На Храмовой горѣ:
«Аллилуія! Славьте Господа
Во Святилищѣ Его!»
Во дворѣ храма:
«Все живущее
Да хвалитъ Господа.
Аллилуія!»

«А нынѣ — безмолвны восхожденія мои, и безмолвно обратно иду я»... *Еха-Р.*

УТѢШЕНІЕ

«Утѣшайте, утѣшайте народъ мой».

— «Утѣшай меня, утѣшай меня, народъ мой — говорилъ Господь».

«Виноградникъ былъ у виноградаря; пришли люди и вырубили его. Кто въ утѣшеніи нуждается — виноградникъ, или виноградарь? Домъ сожгли, — кого утѣшать надо: домъ, или хозяина? Вы виноградникомъ были у меня. Пришелъ Навуходоносоръ и разрушилъ виноградникъ Мой, васъ изгналъ и обитель Мою сжегъ, — въ утѣшеніи *Я* нуждаюсь. Утѣшай Меня, утѣшай Меня, народъ мой!»
Песик.-Р.

*

«Боже! Пришли язычники въ наслѣдіе Твое» — гласитъ пѣснь Асафова.

«*Пѣснь* Асафова?» Не умѣстнѣе-ли было-бы «*плачъ* Асафовъ», «*стенаніе* Асафова?»

Нѣтъ. Покои вѣнчальные предуготовилъ царь для сына своего, выбѣлилъ ихъ, обшилъ панелями, живописью покрылъ. Но царевичъ блуднымъ сыномъ сталъ. Пришелъ царь, сталъ завѣсы раздирать, плетенія тростниковыя уничтожать. Видя это, воспитатель

царевича взялъ свирѣль свою и принялся играть на ней. Стали окружающіе говорить ему:

— Царь вѣнчальные покои сына своего разрушилъ, а ты пѣсни поешь!

— Потому пою я, — отвѣчалъ тотъ, — что царь *покои* сына своего разрушилъ, а не *на него* самого гнѣвъ свой излилъ.

И Асафу люди говорили.

— Господь храмъ и святилище Свое разрушилъ, а ты «пѣсни» поешь.

— Потому-то и пою я, — отвѣчалъ Асафъ, — что на дерева и камни излилъ Господь гнѣвъ Свой, а народъ не истребилъ Онъ въ гнѣвѣ Своемъ. *Еха-Р.*

ОТЪ ПЕРВАГО ДО ВТОРОГО ХРАМА

ХИРАМЪ, ЦАРЬ ТИРСКІЙ

— Сынъ человѣческій! Тира царю возвѣсти:
Такъ говоритъ Вездѣсущій Господь. Возгордился
Умъ твой, и ты говоришь: «Богъ—я, и въ нѣдрахъ морей
Я на престолѣ, подобно богамъ, возсѣдаю».

Іезек., XXVIII.

*

Пришелъ Хирамъ къ морю. Четыре желѣзныхъ столпа, длины безмѣрной, опустилъ въ глубину и на днѣ морскомъ въ квадратномъ положеніи утвердилъ. И сдѣлалъ онъ семь сводовъ небесныхъ съ престоломъ, изображеніями звѣрей, громами, молніями.

Первый небосводъ — стеклянный, и на немъ — солнце, луна и звѣзды. Второй — желѣзный, по этому своду перекатывались каменные шары и, сталкиваясь, производили грохотъ, подобный громовому раскату. Между этимъ сводомъ и слѣдующимъ — бассейнъ съ водометами. Третій изъ свинца; четвертый — изъ металлическихъ сплавовъ, и между ними — водометы. Пятый — изъ мѣди. Шестой — изъ серебра, и вдѣланы въ него жемчуга и самоцвѣтные камни. Седьмой изъ золота, и по немъ изображенія звѣрей и херувимовъ. На этомъ «небѣ» помѣщался золотой тронъ, на вершинѣ котораго утверждена была цѣлая система подвѣсокъ изъ жемчуга краснаго цвѣта. При каждомъ движеніи возсѣдающаго на тронѣ подвѣски эти сталкивались между собою, и получалось подобіе блеска молній и грохота грома.

*

И сказалъ Господь Іезекіилю:

— Сынъ человѣческій! Иди, скажи Хираму: «Почто возгордился ты? Не отъ женщины-ли рожденъ ты?»

— Господи! — сказалъ Іезекіиль, — какъ пойти мнѣ къ нему? Вѣдь онъ въ воздушномъ пространствѣ пребываетъ?

Навелъ Господь вѣтеръ, опахнулъ онъ кудри на головѣ Іезекіиля и повелъ его по воздуху, и привелъ къ Хираму. Затрепеталъ въ ужасѣ Хирамъ при видѣ Іезекіиля.

— Кто привелъ тебя сюда? — воскликнулъ онъ.

— Господь привелъ меня — отвѣтилъ Іезекіиль, — и такъ сказать тебѣ велѣлъ Онъ: «Почто возгордился ты? Вѣдь смертный ты, отъ женщины рожденный».

— Пусть такъ, — сказалъ на это Хирамъ, — пусть я отъ женщины рожденъ, но живъ и сущъ я вѣчно! Какъ Господь среди морей возсѣдаетъ, такъ и я, какъ Господь на семи небесахъ обитаетъ, такъ и я.

*

А кончилъ Хирамъ, царь Тирскій жизнь свою такъ: послалъ Господь на Хирама Навуходоносора, и низложилъ онъ его. Изъ собственнаго тѣла Хирама ежедневно вырѣзывали куски мяса, и, обмакивая въ уксусъ, давали ему вмѣсто пищи. И умеръ онъ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Чертоги-же, въ видѣ небосводовъ воздвигнутые Хирамомъ, были поглощены нѣдрами земными, гдѣ сохраняемы Господомъ для обитанія праведниковъ по пришествіи Грядущаго. *Бет.-Гам., 5.*

ДАНІИЛОМЪ ВОСКРЕШЕННЫЕ

Въ то время, когда Хананія, Мисаилъ и Азарія были брошены, по велѣнію Навуходоносора, въ калильную печь, было слово Господне Іезекіилю:

— Иди, воскреси мертвыхъ въ долинѣ Деирѣ.

Поднявшіеся изъ могилъ скелеты стали наступать на Навуходоносора и колотиться о лицо его.

— Что это? — завопилъ Навуходоносоръ.

— Товарищъ тѣхъ трехъ*, — отвѣчали ему, — въ долинѣ Деирѣ мертвыхъ воскрешаетъ.

Услыша это, поднялъ Навуходоносоръ голосъ свой и воззвалъ:

«Какъ велики Его знаменія,
Могущественны чудеса Его!
И царство Его — царство вѣчное,
Владычество — въ роды родовъ!» *Санг., 62.*

*

По сказанію раби Еліазара, воскрешенные Іезекіилемъ, вставъ изъ могилъ, возносили хвалу Всевышнему и снова возвращались къ покою вѣчному.

По сказанію-же раби Елеазара бенъ р. Іосе Галилейскаго, воскрешенные изъ мертвыхъ Іезекіилемъ ушли въ землю Израильскую, взяли себѣ женъ и родили сыновей и дочерей. Живымъ подтвержденіемъ этого являлся раби Іегуда бенъ Бетера, который, услыша это сказаніе, всталъ и заявилъ:

— Я — одинъ изъ потомковъ тѣхъ людей, и вотъ филактаріи, оставшіеся мнѣ отъ дѣда моего, одного изъ воскресшихъ въ долинѣ Деирѣ. *Тамъ-же, 91.*

ХАНАНІЯ, МИСАИЛЪ И АЗАРІЯ

Поученіе раби Симеона Силоійскаго:

— Въ ту минуту, когда три отрока брошены были въ калильню, предсталъ передъ Господомъ Іюркелій, духъ града, и сказалъ:

— Господи! Позволь мнѣ сойти и остудить калильню, дабы спасти праведниковъ этихъ отъ смерти.

Сказалъ Іюркелію архангелъ Гавріилъ:

— Въ чемъ-же проявится тутъ могущество Господне? Ты — духъ града, а это всѣмъ извѣстно, что вода тушитъ огонь. Я — духъ огня; пойду *я*, остужу печь внутри и раскалю ее снаружи, — это будетъ двойнымъ чудомъ.

— Иди, — сказалъ Господь Гавріилу.

И воспѣлъ Гавріилъ:

«Господня истина — во вѣкъ.
Аллилуія!» *Песик., 118.*

---

* Хананіи, Мисаила и Азаріи.

ПРОРОКЪ ЕЗДРА

Раби Іосе училъ:

— Ездра, не предупреди его Моисей, былъ достоенъ, чтобы черезъ него была дана Тора народу Израильскому. *Санг., 20.*

ЧЛЕНЫ ВЕЛИКАГО СОБОРА*

Раби Іегошуа бенъ Леви училъ:

— Почему лица эти названы «членами Великаго Собора?» Потому, что ими «возвращенъ былъ Божественному Вѣнцу исконный блескъ его». Моисей, слава Господа, титуловалъ Его: «Богъ великій, могучій и страшный». Іеремія говорилъ: «Варвары разрушаютъ Святилище Господне, — гдѣ-же страхъ передъ Нимъ?» И Іеремія опускалъ названіе «страшный»**. Даніилъ говорилъ: «Иноплеменные властвуютъ надъ сынами Его и порабощаютъ ихъ, — гдѣ-же мощь Его***?» И онъ опускалъ слово «мощный». Явились мужи Великаго Собора и сказали: «Наоборотъ, — въ томъ и заключается высшее могущество Господне, что Онъ пересиливаетъ гнѣвъ Свой и проявляетъ долготерпѣніе Свое по отношенію къ нечестивцамъ и злодѣямъ. И страхъ Господень тѣмъ и великъ, что только страхомъ этимъ одинокое и беззащитное племя продолжаетъ существовать среди враждебныхъ ему народовъ міра. *Іома, 69; Іалк.*

МАРДОХЕЙ И ЭСѲИРЬ

«Псаломъ при появленіи утренней зари».

Про времена Мардохея и Есѳири гласитъ стихъ этотъ. Ночь, хотя преобладающую сущность ея составляетъ темнота, имѣетъ все-же свѣтъ луны, звѣздъ и планетъ. Темнота-же, во всей полнотѣ этого понятія, наступаетъ въ минуты, предшествующія появленію утренней зари: меркнетъ луна, гаснутъ звѣзды, исчезаютъ пла-

---

* Представители Іудеи приблизительно въ періодъ времени отъ Кира Персидскаго до Александра Македонскаго.

** Іеремія, XXXII, 18.

*** Даніилъ IX 4.

неты — и нѣтъ темноты болѣе совершенной, чѣмъ темнота предразсвѣтная. И въ эти минуты внемлетъ Господь вселенной со всѣмъ сущимъ въ ней, изъ тьмы выводитъ зарю и даруетъ міру свѣтъ.

И потому еще Есѳирь уподоблена утренней зарѣ, что вся эпопея Есѳирина шла, развиваясь съ той-же постепенностью, съ какою протекаетъ появленіе и свѣтонаростаніе утренней зари. Подобно едва начинающему брежжить мерцанію, первымъ моментомъ было появленіе Мардохея «у воротъ чертога царскаго». Потомъ: «Есѳирь — царица». Далѣе: «безсонница царя и чтеніе «Памятной книги»; «Мардохей въ царскомъ одѣяніи и верхомъ на царскомъ конѣ, ведомомъ подъ уздцы Аманомъ»; «Аманъ на висѣлицѣ»; «контръ-указъ Ахашвероша»; «Мардохей, выходящій послѣ пріема у царя, въ одеждѣ царской»; и наконецъ, — «у іудеевъ былъ *свѣтъ*».

*

Равъ Аси говорилъ:

— Какъ съ утренней зарею кончается тьма ночная, такъ съ Есѳирью времена чудесъ окончились. *Шох.-Т.; Іома, 29.*

ПИРЪ АХАШВЕРОША

«Питье шло чинно».

По сказанію раби Леви, у персовъ былъ обычай, по которому каждый приглашенный на пиръ къ царю долженъ былъ выпивать колоссальный кубокъ, содержимостью въ пять восьмыхъ гина*. Человѣкъ могъ тутъ-же умереть или сойти съ ума, ничто не могло заставить отмѣнить этотъ обычай. Натурально, прибѣгали къ единственному средству — подкупу виночерпія: платили, не жалѣя золотыхъ динаріевъ и виночерпіи богатѣли со дня на день. Ахашверошъ обычай этотъ отмѣнилъ: пусть, — сказалъ онъ, — каждый пьетъ столько, сколько хочетъ и можетъ. *Аба-Гур.; Іалк.*

БИГѲАНЪ И ѲЕРЕШЪ

«Въ тѣ дни, когда Мардохей сидѣлъ у воротъ царскихъ, два царскихъ евнуха, Бигѳанъ и Ѳерешъ, оберегавшіе порогъ, озлобились и замыслили наложить руку на царя Ахашвероша».

---

* Три бутылки.

Сказаніе раби Леви:

— Бигѳанъ и Ѳерешъ были киликійцами, изъ города Тарса, и прежде занимали мѣсто привратниковъ царскихъ. На ихъ мѣсто царь назначилъ Мардохея. Это ихъ озлобило, и сговорились они такъ: «Подсыплемъ въ питье царское отравы; царь умретъ, и всѣ станутъ говорить: пока царя охраняли Бигѳанъ и Ѳерешъ, царь былъ въ полной безопасности, а назначили іудеянина — царя и отравили». Разговоръ этотъ они вели по киликійски, въ увѣренности, что изъ окружающихъ никто ихъ не пойметъ. Не знали они, что Мардохей одно время засѣдалъ въ Синедріонѣ, и былъ знакомъ со всѣми семьюдесятью языками и нарѣчіями*.

Мид. Пан. Ах.; Мег., 13.

*

«И ихъ обоихъ повѣсили на деревѣ».

«Послѣ этого возвеличилъ царь Ахашверошъ Амана».

Притча раби Іегуды га-Наси:

— Созвалъ левъ на пиръ всѣхъ звѣрей и животныхъ. Происходилъ пиръ подъ навѣсомъ изъ львиныхъ шкуръ. Насытившись, гости стали говорить: «Кто-бы намъ теперь пѣсню спѣлъ?» Остановились на лисѣ. — «А будете-ли вы подпѣвать мнѣ?» — задала имъ вопросъ лиса. — Будемъ, — отвѣтили четвероногіе гости. Подняла лиса глаза къ навѣсу изъ львиныхъ шкуръ и запѣла: «Желаю, чтобы то, что постигло *верхнихъ,* постигло и *нижнихъ*».

Таковъ смыслъ и приведенныхъ двухъ стиховъ: «Кто далъ намъ увидѣть повѣшенными Бигѳана и Ѳереша, Тотъ да приведетъ насъ увидѣть и паденіе Амана». *Эс.-Р.*

ВОЗВЕЛИЧЕНІЕ АМАНА

Притча раби Леви:

— Конюхъ оскорбилъ царевича. Разсудилъ царь такъ: «Если я казню оскорбителя, всѣ будутъ говорить: конюха казнили. Нѣтъ, сперва возвеличу его, а потомъ казню». Произвелъ царь конюха

* Для членовъ Синедріона было обязательно знаніе языковъ всѣхъ народовъ.

сначала въ трибуны, затѣмъ въ градоправители и потомъ уже повелѣлъ обезглавить его. — Такъ и Господь сказалъ: «Если-бы Аманъ былъ казненъ еще въ то время, когда онъ совѣтывалъ Ахашверошу воспретить возобновленіе Іерусалимскаго храма, никто-бы о немъ не зналъ; нѣтъ, пусть онъ сперва пріобрѣтетъ извѣстность и потомъ казненъ будетъ». Такъ оно и произошло: сперва «поставилъ царь кресла его выше всѣхъ князей», а потомъ — «повѣсили Амана на деревѣ, которое онъ приготовилъ для Мардохея».

И такова обычная судьба всѣхъ враговъ Господа:

«Растутъ подобно злакамъ нечестивцы,
И пышнымъ цвѣтомъ грѣшники цвѣтутъ,
Чтобъ стать потомъ добычей истребленья».

Эс.-Р.; Аба-Гур.

ЗАМЫСЕЛЪ АМАНА

«Задумалъ Аманъ истребить *всѣхъ* Іудеевъ».

Свила птица гнѣздо на морскомъ берегу. Смыло гнѣздо прибоемъ. Озлилась птица и давай клювомъ воду изъ моря на берегъ выливать, а песокъ съ берега бросать въ воду. Увидала это другая птица и спрашиваетъ:

— Что это ты дѣлаешь, безумная?

— Не уйду отсюда, — отвѣчаетъ первая, — пока не превращу море въ сушу и сушу въ море.

— Глупѣйшее ты созданіе! Многое-ли ты, въ концѣ концовъ, сдѣлать можешь?

И про Амана сказалъ Господь:

— Я, Всемогучій, возымѣлъ намѣреніе истребить народъ Израильскій и *не могъ* сдѣлать этого, едва только всталъ Моисей, чтобы отвратить гнѣвъ Мой, а глупецъ Аманъ «убить, погубить и истребить ихъ» задумалъ! Клянусь, голова его станетъ искупленіемъ ихъ. Имъ — спасеніе, ему — висѣлица. *тамъ-же.*

ЯБЕДНИЧЕСТВО АМАНА И УКАЗЪ АХАШВЕРОША.

Преданіе отъ Равы:

— Въ дѣлѣ ябеды Аманъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ. Между нимъ и Ахашверошемъ произошелъ слѣдующій разговоръ относительно народа Іудейскаго:

Аманъ: Государь! Повели жестоко преслѣдовать ихъ.

Ахашверошъ: Опасно это: ихъ Богъ караетъ всѣхъ преслѣдователей ихъ.

Аманъ: Они давно уже измѣняютъ завѣтамъ Его.

Ахашверошъ: Но есть среди нихъ и праведники, которымъ удастся вымолить прощеніе для нихъ.

Аманъ: Всѣ они одинаковы. Скажешь, можетъ быть: истребленіе ихъ повлечетъ опустошеніе какой нибудь области въ странѣ? Нѣтъ, народъ этотъ живетъ «разбросанный и разсѣянный между всѣми другими народностями въ государствѣ твоемъ». Убытокъ казнѣ? Но казнѣ отъ нихъ, какъ заводу отъ мула*, никакой прибыли нѣтъ. «И законы ихъ отличны отъ законовъ всѣхъ другихъ народовъ»: они не ѣдятъ и не пьютъ за однимъ столомъ съ нами и въ браки съ нами не вступаютъ. «И законовъ царя они не выполняютъ»: круглый годъ праздники у нихъ; то суббота, то праздникъ. Вотъ, посчитай: пасха, пятидесятница, кущи, новолѣтіе, день отпущенія. (Въ эту минуту прозвучалъ Голосъ небесный: «Нечестивецъ! Тебѣ завидно, что праздниковъ *много* у нихъ? Вотъ, Я повергну тебя передъ ними — и прибавится у нихъ еще одинъ праздникъ, въ память гибели твоей»). — «И царю, — продолжалъ Аманъ, — не стоитъ беречь ихъ». Даже при ѣдѣ и питьѣ они царя оскорбляютъ: упадетъ въ кубокъ муха, они муху выбросятъ вонъ, а кубокъ выпьютъ; а попробуй ты, государь, дотронуться до кубка, выплеснутъ на полъ и пить не станутъ. Такъ вотъ, «если царю благоугодно, то пусть будетъ предписано истребить ихъ».

*

«И призваны были писцы царскіе» — — «и посланы письма».

Вотъ что письма тѣ гласили:

«Всѣмъ народамъ, націямъ и племенамъ. Миръ да умножится среди васъ».

«Да будетъ вѣдомо вамъ:

«Предсталъ предъ нами нѣкій мужъ, не изъ края здѣшняго и не изъ земли нашей. Потомокъ Амалика онъ, происхожденія весьма благороднаго, а зовутъ его Аманъ. И обратился сей мужъ ко

* Въ текстѣ игра словъ: «meforad» — разсѣянный и «pered, pirda» — мулъ.

мнѣ съ просьбою довольно пустячною. Просьба эта заключается въ слѣдующемъ:

«Живетъ среди насъ нѣкій народецъ, самый презрѣнный среди народовъ, высокомѣрный и пригодный только на то, чтобы помѣхой и претнновеніемъ служить для насъ. Люди эти издѣваются надъ нами и радуются бѣдствіямъ нашимъ. Царя проклинаютъ они постоянно, вечеромъ, утромъ и въ полдень, говоря: «Господь — царь на вѣки вѣчные; исчезнутъ язычники съ земли Его». И еще говорятъ они: «чтобы совершить мщеніе надъ народами, кару надъ племенами». И что это за неблагодарныя души! Посмотрите, что съ бѣднягой фараономъ сдѣлали они: когда они прибыли въ Египетъ, фараонъ принялъ ихъ радушно и далъ имъ поселиться въ лучшей части страны; въ голодные годы продовольствовалъ ихъ, не отказывая въ самомъ лучшемъ. А когда онъ попросилъ ихъ построить для него одинъ какой нибудь дворецъ, они придумали такую коварную уловку: «Позволь намъ, — заявили они, — отправиться въ пустыню на три дня пути, чтобы принести жертву Господу, Богу нашему, послѣ чего мы вернемся обратно. Да не будетъ-ли еще благоугодно тебѣ одолжить намъ серебрянные и золотые сосуды и одежды?» Египтяне надавали имъ серебра и золота, и лучшія одежды дали. По нѣскольку ословъ навьючилъ каждый изъ израильтянъ. И, обобравъ египтянъ, они бѣжали. Фараонъ кинулся вслѣдъ за ними, чтобы хотя добро свое спасти. Двинулся онъ со всѣмъ войскомъ своимъ. Что-же устроили израильтяне? Былъ среди нихъ нѣкій человѣкъ, по имени Моисей, сынъ Амрама. Человѣкъ этотъ былъ колдуномъ; взялъ онъ обыкновенную палку, пошепталъ надъ нею и ударилъ палкою этою по морю, — море тотчасъ высохло; тутъ израильтяне всѣ и прошли по морю, какъ по сушѣ. Понять не могу, какъ это они прошли, и куда вода дѣвалась. Видя это, пошелъ и фараонъ вслѣдъ за ними, — и ума не приложу, какъ это они его въ воду пихнули, гдѣ онъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ и погибъ. О всѣхъ благодѣяніяхъ, которыя онъ имъ сдѣлалъ, никто изъ нихъ и не вспомнилъ. — А какъ съ предкомъ моимъ Амаликомъ поступили они? Когда они отъ Чермнаго моря направились дальше, пошелъ Амаликъ за совѣтомъ къ Валааму: «Посмотри, — говорилъ онъ, — что племя это съ Египтомъ сдѣлало! И если съ Египтомъ, которому они столь обязаны, они такъ поступить могли, то другимъ и подавно добра ждать отъ нихъ нечего. Что посовѣтуешь ты мнѣ?»

— «Иди на нихъ войной, — далъ отвѣтъ Валаамъ, — и если тебѣ не удастся одолѣть ихъ, то никому на свѣтѣ не устоять противъ нихъ. За ними заслуги Авраамовы; но вѣдь и ты потомокъ Авраама».

«Пошелъ Амаликъ войной противъ нихъ. А Моисей, предводитель ихъ, вотъ что сдѣлалъ: былъ у него ученикъ, нѣкій Іегошуа Навинъ, злодѣй безъ капли жалости въ душѣ. Ему-то Моисей и сказалъ: «Отбери-ка людей и выступи противъ Амалика». Ужъ и не знаю я, колдуны-ли, или дѣйствительные герои были тѣ, которыхъ выбралъ онъ тогда. Моисей палку только въ руки взялъ, что продѣлалъ онъ съ нею — не знаю; на камень сѣлъ и колдовать началъ; и колдовалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не ослабѣли амаликитяне и не пали всѣ мертвыми.

«Пошли потомъ израильтяне на царей Сигона и Ога. Это были всемірно-извѣстные богатыри, передъ которыми никто устоять не могъ. И что-же? Поразили и ихъ израильтяне. А что сдѣлалъ потомъ Іегошуа, ученикъ Моисея? Вторгся съ народомъ своимъ въ землю Ханаанскую и мало того, что землю взялъ, онъ тридцать одного царя поразилъ и владѣнія ихъ подѣлилъ между израильтянами. Даже жителей Гаваона, которые изъявили имъ покорность, израильтяне въ рабовъ и рабынь обратили.

«Пошелъ на нихъ Сисара съ сонмищемъ своимъ. Не знаю я, что продѣлали они съ нимъ, но потокъ Киссонскій подхватилъ войска его, захлестнулъ ихъ и въ океанъ унесъ.

«Первымъ царемъ израильскимъ былъ Саулъ. Царь этотъ пошелъ войной на прѣдка моего Амалика и поразилъ Амаликитскихъ всадниковъ сто тысячъ въ одинъ день, не щадя въ народѣ ни женщинъ, ни грудныхъ дѣтей. И остается совершенно непонятнымъ, какъ имъ удалось нанести амаликитянамъ такое пораженіе.

«А какъ съ дѣдушкой моимъ, Агагомъ, поступили они? Сначала, точно, пощадили его, а затѣмъ пришелъ одинъ изъ нихъ, по имени Самуилъ, изрѣзалъ его въ куски и бросилъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ. А за что такой лютой казни подвергли его? Былъ послѣ того царемъ у нихъ нѣкій Давидъ сынъ Ессеевъ. Этотъ губилъ и уничтожалъ безъ жалости всѣ царства кругомъ. Царствовалъ потомъ сынъ его Соломонъ, который, построивъ какой-то домъ, далъ ему названіе «Святилище», хотя неизвѣстно, что особеннаго такого могло быть въ томъ домѣ. Извѣстно только, что въ то время,

когда кто нибудь пойдетъ войной на нихъ, израильтяне входятъ въ этотъ домъ и начинаютъ творить колдовство, послѣ чего выходятъ и поражаютъ всякаго непріятеля. Нѣтъ той добродѣтели, которой они не приписывали-бы себѣ. Избалованные удачами, смотрятъ съ презрѣніемъ на всѣ другіе племена и народы.

«Когда-же Богъ ихъ состарился, наступилъ на нихъ Навуходоносоръ и сжегъ тотъ Домъ ихъ, и не помогли имъ чародѣйства ихъ: однихъ Навуходоносоръ смертью казнилъ, другихъ закованными въ цѣпи изгналъ изъ земли ихъ и разсѣялъ среди насъ. Но и понынѣ люди эти не измѣнили постыдныхъ привычекъ своихъ. Находясь въ изгнаніи среди насъ, они продолжаютъ издѣваться надъ нами и надъ богами нашими, нечистью и мерзостью считая насъ.

«И вотъ, всѣ мы одно рѣшеніе приняли: кинувъ жеребьи, постановили — истребить ихъ съ лица земли. Жребій выпалъ на тринадцатый день мѣсяца Адаръ.

«Когда получите настоящее посланіе, будьте готовы къ упомянутому дню: стрѣляющіе изъ лука — приготовьте луки свои, мечники — мечи свои, и будьте всѣ наготовѣ, чтобы убивать и уничтожать всѣхъ іудеевъ, которые среди васъ, отрока до старца, не щадя ни дѣтей, ни женщинъ и не оставляя въ живыхъ ни единой души».

*

А вотъ содержаніе письма, посланнаго Аманомъ, потомкомъ Агага, ко всѣмъ правителямъ страны:

«Я, вельможа царскій и намѣстникъ его, знаменитѣйшій среди сановниковъ царскихъ, держалъ совѣтъ со всѣми князями, намѣстниками и областеначальниками. Постановили мы въ единомъ совѣтѣ, единодушно и единогласно, съ соизволенія царя Ахашвероша написали и печатью царской скрѣпили нерушимо. А идетъ дѣло о Великомъ Орлѣ*, который крылья свои надъ всѣмъ міромъ распростеръ, такъ что ни одна птица, ни одинъ звѣрь устоять передъ нимъ не могли, пока не возсталъ Великій Левъ** и не нанесъ тому Орлу могучаго удара, крылья его сломалъ, перья выщипалъ и ноги ему отрубилъ. И весь міръ вздохнулъ свободно и жилъ спокойно и безмятежно съ тѣхъ поръ, какъ Орелъ тотъ былъ согнанъ

---

* Народъ израильскій.

** Навуходоносоръ.

съ гнѣзда своего, и до настоящаго времени. Нынѣ-же замѣчать мы стали, что Орелъ сталъ снова перьями обростать и крылья свои отращивать и собирается онъ, расправивъ крылья, покрыть насъ и весь міръ, какъ распростиралъ ихъ прежде, опустошая земли древнихъ предковъ нашихъ. Въ виду этого, и съ соизволенія царя Ахашвероша, собрались всѣ вельможи Мидо-персидскіе, и написали мы вамъ, — дабы дѣйствовать всѣмъ единодушно, — чтобы уготовить сѣти для Орла того, изловить его прежде, чѣмъ онъ окрѣпнетъ снова и вернется въ гнѣздо свое, выщипать перья его, крылья сломать, тѣло бросить птицамъ на съѣденіе, яйца въ гнѣздѣ его разбить, птенцовъ его растерзать и искоренить память о немъ на свѣтѣ. И не такъ сдѣлаемъ мы, какъ сдѣлалъ фараонъ, который повелѣлъ только дѣтей мужскаго пола казнить, а женскаго оставлять въ живыхъ; и не такъ, какъ поступилъ Амаликъ, истреблявшій слабыхъ изъ нихъ и оставляя сильныхъ; и не такъ, какъ Навуходоносоръ, который, приведя ихъ плѣнниками въ Вавилонъ, далъ имъ жить спокойно и даже пользоваться высшими почестями въ странѣ; и не такъ, какъ Сенахеривъ, который переселилъ ихъ въ страну ничѣмъ не хуже ихъ собственной. Нѣтъ, мы постановили съ яснымъ сознаніемъ — убить и погубить *всѣхъ* израильтянъ, отъ мала до велика, чтобы не осталось ни наслѣдія, ни имени, ни памяти о нихъ на свѣтѣ, дабы они не могли поступать съ нами такъ, какъ поступили съ дѣдами и отцами нашими, — ибо зломъ отплачивали они всякому, кто дѣлалъ добро имъ».

Аг. Эс.; Эс.-Р.; Аба-Гур.; Іалк.

ТРИ СТИХА

Когда письма эти были подписаны и отданы на руку Аману, веселый вышелъ Аманъ изъ чертога царскаго вмѣстѣ со всѣми своими приверженцами. Попался имъ навстрѣчу Мардохей. Въ это время Мардохей замѣтилъ трехъ мальчиковъ, выходившихъ изъ школы, догналъ ихъ и остановилъ. Видя это, подошли къ нимъ и Аманъ съ друзьями, чтобы послушать, о чемъ Мардохей говоритъ съ ними. Подойдя къ дѣтямъ, Мардохей сказалъ одному изъ нихъ:

— Скажи, какой стихъ изучалъ ты сегодня?

Ребенокъ отвѣтилъ:

— «Внезапный страхъ не устрашитъ тебя,
Ни отъ злодѣевъ пагуба грядущая».

Другой сказалъ:

— Я дошелъ сегодня въ школѣ до стиха:

«Замышляйте — замыслы разрушатся;
Затѣвайте дѣло — не исполнится,
Ибо съ нами Богъ».

А третій произнесъ:

«До вашей старости Я — тотъ-же неизмѣнно,
До сѣдины нести Я буду васъ;
Я создалъ васъ — и васъ нести Я буду,
Обременю Себя и васъ спасу».

Услыша слова эти, возрадовался Мардохей великой радостью, и смѣхомъ счастья наполнились уста его.

— Что такое сказали тебѣ дѣти эти, — спросилъ Аманъ, — что ты разсмѣялся такъ радостно?

— Добрыя вѣсти повѣдали они мнѣ, — отвѣтилъ Мардохей, — чтобы не страшился я того зла, которое замыслилъ ты о насъ.

Воспылалъ злобой Аманъ.

— «Съ этихъ-то ребятъ я и начну!» — проговорилъ онъ.

тамъ-же.

ПЕЧАТЬ ГЛИНЯНАЯ

И сказалъ Аманъ Ахашверошу:

— Богъ израильтянъ ненавидитъ развратъ. Вели, государь, собрать женщинъ и устроить пиршество, а израильтянамъ прикажи явиться всѣмъ, ѣсть, пить и поступать по желанію своему.

Ахашверошъ такъ и сдѣлалъ. Поспѣшилъ Мардохей объявить израильтянамъ, въ предостереженіе имъ:

— «Дѣти мои! Не ходите на пиршество это, не давайте искусителю оружія противъ себя!»

Но не послушались израильтяне словъ его и пошли таки въ домъ пиршества.

По преданію отъ раби Измаила — на пиръ тотъ пришло восемнадцать съ половиною тысячъ человѣкъ, ѣли, пили до опьянѣнія и до грѣха повальнаго дошли. Предсталъ сатана передъ Господомъ и доносить сталъ:

— Доколѣ, Владыка, не отвратишь Ты лица Своего отъ народа этого, который такъ огорчаетъ и гнѣвитъ Тебя?

Да будетъ воля Твоя истребить племя это съ лица земли!

— Что-же съ Торою станется? — сказалъ Господь.

— Духами небесными пускай довольствуется она.

Предвѣчный и Самъ склоненъ былъ къ этому:

— Для чего Мнѣ племя это, — говорилъ онъ, — которое столько огорченій приноситъ Мнѣ? «Изглажу изъ среды людей память о нихъ».

И сказалъ Господь сатанѣ:

— Принеси свитокъ, и Я напишу о гибели ихъ.

Принесъ сатана свитокъ, — и написалъ Господь, и печать приложилъ.

Въ эту минуту предстала Тора, въ одежды вдовьи облаченная, и подняла она плачъ передъ Господомъ, и рыдали, вторя ей, Ангелы Служенія, и къ Господу взывали они:

— Владыка міра! Если Израиля не станетъ на свѣтѣ, для чего *мы* тогда?

Услышали солнце и луна и погасили сіяніе свое, и скорбью исполнились небо и земля, и творенія всѣ.

Илія, — доброй памяти, — поспѣшилъ, встревоженный, къ праотцамъ міра и къ пророкамъ, взывая:

— Отцы міра! Небо и земля, и все воинство небесное плачутъ въ скорби и огорченіи; весь міръ объятъ трепетомъ, трепету роженицы подобнымъ, — и вамъ-ли лежать спокойно?

— А по какому это случаю? — спросили они.

— Произнесенъ приговоръ о гибели Израиля!

— Но если приговоръ подписанъ уже, — отвѣчали Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, — то что мы сдѣлать можемъ?

Обратился Илія къ Моисею:

— Увы, пастырь вѣрный! Сколько разъ вставалъ ты въ годины бѣдствій народныхъ — и отмѣнялъ Господь приговоръ свой. Что скажешь ты нынѣ о бѣдѣ грядущей?

— Но развѣ нѣтъ ни одного безупречнаго человѣка въ поколѣніи этомъ? — спросилъ Моисей.

— Есть одинъ, имя его Мардохей.

— Иди-же и скажи ему, — пусть взываетъ онъ къ Господу съ мѣста своего, а мы отсюда взывать будемъ.

— Пастырь вѣрный! — продолжалъ Илія — уже написанъ свитокъ о гибели народной и запечатанъ уже.

— *Чѣмъ* запечатанъ? Если глиною — моленія наши услышаны будутъ, а если кровью, то рѣшеннаго уже не измѣнить намъ.

— Печать глиняная, — отвѣчалъ Илія.

— Тогда поспѣши къ Мардохею.

И поспѣшилъ Илія и повѣдалъ о томъ Мардохею.

тамъ-же.

ПАЛАЧУ ВПОРУ

«И понравилось это (совѣтъ жены и друзей) Аману, и онъ приготовилъ дерево».

Пошелъ Аманъ въ дворцовый паркъ, срубилъ кедръ и съ пѣснями и ликованіемъ перевезъ его и поставилъ у входа въ домъ свой.

— Завтра утромъ, — приговаривалъ Аманъ, — повѣшу я на немъ Мардохея.

И становился Аманъ подлѣ дерева, ростомъ своимъ измѣряя высоту его.

И прозвучалъ Гласъ Небесный:

— «Впору тебѣ дерево это; съ первыхъ дней творенія для тебя предуготовано оно». *тамъ-же.*

ГНѢВЪ НА МИЛОСТЬ

Приготовивъ дерево, пошелъ Аманъ къ Мардохею и засталъ его въ бетъ-гамидрашѣ, окруженнымъ учениками. Посыпавъ головы пепломъ, облаченныя во вретища, дѣти съ плачемъ и воплями сидѣли надъ свитками Торы. Сосчиталъ ихъ Аманъ — дѣтей оказалось двадцать двѣ тысячи. Всѣмъ имъ надѣли оковы на шеи и кандалы на ноги. Приставилъ къ нимъ Аманъ стражу и заявилъ:

— Завтрашній день я сначала вырѣжу ихъ всѣхъ, а затѣмъ и Мардохея повѣшу.

Приходили матери, приносили дѣтямъ поѣсть и попить и говорили:

— Поѣшьте, дѣти, и попейте въ послѣдній разъ, — завтра всѣмъ вамъ умереть, не умирайте хотя отъ голода.

Тогда дѣти, положа руки на свитки, отвѣчали:

— Жизнью Мардохея, учителя нашего, клянемся: ни до ѣды, ни до питья не дотронемся мы, лучше въ постѣ умереть намъ.

И каждый изъ нихъ, свернувъ свитокъ свой, отдавалъ его учителю, и такъ говорили они при этомъ:

— Думали мы, что ради Торы Господь продлитъ жизнь нашу. Нынѣ-же, когда не заслужили мы этого, прими отъ насъ свитки эти.

И общій плачъ поднялся кругомъ. Подобно реву доносились снаружи рыданія матерей, а плачъ дѣтей извнутри вторилъ имъ. И продолжалось это до тѣхъ поръ, пока не достигъ плачъ ихъ до небесныхъ высотъ — и услышалъ Господь голоса ихъ. Было это въ исходѣ третьяго часа послѣ полуночи. Въ этотъ часъ сошелъ Господь съ престола Суда и возсѣлъ на престолъ Милосердія; и вопросилъ Господь:

— Что означаютъ голоса эти, которые слышу Я, блеянію козочекъ и ягнятъ подобные?

Всталъ передъ Господомъ Моисей, учитель нашъ, и сказалъ:

— Владыка міра! То не козочекъ и агнцевъ блеяніе, но голоса дѣтей народа Твоего, которыя три дня и три ночи въ постѣ пребываютъ, а на завтра, какъ агнцы, закланія ждутъ.

Въ то-же мгновеніе возвратилось къ Господу все милосердіе Его, и сломалъ Господь печати и разорвалъ Онъ письмена приговора небеснаго, и сонъ тревожный послалъ на Ахашвероша въ ту ночь. *тамъ-же.*

ПАДЕНІЕ АМАНА И ВОЗВЕЛИЧЕНІЕ МАРДОХЕЯ

«Въ ту ночь отнялся сонъ у царя».

Сказаніе р. Хамы баръ Гуріонъ:

— Эту ночь проводили безъ сна: Есѳирь, занятая приготовленіями къ пиру для Амана, Мардохей — въ постѣ, Аманъ — прилаживаніемъ дерева для висѣлицы. Одинъ только Ахашверошъ спалъ сномъ безмятежнымъ. И сказалъ Господь духу сна:

— Дѣти мои въ бѣдѣ находятся, а этотъ нечестивецъ наслаждается сномъ на ложѣ своемъ. Иди, отгони сонъ отъ него.

Сошелъ духъ сна и возмутилъ сердечный покой Ахашвероша, говоря:

— Неблагодарный! Иди, отплати благодарностью тому, кому обязанъ ты.

— Кто-же это, — сталъ припоминать Ахашверошъ, — добро сдѣлалъ мнѣ, а я не вознаградилъ его? «И онъ велѣлъ принести «Памятную книгу дневныхъ записей».

Сказаніе р. Леви:

— Одинъ изъ сыновей Амановыхъ былъ писцомъ царскимъ, и ему-то пришлось читать передъ царемъ изъ «Памятной книги». Дочитавъ до мѣста, которое гласило о томъ, какъ «донесъ Мардохей на Бигѳана и Ѳереша», чтецъ свернулъ свитокъ такъ, чтобы, пропустивъ мѣсто это, читать слѣдующія затѣмъ строки записи; но царь, замѣтивъ это, сказалъ:

— Зачѣмъ свертываешь? Читай все, безъ пропусковъ.

— Государь! — сказалъ чтецъ, — нѣкоторыхъ словъ я разобрать не могу.

Въ эту минуту сами собою прозвучали слова: — — *«какъ донесъ Мардохей»* и пр. И когда имя Мардохея было произнесено, почувствовалъ царь, что благодатный сонъ вернулся къ нему.

На разсвѣтѣ царь увидѣлъ во снѣ: стоитъ надъ нимъ Аманъ съ мечемъ въ рукѣ и убить его готовится. Въ туже минуту послышался стукъ во входныя двери. Очнувшись, царь спросилъ:

— Кто стучится тамъ?

— Аманъ, — отвѣтили ему.

— Значитъ, — подумалъ царь, — сонъ мой — сонъ вѣщій.

И онъ сказалъ:

— Пусть войдетъ.

Когда Аманъ вошелъ, царь предложилъ ему вопросъ:

— «Что-бы воздать тому человѣку, котораго царь хочетъ отличить почестью?»

— «Кто-же знатнѣе меня? — подумалъ тутъ Аманъ, — кто болѣе меня отличенъ почестью? Стало быть, все, что я предложу, въ отвѣтъ на вопросъ царя, мнѣ-же и воздастся».

И отвѣчалъ Аманъ:

— «Тому человѣку, котораго царь хочетъ отличить почестью, пусть будутъ предоставлены одѣяніе царское и конь, на которомъ ѣхалъ царь, когда возлагали царскій вѣнецъ на главу его».

При словѣ «вѣнецъ» царь измѣнился въ лицѣ:

— «Вотъ оно, — подумалъ онъ, — недаромъ я видѣлъ во снѣ, что онъ убить меня готовится».

И сказалъ ему Ахашверошъ:

— «Тотчасъ-же возьми одѣяніе и коня, какъ ты сказалъ, и сдѣлай это Мардохею».

— Государь, — сказалъ Аманъ, — Мардохеевъ на свѣтѣ много.

— «Мардохею-іудеянину», — пояснилъ царь.

— Іудеевъ съ именемъ Мардохей тоже немало есть.

— «Сидящему у воротъ царскихъ»!

— Этому-то? Но не достаточно-ли будетъ деревушку, либо рѣчку въ пользованіе ему предоставить?

Голосомъ подобнымъ рыканію львиному, закричалъ царь на Амана:

— «Чтобы не упущено было ничего изъ того, что говорилъ ты!»

И послалъ царь Гаѳаха и Харбону, приказавъ имъ слѣдить, чтобы все было исполнено Аманомъ въ точности.

Согнувшись весь, уничтоженный, не зная, куда лицо спрятать отъ стыда, вошелъ Аманъ въ царскую гардеробную. Глаза его померкли, ротъ перекривило, колѣни дрожали; казалось даже, точно уши обрубили у него. Взялъ онъ одѣяніе царское и прочія принадлежности; торопливо выйдя оттуда, пошелъ въ стойла и, выбравъ лучшаго коня, въ золотомъ ошейникѣ, положилъ на него облаченіе царское и, взявъ коня подъ уздцы, отправился къ Мардохею.

Увидѣвъ Амана съ конемъ, Мардохей подумалъ: «Это онъ съ конемъ пришелъ, чтобы подъ копытами его растоптать меня». — «Бѣгите отсюда, — крикнулъ онъ ученикамъ своимъ, — чтобы и вамъ не пострадать отъ нечестивца этого!»

— Нѣтъ, — отвѣчали ученики, — на жизнь и на смерть мы останемся съ тобою.

Облачился Мардохей въ талисъ и всталъ на молитву. Въ это время вошелъ Аманъ и, подсѣвъ къ ученикамъ, спросилъ:

— Какимъ предметомъ занимаетесь вы?

— Закономъ объ «оморѣ».

— А изъ чего «оморъ» этотъ сдѣланъ, — изъ серебра, или изъ золота?

— Оморъ, — отвѣтили они, — это снопъ ячменный.

— А сколько могъ стоить такой снопъ?

— Много-много — десять зузъ.

— *Ваши* десять зузъ побѣдили *мои* десять тысячъ талантовъ серебра, — проговорилъ Аманъ.

Когда Мардохей окончилъ молитву, Аманъ обратился къ нему и сказалъ:

— Встань, праведный Мардохей, сынъ Авраама, Исаака и Іакова! Вретище твое и пепелъ твой предупредили десять тысячъ серебряныхъ талантовъ моихъ. Освободись отъ вретища и пепла, облачись въ одѣяніе царское и на царскаго коня садись.

— Нечестивецъ, отродье Амаликово! — воскликнулъ Мардохей, — одинъ часъ повремени мнѣ, — дай мнѣ хлѣбомъ горечи упитаться, упиться водой отравленной — и бери меня потомъ, да на висѣлицу поведи.

— Встань, праведный Мардохей! — отвѣчалъ Аманъ, — издавна многія чудеса сотворены вамъ; и нынѣ — то дерево, которое я приготовилъ для тебя, я на бѣду свою приготовилъ. Встань-же, облачись въ одѣяніе царское и садись на коня, который приведенъ для тебя, чтобы почестью отличить тебя.

Понялъ тутъ Мардохей, что дѣйствительно совершилось чудо Господне, и, обратившись къ Аману, сказалъ:

— Глупѣйшій изъ людей! Я на пеплѣ сидѣлъ и загрязнился весь, какъ-же въ одежды царскія облачиться мнѣ? Пристойно-ли это? Нѣтъ, сперва помоюсь и побреюсь. Поискали баньщика и брадобрея, но такого по близости не оказалось. Тогда Аманъ самъ повелъ Мардохея въ бани, подпоясался потуже, рукава засучилъ и сталъ за баньщика: принесъ разныя благовонія и нѣжнѣйшіе елеи, привелъ все на Мардохеѣ въ благолѣпный видъ, помылъ его, намастилъ, сбѣгалъ домой, ножницы принесъ и брить его принялся. Бреетъ Мардохея Аманъ, а самъ вздыхать не перестаетъ.

— О чемъ вздыхаешь? — спросилъ Мардохей.

— Горе человѣку, подобному мнѣ! — отвѣчалъ Аманъ, — Тотъ, кто главой всѣхъ сановниковъ былъ и выше ихъ всѣхъ передъ царемъ возсѣдалъ, теперь баньщикомъ и брадобреемъ сдѣлался!

— Полно тебѣ! — сказалъ на это Мардохей, — не зналъ я будто отца твоего, который въ селѣ такомъ-то двадцать два года брадобреемъ былъ и этими самыми инструментами работалъ!...

Приладивъ все какъ слѣдуетъ и облачивъ Мардохея, Аманъ сказалъ:

— Теперь садись на коня.

— Старъ я, — отвѣчалъ Мардохей, — и отъ поста ослабъ я очень.

Согнулся Аманъ и затылокъ подставилъ ему. Ступилъ Мардохей ногою на затылокъ ему и сѣлъ на коня.

Мардохей ѣхалъ, а Аманъ шелъ впереди и выкрикивалъ: «Такъ воздается тому, кого царь желаетъ отличить почестью!» Вслѣдъ за Мардохеемъ шла несмѣтная толпа отроковъ изъ царскаго дворца; каждый изъ нихъ имѣлъ по золотому кубку въ правой рукѣ и по серебряной чашѣ въ лѣвой, и всѣ они хоромъ повторяли слова Амана: «Такъ воздается тому, кого царь желаетъ отличить почестью!» Іудеи-же, шествовавшіе по обѣимъ сторонамъ Мардохея, возглашали: «Такъ воздается тому, кого *Царь Небесный* желаетъ отличить почестью».

Со всѣхъ сторонъ раздавались хвалебные клики, и факелы пылали кругомъ.

И пѣли хвалу Господу:

Мардохей —
«Хвала тебѣ, Господь, что поднялъ Ты меня,
Врагамъ моимъ не давъ побѣды надо мною!»
Ученики его —
«Господу пойте, святые Его!»
Есѳирь —
«Къ Тебѣ, Господь, взываю я!»
Народъ израильскій —
«Въ ликованіе Ты мнѣ
Плачъ мой обратилъ».

*

Сказаніе р. Іегуды баръ Симонъ:

— Заползшую въ домъ змѣю выкуриваютъ дымомъ отъ рога серны и женскихъ волосъ. Дебора и Есѳирь уподоблены въ Писаніи *сернѣ*. Дебора не отступила ни на шагъ, прежде чѣмъ не былъ истребленъ Сисара со всѣмъ войскомъ его; и Есѳирь не успокоилась, пока не былъ повѣшенъ Аманъ съ десятью сыновьями его.

*

Мардохеемъ отчеканены были монеты, имѣвшія повсемѣстное хожденіе. Изображеніе ихъ: съ одной стороны — вретище и куча пепла, съ другой — золотой вѣнецъ.

Мег., 16; Ес.-Р.; Пан.-Ах.; Бер.-Р., 39; Аг.-Ес.

ВИСѢЛИЦА АМАНА

«И сказалъ царь: повѣсьте его!»

Обратился Аманъ къ Мардохею и сказалъ:

— Пока еще не повели меня на казнь, прошу тебя, праведный, пусть не распинаютъ меня подобно тому, какъ это дѣлаютъ съ заурядными перступниками. Богатыри съ извѣстностью всемірной ничего не значили предо мною; главноначальствующіе покорялись мнѣ; словомъ моимъ я царей въ трепетъ приводилъ и страны въ смятеніе дыханіемъ моимъ. Я, Аманъ, съ титуломъ вице-короля и почетнымъ званіемъ «царевъ отецъ» — я страшусь, не поступилъ-бы ты теперь со мною такъ, какъ я поступить съ тобою готовился. Пощади честь мою и не убивай меня такъ, какъ былъ убитъ Агагъ, дѣдъ мой. Будь добръ; вѣдь среди васъ злодѣевъ не водится. Не вспоминай ты мнѣ вражды Агага и зависти Амалика; не помни зла, какъ злопамятствовалъ и мстилъ Исавъ, предокъ мой. Слишкомъ тусклъ взоръ мой, чтобы поднять его на ликъ твой, и я не отверзъ-бы устъ моихъ передъ тобою, если-бы не подговорили меня къ тому жена и пріятели мои. Молю тебя, пощади душу мою, господинъ мой, Мардохей праведный! — Не вѣшай меня, въ сѣдинѣ моей, на деревѣ. Казни меня какимъ-нибудь инымъ способомъ: мечемъ царскимъ обезглавь меня, какъ обезглавливаютъ обыкновенно сановниковъ государственныхъ.

Съ плачемъ и воплями продолжалъ Аманъ умолять Мардохея; видя, что Мардохей не внимаетъ ему, пришелъ и остановился Аманъ посреди дворцоваго сада и съ громкимъ рыданіемъ взывать сталъ:

— О, деревья, съ дней творенія насаждаемыя! Сынъ Амадаѳовъ къ висѣлицѣ присужденъ!...

Держали деревья совѣтъ и рѣшили такъ: дерево, которое имѣетъ въ вышину пятьдесятъ локтей, на немъ и пусть повѣшенъ будетъ Аманъ.

Отвѣчали деревья:

Виноградная лоза: «Я и ростомъ мала, и не пристойно мнѣ висѣлицей для Амана стать: сокъ ягодъ моихъ для священныхъ возліяній служитъ».

Смоковница: «Ягоды мои служатъ для приношенія первинокъ, изъ листвы-же моей Адамъ и Ева одѣяніе сдѣлали себѣ».

Масличное дерево: «Я доставляю елей для Свѣтильника».

Финиковая пальма взмолилась къ Господу, говоря: «Всѣмъ извѣстно, что нечестивецъ Аманъ — внукъ Агага, внука Амаликова, — и мнѣ-ли служить висѣлицей для него?» — «Будь благословенна! — раздался въ отвѣтъ ей Голосъ Господень, — ты не станешь висѣлицей для него, ибо тебѣ уподобленъ Сіонъ, возлюбленный мною».

Райская яблонь: «Ко мнѣ идутъ отъ всѣхъ народовъ земли, и отъ плодовъ моихъ берутъ, чтобы ликовать предъ Тобою, Господи!»

Миртъ: «Я райской яблони чета и надо мною также гимны радости поютъ».

Дубъ зашумѣлъ и воскликнулъ: «Дебора, кормилица Реввекина, подъ тѣнью моей погребена».

Теребинтъ: «На вѣтвяхъ моихъ Авессаломъ, сынъ Давидовъ, повисъ».

Гранатовая яблонь: «Мнѣ праведники уподоблены».

— «Слушайте, — раздался голосъ *кедра,* — на мнѣ да будетъ повѣшенъ Аманъ, — на томъ деревѣ, которое онъ приготовилъ самъ на гибель себѣ».

Тар.-Ш.

Сокращенія

А.-Б. д. Сира—Алефъ-Бетъ де-бенъ Сира.
Аб. д. Нат.—Аботъ дераби Натанъ.
Аба-Гур.—Аба Гуріонъ.
Абк.—Абкиръ.
Ав. З.—Трактатъ Авода-Зара.
Аг. Эс.—Агадатъ Эстеръ.
Б. Б.—Трактатъ Бава-Батра.
Б. К.— « Бава-Кама.
Б. М.— « Бава-Меціа.
Бам.-Р.—Бамидбаръ-Раба.
Бер.—Трактатъ Берахотъ.
Бер.-Р.—Берешитъ-Раба.
Бетъ-Гам.—Бетъ-Гамидрашъ.
Бик.—Бикуримъ.
Ваик.-Р.—Ваикра-Раба.
Введ.—Введеніе.
Гит.—Трактатъ Гитинъ.
Деб.-Р.—Дебаримъ-Раба.
Зеб.—Трактатъ Зебахимъ.
Іалк.—Іалкутъ (Шимони).
Іеб.—Трактатъ Іебамотъ.
Іеруш.—Талмудъ Іерушалми.
Кет.—Трактатъ Кетуботъ.
Кидд.— « Киддушинъ.
Ког.-Р.—Когелетъ-Раба.
М. Авр.—Маасе Авраамъ.
Мак.—Трактатъ Макотъ.
Мег.— « Мегилла.
Мен.— « Менахотъ.
Мид., Мидр.—Мидрашъ.
Мид. Ас. Гад.—Мидрашъ Асеретъ Гадибротъ.
Мид. Миш.—Мидрашъ-Мишлэ.
Мидр. Сам.—Мидрашъ Самуилъ.
Нед.—Трактатъ Недаримъ.
П. (Аб.)—Пирке (Аботъ).
П. (Пир.) д. Ел.—Пирке дераби Еліезеръ.
Пес.—Трактатъ Песахимъ.
Пес. д. К.—Песикта деравъ Кагана.
Песик. (Р.)—Песикта (Рабоси).
Пон. Ах.—Понимъ Ахеримъ.
Р.—Раби.
Р. Гаш.—Трактатъ Рошъ-Гашана.
Санг.— « Сангедринъ.
Сеф. Гаіаш.—Сеферъ Гаіашаръ.
Сиф.-З.—Сифре Зуто.
Сот.—Трактатъ Сотта.
Сук.— « Сукка.
Т. д. Ел.—Танна дебэ Елія.
Таан.—Трактатъ Таанитъ.
Там.— « Тамидъ.
Танх.—Танхума.
Танх. Гак.—Танхума Гакодумъ.
Тарг. Ш.—Таргумъ Шени.
Тиф. Иср.—Тифересъ Исроэль.
Тос., Тосеф.—Тосефта.
Хаг.—Трактатъ Хагига.
Хул.— « Хулинъ.
Ш. Гаш. Р.—Ширъ Гаширимъ Раба.
Шаб.—Трактатъ Шабботъ.
Шек.— « Шекалимъ.
Шем.-Р.—Шемотъ-Раба.
Шох. Т.—Шохеръ Товъ.
Эр. Эрув.—Трактатъ Эрувинъ.
Эха Р.—Эха Раба.

Оглавленіе

Судьи, цари, пророки

Разрушеніе Перваго храма

Отъ Перваго до Второго храма